

Джордж Р.Р. Мартин

ТАНЕЦ
С ДРАКОНАМИ
ИСКРЫ НАД ПЕПЛОМ

Annotation

«Танцем драконов» издавна звали в Семи Королевствах войну.

Но теперь война охватывает все новые и новые земли.

Война катится с Севера – из-за Стены. Война идет с Запада – с Островов. Войну замышляет Юг, мечтающий посадить на Железный Трон свою ставленницу. И совсем уже неожиданную угрозу несет с Востока вошедшая в силу «мать драконов» Дейенерис...

Что будет? Кровь и ненависть. Любовь и политика. И прежде всего – судьба, которой угодно было свести в смертоносном танце великие силы.

Джордж Мартин

Танец с драконами. Книга 2. Искры над пеплом

Север

Условные обозначения

- Города • Городки • Замки
- ∴ Руины ∄ Разрушенные замки

Условные обозначения

- Города • Городки ♦ Замки
- ∴ Руины ❖ Разрушенные замки

Железные острова

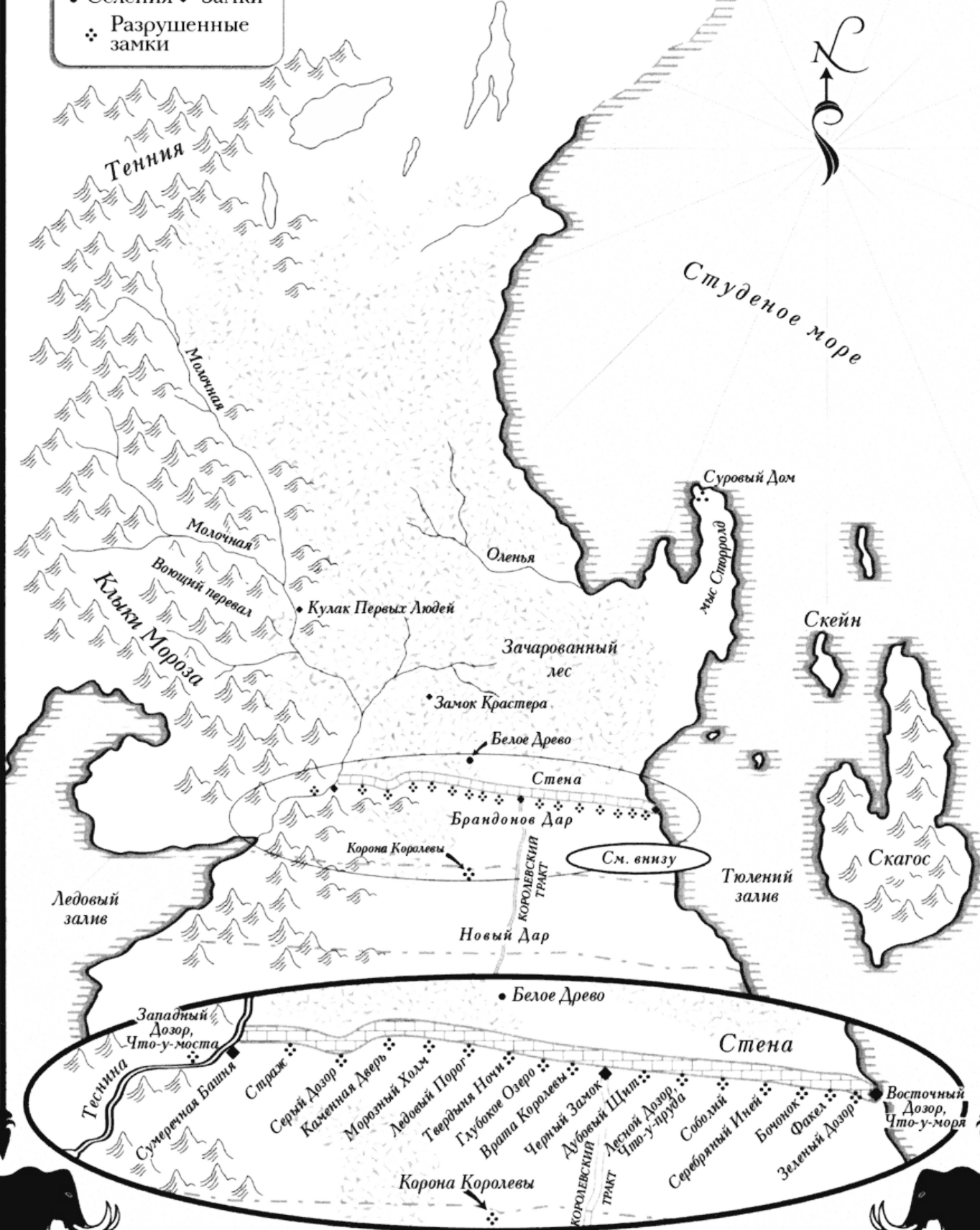

За Стеной

Условные обозначения

- Селения ♦ Замки
- ❖ Разрушенные замки

Край Вечной Зимы
(на карту не нанесен)

Тенния

Молочная

Молочная

Воющий перевал

Клык Мороза

Кулак Первых Людей

Оленья

Зачарованный лес

Замок Крастера

Белое Древо

Стена

Брандонов Дар

Корона Королевы

См. внизу

Новый Дар

Суровый Дом

мыс Сторролд

Скейн

Тюлений залив

Скагос

Ледовый залив

Белое Древо

Западный Дозор, Что-у-моста

Стена

Теснина

Сумеречная Башня

Страж

Серый Дозор

Каменная Дверь

Морозный Холм

Ледовый Порог

Твердыня Ночи

Глубокое Озеро

Врата Королевы

Черный Замок

Дубовый Щит

Лесной Дозор, Что-у-пруда

Соболий

Серебряный Иней

Бочонок

Факел

Зеленый Дозор

Восточный Дозор, Что-у-моря

Корона Королевы

КОРОЛЕВСКИЙ ТРАКТ

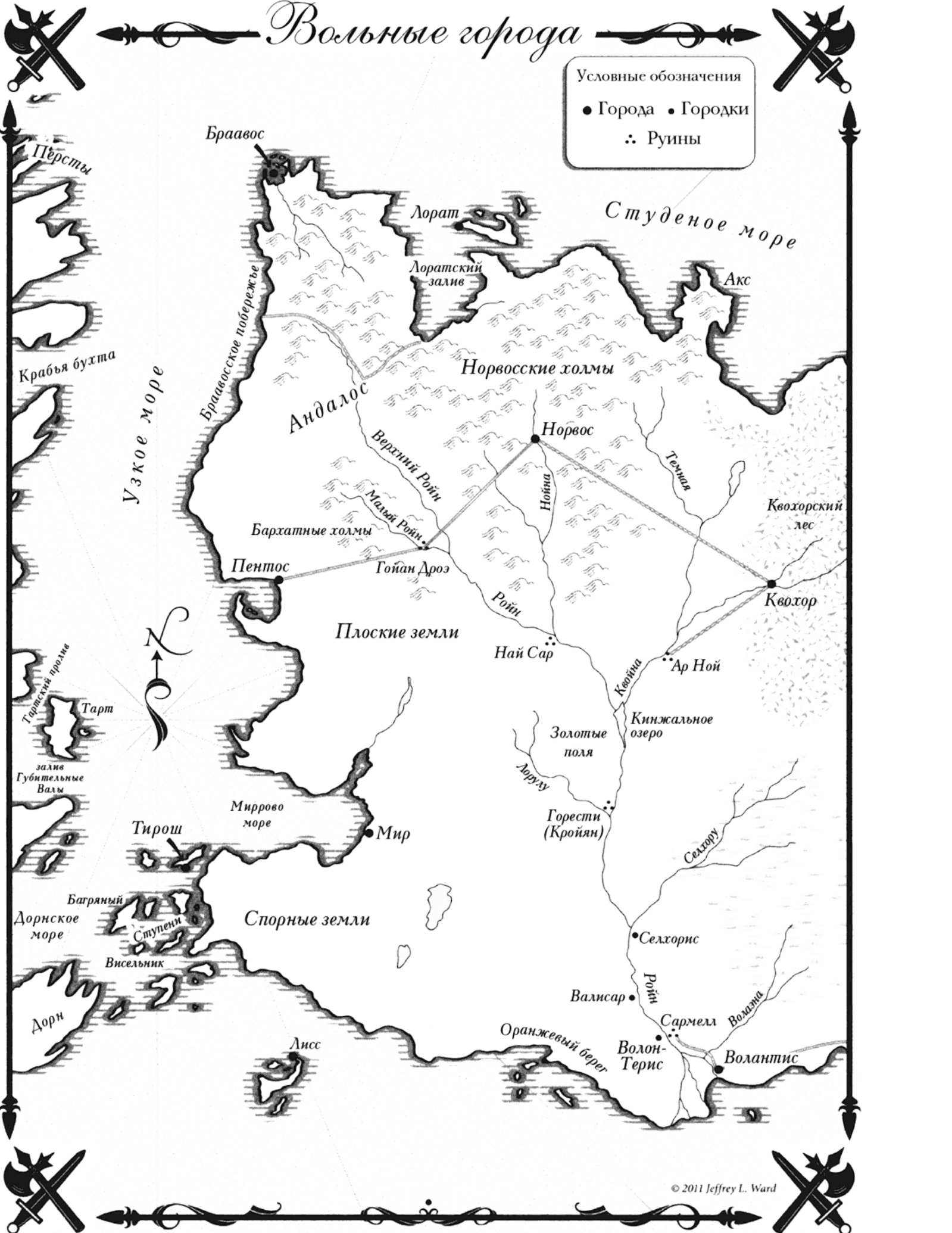

Вольные города

Условные обозначения

● Города ● Городки

∴ Руины

Браавос

Лорат

Студеное море

Акс

Лоратский залив

Норвосские холмы

Андалос

Норвос

Узкое море

Верхний Ройн

Нойна

Темия

Квохорский лес

Крабья бухта

Браавосское побережье

Малый Ройн

Бархатные холмы

Гойан Дроз

Квохор

Пентос

Плоские земли

Най Сар

Ар Ной

Тарт

Север

залив Губительные Валы

Мирровое море

Золотые поля

Кинжальное озеро

Тирош

Мир

Горести (Кройян)

Багряный Дорнское море

Спорные земли

Лорулу

Селхору

Ступени

Висельник

Селхорис

Дорн

Валисар

Ройн

Вомзета

Лисс

Оранжевый берег

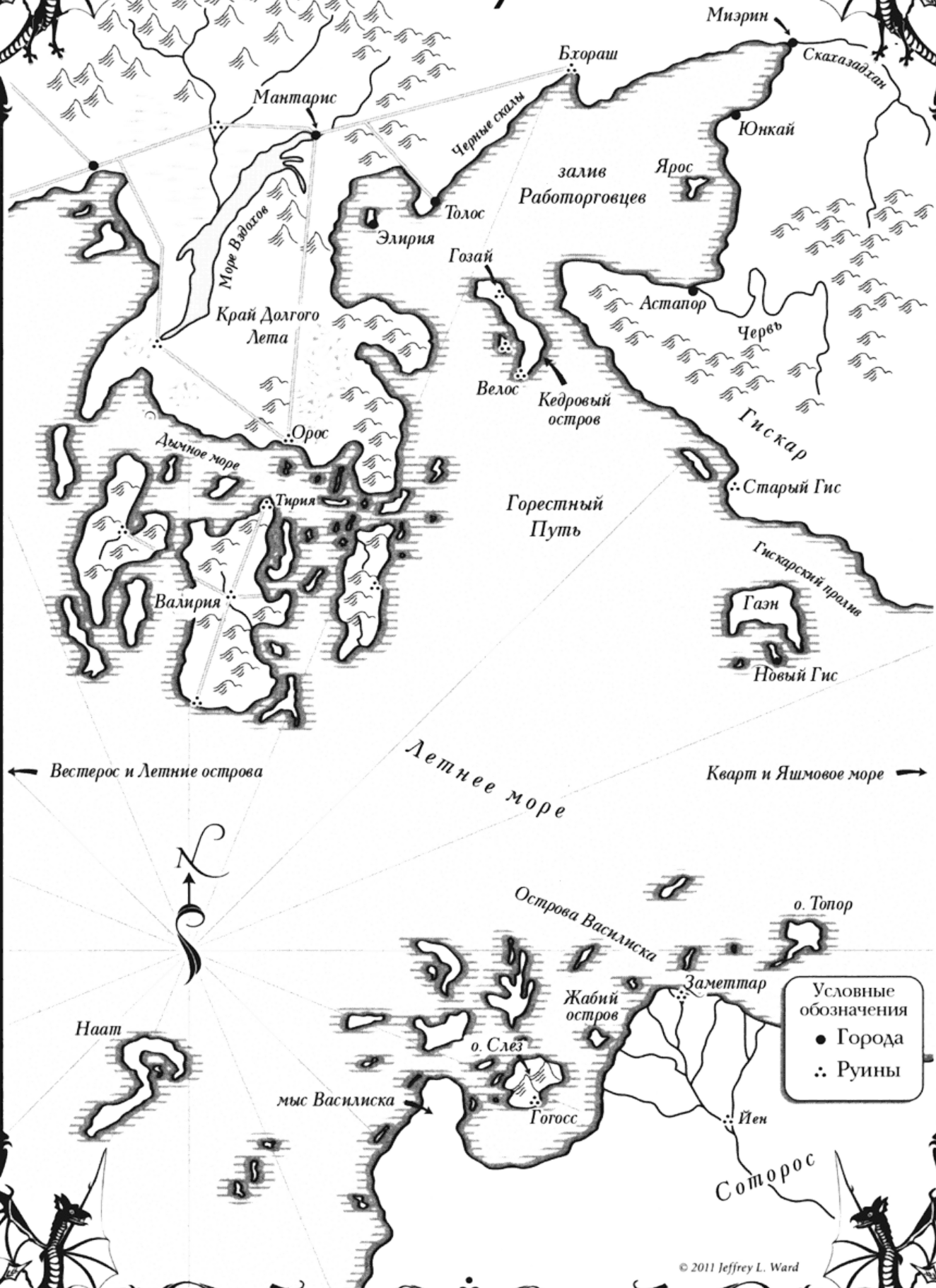
Волон-Терис

Сармелл

Волантис

Валирия

Условные обозначения
● Города
∴ Руины

Принц Винтерфелла

В очаге запекся черный холодный пепел – слабое тепло давали одни лишь свечи. Их пламя дрожало всякий раз, как открывали дверь, и с ними дрожала невеста. Ее одели в платье из белой шерсти, отороченное кружевом, расшитое речным жемчугом на лифе и рукавах. Туфельки из белой оленьей кожи были красивы, но несколько не грели. В лице девочки не было ни кровинки.

«Как ледяная, – подумал Теон Грейджой, накидывая ей на плечи меховой плащ. – Как мертвая, похороненная в снегу».

– Пора, миледи. – За дверью играла музыка – лютня, волынка и барабан.

Невеста подняла на него карие, блестящие при свечах глаза.

– Я буду ему хорошей, в-верной женой. Буду угождать ему во всем, подарю ему сыновей. Настоящая Арья так не сумела бы.

Такие разговоры приведут ее к смерти, а то и к худшим вещам – Теон усвоил этот урок, когда был Вонючкой.

– Вы и есть настоящая Арья, миледи. Арья из дома Старков, дочь лорда Эддарда, наследница Винтерфелла. – Имя. Она должна затвердить свое имя. – Арья-надоеда, Арья-лошадка.

– Я сама придумала ей это прозвище: у нее лицо лошадиное. – Слезы наконец-то проступили у нее на глазах. – Я, конечно, не была такой красивой, как Санса, но все говорили, что я хорошенькая. Лорд Рамси тоже так думает?

– Да, – солгал Теон. – Он мне сам говорил.

– Все равно... Он ведь знает, кто я на самом деле. Всегда смотрит сердито, даже когда улыбается. Говорят, он любит мучить людей.

– Не надо слушать глупые басни, миледи.

– Говорят, вас он тоже мучил. Ваши руки и...

– Я заслужил это, – выговорил Теон пересохшими губами. – Разгневал его. Помните об этом и не повторяйте моей ошибки. Лорд Рамси – хороший человек, добрый. Будьте ему хорошей женой, и все обойдется.

– Помогите мне! – вскрикнула девочка, вцепившись в его рукав. – Я часто смотрела, как вы фехтуете во дворе... Вы были такой красивый. Убежим вместе! Я буду вашей женой... или любовницей, как пожелаете.

– Невозможно. – Теон высвободил рукав. – Будьте Арьей, и все устроится. Угождайте ему во всем и никогда не говорите, что вы не Арья. – «Джейни, – подумал он, – вот как ее зовут». Музыка звучала громко, настойчиво. – Нам пора, вытрите слезы. – Глаза у нее карие, а должны быть серыми. Кто-нибудь непременно заметит и вспомнит. – Вот и хорошо. Теперь улыбнитесь.

Девочка невероятным усилием показала зубы. Красивые зубки, белые... недолго они продержатся, если она разозлит Рамси. Теон распахнул дверь, и три свечки из четырех погасли. Он вывел невесту в туман, где ожидали гости.

«Почему я?» – спросил он, когда леди Дастин сказала, что невесту поведет он.

«Ее отец и братья мертвы, мать погибла в Близнецах, дяди в плену или пропали без вести».

«У нее есть еще один брат. – Трое братьев, если уж говорить правду. – Джон Сноу из

Ночного Дозора».

«Он брат ей лишь наполовину, бастард и связан присягой. Вы были воспитанником ее отца, ближе вас у нее никого не осталось – кому и быть посаженным отцом, как не вам».

Ближе никого не осталось... Теон Грейджой и Арья Старк росли вместе. Теон сразу бы опознал самозванку. Раз невесту выдает замуж он, у северных лордов нет оснований оспаривать этот брак. Стаут, Слейт, Амбер Смерть Шлюхам, сварливые Рисвеллы, люди Хорнвуда, родичи Сервина – никто из них не знает дочерей Неда Старка лучше Теона. А если кто и питает сомнения, пусть раскинет умом и оставит все свои мысли при себе.

Болтоны используют его, чтобы прикрыть свой обман. Нарядили, как лорда, и отправили играть роль. Как только лже-Арья станет законной женой Рамси, лорду Русе больше не понадобится Теон Переметчивый. «Сослужи нам эту службу, и после победы над Станнисом мы подумаем, как вернуть тебе твои наследственные права», – сказал его милость своим тихим, созданным для лжи голосом. Теон не поверил ни единому его слову. Он спляшет для них этот танец – ведь выбора у него нет, – а после его снова отдадут Рамси, который отнимет у него еще несколько пальцев и обратит Теона обратно в Вонючку. Хоть бы боги смилоствовали и послали в Винтерфелл Станниса, чтобы он всех здесь предал мечу... в том числе и Теона. Это лучшее, на что можно надеяться.

В богороще, как ни странно, было теплей, чем внутри. Над всем остальным замком стоит белый морозный туман, дорожки обледенели, разбитые стекла теплиц сверкают инеем при луне. Всюду груды лежат грязный снег, прикрывший пепел и угли; кое-где из-под него торчат обгорелые балки или кучи костей с лохмотьями кожи. Стены и башни обросли бородой сосуллек с копье длиной – а в богороще нет снега, и от горячих прудов поднимается пар, теплый, как дыхание ребенка.

Невеста в белом и сером; такие же цвета надела бы настоящая Арья, если б ей было суждено дожить до собственной свадьбы. Сам Теон в черном и золоте; плащ на плече крепляет железный кракен, выкованный барроутонским кузнецом ради такой okazji. Но под капюшоном прячутся поредевшие седые волосы, и кожа у него серая, как у дряхлого старика. Наконец-то и он стал Старком. Они с невестой, разгоняя туман, прошли под каменной аркой. Барабан стучал, как девичье сердце, волынка сулила счастье. Месяц смотрел на них из тумана, как сквозь шелковую вуаль.

Этой богороще Теон не чужой. Он играл здесь мальчишкой, пускал камешки через черный холодный пруд под чардревом, прятал свои сокровища в дупле старого дуба, скрадывал белок с самодельным луком в руке. А когда подрос, лечил в горячих источниках синяки после учебных схваток с Роббом, Джори и Джоном Сноу. Эти каштаны, вязы и гвардейские сосны давали ему убежище, позволяя побыть одному. Здесь он впервые поцеловал девушку и здесь же стал мужчиной, уже с другой, на рваном одеяле вон под тем высоким страж-деревом.

Но такой – призрачной, с огнями и доносящимися непонятно откуда шепотами – он богорощу еще никогда не видел. Серый пар ползет вверх по стенам, заволакивая пустые окна.

Вымощенная замшелым камнем дорожка едва видна под грязью, палой листвой и корнями. Невесту зовут Джейни, но это имя нельзя произносить даже в мыслях, иначе поплатишься пальцем или ухом. Из-за нехватки пальцев на ногах Теон ступал медленно – доставало еще споткнуться. За такую оплошность лорд Рамси с него кожу сдерет.

Пар такой густой, что видны только ближние деревья – дальше лишь тени и огоньки. Вдоль дорожки между стволами расставлены свечи, они и мерцают во мгле, как светляки.

Словно в том месте между мирами, где блуждают грешные души в ожидании назначенной им преисподней. Может, они все и вправду мертвы, убиты во сне внезапно нагрянувшим Станнисом? Может, предполагаемая битва уже состоялась?

Кое-где красные огни факелов высвечивают лица гостей. Игра теней в тумане превращает их в зверей и чудовищ: лорд Стаут – вылитый мастифф, старый лорд Локе – коршун, Амбер Смерть Шлюхам – горгулья, Уолдер Большой – лис, Уолдер Малый – рыжий бычок, только кольца в носу не хватает. А лицо Русе Болтона напоминает бледно-серую маску с двумя грязными льдинками вместо глаз.

На деревьях полным-полно воронов – сидят, взъерошив перья, на голых ветках и смотрят на то, что происходит внизу. Мейстер Лювин убит, воронья башня сгорела, но птицы выжили, и это их дом. Теон уже позабыл, что чувствуешь, когда у тебя есть дом.

Туман разошелся и открыл новую картину, словно занавес на театре. Вот оно, сердце-дерево с широко распростертыми костяными ветвями. Вокруг толстого белого ствола кучами лежат красные и бурые опавшие листья. Здесь воронов всего больше – переговариваются друг с дружкой на тайном языке, как злодеи. Под деревом стоит Рамси Болтон в высоких сапогах серой кожи, в черном бархатном дублете с розовыми шелковыми прорезями, украшенном гранатовыми слезами. Губы мокрые, шея над воротником красная.

– Кто здесь? – спросил он. – Кто просит благословения богов?

– Арья из дома Старков, – ответил Теон, – законнорожденная, взрослая и достигшая расцвета. Кто хочет взять ее за себя?

– Я, Рамси из дома Болтонов, лорд Хорнвуда и наследник Дредфорта. Кто ее отдает?

– Теон из дома Грейджоев, возвращенный ее отцом. Леди Арья, берешь ли этого человека себе в мужья?

Она подняла на него глаза – карие, а не серые. Неужто они не замечают этого, дурачье? В глазах читалась мольба. «Другого случая у тебя не будет, – подумал Теон. – Скажи им сейчас. Выкрикни свое имя – пусть весь Север услышит, что ты не Арья, что тебя принудили выдать себя за нее». После этого она, конечно, умрет, и он тоже, но авось, Рамси в порыве гнева убьет их быстро.

– Беру, – шепотом сказала она.

Сто свечей мерцали в тумане. Теон отступил. Жених с невестой взяли за руки и преклонили колени, склонив головы перед сердце-деревом. Лик на стволе смотрел на них красными глазами, смеясь красным ртом. Наверху каркнул ворон.

После нескольких мгновений тихой молитвы они поднялись. Рамси снял плащ, брошенный Теоном на плечи невесты – белый, шерстяной, отороченный серым мехом, с эмблемой лютоволка Старков, – и заменил его розовым, расшитым гранатами, как и его дублет. На спине был пришит дредфортский ободранный человек, выкроенный из красной кожи.

Вот и все. Свадьбы на Севере за отсутствием жрецов и септонов совершаются быстро – оно и к лучшему. Рамси взял жену на руки и понес ее сквозь туман. Лорд Болтон с леди Уолдой двинулись следом, за ними все остальные. Музыка опять заиграла, Абель-бард в сопровождении двух женских голосов запел «Два сердца бьются, как одно».

«Не помолиться ли мне?» – подумал Теон. Услышат ли его старые боги? У него свой бог, Утонувший, но Винтерфелл так далеко от моря... и он так давно не обращался ни к одному из богов. Кем он стал, кем был раньше, почему он еще жив и зачем родился на свет?

– Теон, – тихо позвал кто-то... но кто? Вокруг никого, кроме окутанных туманом

деревьев. Шепот, тихий как шорох листвы, пронизал его холодом. Бог его зовет или призрак? Сколько человек погибли, когда он взял Винтерфелл, сколько в тот день, когда он потерял замок? Сам Теон Грейджой тоже умер тогда, возродившись как Вонючка.

Ему захотелось поскорее уйти.

За пределами богороци холод набросился на него словно волк. Пригнув голову от ветра, Теон шел вдоль вереницы свечей и факелов в Великий Чертог. Снег хрустел под сапогами; капюшон, мешавший кому-то из призраков заглянуть Теону в лицо, сдуло.

В Винтерфелле полным-полно призраков. Это уже не тот замок, который запомнился ему в летнюю пору юности. Теперь это развалина, пристанище мертвецов и ворон. Двойная крепостная стена устояла – гранит не поддается огню, – но на башнях и других зданиях почти не осталось кровель, а некоторые и вовсе обрушились. Огонь пожрал дерево и тростник, стекла побились, тепличные растения, которые могли бы кормить замок всю зиму, погибли на холоде. Во дворе стоят заметенные снегом палатки: Русе Болтон разместил здесь свое войско и солдат своих друзей Фреев. Все дворы, подвалы и разрушенные строения заполнены до отказа.

Крышей успели покрыть только казарму и кухню, откуда теперь сочится дымок. Из всех красок в замке остались лишь серая и белая, цвета Старков. Дурным это считать знаком или хорошим? Небо и то серое; всё серое, куда ни глянь, кроме глаз невесты. Они у нее карие, и их наполняет страх. Напрасно она обратилась к нему как к спасителю. Что он ее, на крылатом коне увезет, как герой сказок, которыми Санса с Джейни когда-то заслушивались? Он и себе-то помочь не в силах. Вонючка – он Вонючка и есть.

По всему двору развешаны заиндевшие трупы тех, кто самовольно заселил замок. Люди Болтона, выгнав их из нор, где те ютились, повесили самых дерзких, а остальных поставили на работу. «Будьте прилежны, и я окажу вам милость», – сказал лорд Болтон. Первым делом они воздвигли новые ворота на месте сожженных и подвели под крышу Великий Чертог. Когда работники управились со всеми порученными делами, лорд Болтон их тоже повесил. Слова он не нарушил и милость им оказал: ни с одного не снял кожу.

К этому времени подошло остальное войско. Над стенами Винтерфелла, где гулял северный ветер, подняли оленя и льва короля Томмена, а под ним – дредфортского человека с содранной кожей. Теон прибыл в замок с леди Дастин, ее барроутонскими вассалами и невестой. Леди Барбри настояла, что будет опекать леди Арья вплоть до ее замужества, – теперь ее полномочия кончились. Девушка, произнеся подобающие слова, стала принадлежать Рамси и сделала его лордом Винтерфелла. Он не причинит ей зла, если Джейни ничем его не прогневает... Нет, не Джейни. Арья.

Руки Теона ныли даже в подбитых мехом перчатках – особенно досаждали недостающие пальцы. Неужели женщины когда-то млели от его ласк? Он объявил себя принцем Винтерфелла, оттуда все и пошло. Думал, что о его подвигах будут петь и рассказывать не меньше ста лет. Но его прозвали Теоном Переметчивым; если рассказы и ходят, то лишь о его предательстве. А ведь Винтерфелл так и не стал для него родным домом: он жил здесь заложником, и тень большого меча всегда разделяла их с лордом Эддардом. Лорд обращался с ним хорошо, но не проявлял никаких нежных чувств, зная, что воспитанника, возможно, однажды придется убить.

Теон, опустив глаза, пробирался между палатками. На этом дворе он обучался быть воином, сражался с Роббом и Джоном Сноу под надзором старого сира Родрика. Тогда пальцы еще были целы, и он охватывал рукоять меча без труда. Со светлыми

воспоминаниями уживаются мрачные: именно здесь он собрал людей Старка в ту ночь, когда Бран и Рикон бежали из замка. Рамси, который тогда сам назывался Вонючкой, стоял рядом и шептал ему на ухо, что недурно бы кое с кого кожу содрать: тогда челядинцы мигом скажут, куда девались мальчишки. «Пока Винтерфеллом правлю я, кожу ни с кого не сдерут», – заявил Теон, не ведая, как мало ему остается править. Он знал этих людей полжизни, а они не захотели ему помочь. Тем не менее он защищал и замок, и его домочадцев, пока Рамси, отбросив личину Вонючки, не перебил их. Дружина Теона тоже вся полегла; последнее, что ему запомнилось, был его конь Улыбчивый, с горящей гривой и обезумевшими глазами. Здесь, на этом самом дворе.

Вот и двери Великого Чертога – новые, наспех сколоченные. Охранявшие их копейщики кутались в меховые плащи, бороды у них обледенели. Теона, толкнувшего правую створку и проскользнувшего внутрь, они проводили завистливыми взглядами.

В чертоге, к счастью, было тепло. Ярко горели факелы, и такого количества народу Теон здесь еще никогда не видел. На скамьях сидели впритирку, и даже лордам и рыцарям выше соли места досталось меньше обычного.

Абель у помоста брэнчал на лютне и пел «Прекрасные девы лета». Лорд Мандерли привез музыкантов из Белой Гавани, но певцов среди них не было – тут-то Абель и явился к воротам с лютней и шестью женщинами. «Две моих сестрицы, две дочки, жена и матушка, – представил их он, хотя фамильного сходства между ними не наблюдалось. – Они и танцуют, и поют, и белье стирать могут. Одна играет на волынке, другая на барабане».

Сам он тоже неплохо играл и пел – лучшего в этих руинах не приходилось искать.

На стенах висели знамена: разномастные конские головы Рисвеллов, ревуций великан дома Амберов, каменная рука Флинтов, лось Хорнвудов, водяной Мандерли, черный топор Сервинов, сосны Толхартов. Яркие полотнища не полностью скрывали обгоревшие дочерна стены и забитые досками оконные дыры, зато новехонькие стропила еще не успели покрыться копотью.

Самые большие знамена располагались за высоким столом: лютоволк позади невесты, человек с содранной кожей позади жениха. Знамя Старков поразило Теона не меньше, чем карие глаза молодой. Вместо него здесь полагалось бы висеть гербу дома Пулей: голубое блюдо на белом поле, окаймленное серой лентой.

– Теон Переметчивый, – сказал кто-то.

Многие отворачивались, когда он шел мимо, а то и плевались. Как же иначе. Он предательски взял Винтерфелл, убил своих названных братьев, выманил своих земляков из Рва Кейлин на лютую смерть, уложил названую сестру в постель лорда Рамси. Русе Болтону он, возможно, и пригодится еще, но у прочих северян вызывает только заслуженное презрение.

А тут еще походка – из-за покалеченной левой ноги он ковылял, точно краб. Женщина смеется... даже в этой замороженной обители смерти есть женщины. Прачки – так их называют, чтобы не употреблять некрасивого слова «шлюхи».

Непонятно, откуда они берутся – просто появляются, как черви на трупе или воронье после битвы. Одни опытные, способные принять за ночь двадцать мужчин и перепить любого из них, другие – что твои невинные девы. Есть и походные женки: совершит такая венчальный обряд с солдатом перед одним из богов, а после войны он ее тут же бросит. Ночью она с ним спит, утром латает ему сапоги, вечером стряпает ужин. Убьют его – обернет мертвеца. Некоторые и впрямь занимаются стиркой, за многими таскаются хвостом грязные ребятишки. И такая вот баба смеется над ним, Теоном! Ничего, пусть. Его гордость погибла

здесь, в Винтерфелле: в темницах Дредфорта ей не место. Того, кто знал поцелуй свежесезонного ножа, смех перестает ранить.

По праву рождения он занимает место на конце высокого стола, у стены. По левую руку от него сидит леди Дастин, как всегда в черном, без единого украшения, по правую нет никого. Боятся, как бы на них его бесчестье не перекинулось.

Русе Болтон предложил здравицу в честь леди Арьи.

– В ее детях два наших древних рода соединятся, и вражде между Старками и Болтонами будет положен конец. – Он говорил так тихо, что все примолкли, насторожив слух. – Жаль, что наш добрый друг Станнис опаздывает, – это вызвало смех, – Рамси так надеялся поднести его голову в дар леди Арье. – Смех усилился. – Когда он явится, мы окажем ему достойный прием, как настоящие северяне, а пока будем есть, пить и веселиться. Зима вот-вот нагрянет, друзья мои, и немногие из нас доживут до весны.

Еду и напитки для свадебного стола привез с собой лорд Белой Гавани. Пиво – хочешь темное, хочешь светлое, не говоря уж о винах, привезенных с юга и выдержанных в его глубоких подвалах. Гости поглощали рыбные пироги, тыкву, репу, сыр, горячую баранину, жареные говяжьи ребра. Вскоре настал черед трех свадебных пирогов величиной с тележное колесо. Внутри у них чего только не было: морковь, лук, та же репа, грибы, свинина в густой подливе. Рамси резал их своим фальшионом, а подавал сам лорд Виман: первые порции лорду Русе и его толстухе-жене, урожденной Фрей, следующие сиру Хостину и сиру Эйенису, сыновьям Уолдера Фрея.

– Такого вы еще не пробовали, милорды, – приговаривал он. – Запивайте его борским золотым и смакуйте каждый кусочек, мой вам совет.

Сам он умял шесть ломтей, по два от каждого пирога, и причмокивал, и оглаживал свой живот. В бороде у него застряли крошки, камзол украсился пятнами соуса. Даже Толстая Уолда, съевшая три куса, не могла угнаться за ним. Рамси тоже уплетал за обе щеки, а вот молодая ни кусочка не проглотила. Когда она поднимала глаза, Теон видел, что они по-прежнему полны страха.

Мечи в чертог не допускались, но каждый мужчина, даже Теон Грейджой, имел при себе кинжал, чтобы резать им мясо. Глядя на бывшую Джейни Пуль, он чувствовал на боку холодок стали. Спасти ее он не может, а вот убить – чего проще. Пригласить леди на танец и перерезать ей горло, свершить доброе дело. А если старые боги смилуются, то Рамси и его на месте убьет. Смерти Теон не боялся: в подземельях Дредфорта он испытал куда более страшные муки. Этого урока, который Рамси преподавал ему палец за пальцем, он не забудет до конца своих дней.

– Ты ничего не ешь, – заметила леди Дастин.

– Не хочется... – Слишком мало зубов у него осталось во рту, чтобы получать удовольствие от еды. Пить легче, хотя чашу тоже приходится обеими руками держать.

– Напрасно. Такого свиного пирога, если верить нашему толстому другу, мы еще не едали. – Леди повела чашей в сторону лорда Мандерли. – Видел ты когда-нибудь столь счастливого толстяка? Чуть не пляшет и сам подает тарелки.

Лорд Белой Гавани в самом деле являл собой портрет дородного весельчака – он смеялся, хлопал других лордов по спинам и заказывал музыку.

– Спой нам «Конец ночи», певец, – я знаю, невесте понравится. А не то поведай об отважном Данни Флинте, чтобы мы все прослезились.

– Можно подумать, что это он новобрачный.

– Он попросту пьян, – проронил Теон.

– Страх свой топит, несчастный трус.

Трус? Теон не был в этом уверен. Сыновья Вимана, такие же толстые, не посрамили себя в бою.

– На Железных островах тоже принято пировать перед битвой. Близость смерти придает жизни особую сладость. Если Станнис придет сюда...

– Придет, куда денется, – усмехнулась леди. – И когда это случится, толстяк намочит штаны. Его сына убили на Красной Свадьбе, а он делит хлеб-соль с Фреями, принимает их у себя, обещает одному из них свою внучку и подает им пирог. В старину Мандерли бежали на Север с юга, отдав свои земли и замки врагу, а кровь всегда окажет себя. Не сомневаюсь, что толстяк охотно перебил бы нас всех, только духу, несмотря на обилие плоти, у него не хватает. Под всем этим жиром бьется сердце столь же трусливое, как... как и твое.

Это хлестнуло Теона, будто кнутом, но ответить столь же хлестко он не посмел. Охота была платить собственной шкурой за дерзости.

– Если миледи думает, что лорд Мандерли замышляет измену, об этом следует сказать лорду Болтону.

– По-твоему, Русе не знает? Глупости. Посмотри, как он следит за Мандерли, и заметь: он не притронется ни к чему, пока лорд Виман не отведаст это первым. Не пригубит вина, пока тот не выпьет из того же бочонка. Русе будет только в радость, если толстяк попытается нас предать. Он ведь бесчувственный, Болтон. Пиявки, которых он так обожает, давно высосали из него все страсти. Любовь, ненависть, горе – для него всего лишь игра. Одни охотятся с гончими, другие с ястребами, третьи бросают кости, а Русе играет людьми. Тобой, мной, Фреями, Мандерли, новой толстушкой-женой, даже своим бастардом; все мы фигуры в его игре. – Леди Барбри подставила слуге чашу и жестом велела ему наполнить чашу Теона. – Ему, по правде говоря, одного лордства мало. Почему бы не королевство? Тайвин Ланнистер мертв, Цареубийца – калека, Бес в бегах. Ланнистеры кончились, а от Старков Болтона любезно избавил ты. Старый Уолдер Фрей не будет против, если его крошку Уолду сделают королевой Севера. Возражения могут последовать со стороны Белой Гавани, но я почему-то не думаю, что лорд Виман переживет грядущую битву – и Станнис тоже. Русе уберет их, как убрал Молодого Волка, и кто же тогда останется?

– Вы, – ответил Теон. – Леди Барроутона, вдова Дастина, урожденная Рисвелл.

– Да, – согласилась довольная леди Барбри, – я могла бы ему помешать. Русе, конечно, тоже об этом знает и потому старается меня ублажить.

Она хотела сказать еще что-то, но тут в лордову дверь за помостом вошли трое мастеров – один длинный, другой пухлый, третий совсем юнец, но похожие, как три серые горошины из одного стручка. Медрик до войны служил лорду Хорнвуду, Родри – лорду Сервину, молодой Хенли – лорду Слейту. Русе Болтон призвал их всех в Винтерфелл, чтобы посылать и получать письма с воронами мастера Лювина.

– Будь я королевой, первым делом этих серых крыс извела бы, – прошипела леди Дастин. Медрик, согнув колено, говорил что-то на ухо лорду Русе. – Шмыгают повсюду, питаются объедками лордов, шушукаются друг с дружкой и нашептывают разное своим господам – непонятно только, кто из них господа, а кто слуги. У каждого большого лорда есть мастер, каждый мелкий мечтает его иметь. Если у тебя его нет, ты вроде как ничего и не значишь. Серые крысы читают и пишут письма даже неграмотным лордам – как тут поймешь, не прибавили ли они что-нибудь от себя? Какая вообще от них польза, скажи на милость?

– Они врачуют, – сказал Теон.

– Это да. В хитрости им не откажешь. Когда мы слабы и наиболее уязвимы, они тут как тут. Иногда они излечивают больных и принимают от нас благодарность, иногда оказываются бессильны и утешают скорбящих, за что мы опять-таки благодарны. В знак благодарности мы даем им место под своим кровом и допускаем ко всем своим постыдным тайнам. Без их совета не обходится ничего – глядь, и завладел советник браздами правления. С лордом Рикардом Старком именно так и произошло. Его крысу звали мейстером Валисом. Умно, не правда ли, что они даже при поступлении в Цитадель обходятся лишь одним именем? Никто не знает, кто они на самом деле и откуда взялись – но если покопаться, то можно выяснить. Нашего мейстера Валиса до того, как он выковал свою цепь, звали Валисом Флауэрсом. Флауэрами, Хиллами, Риверсами, Сноу мы называем бастардов, чтобы отметить их, но они ловко избавляются от своих прозвищ. Матерью Валиса была некая девица Хайтауэр, а отцом, как поговаривали, архимейстер из Цитадели. Серые крысы не столь целомудренны, как хотят нам внушить, а хуже всех староместские. Отец-то и пристроил его в Винтерфелл, лить медовую отраву лорду Рикарду в уши. Брак с Талли, вот он чего добивался...

– Друзья мои, – произнес Русе Болтон, поднявшись с места. В чертоге воцарилась тишина, столь глубокая, что Теон слышал ветер, задувающий в щели заколоченных окон. – Станнис и его рыцари вышли из Темнолесья под знаменем своего нового красного бога. За ними едут горные кланы на лохматых конях. Через две недели, если погода продержится, они могут быть здесь. По Королевскому тракту идет Амбер Воронье Мясо, с востока – Карстарк. Они намерены встретиться с лордом Станнисом у стен этого замка и взять Винтерфелл.

– Надо выступить им навстречу! – вскричал сир Хостин Фрей. – Зачем позволять им соединиться?

«Затем, что предатель Арнольф Карстарк только и ждет знака от лорда Болтона», – мысленно ответил Теон. Болтон между тем вскинул руки, призывая подающих советы лордов к молчанию.

– Не будем обсуждать это в чертоге, милорды, соберемся в горнице. Сын мой тем часом скрепит свой брак, а остальные пусть едят досыта и пьют допьяна.

Лорд Дредфорта вышел в сопровождении мейстеров; другие лорды и капитаны поднялись вслед за ним. Старый Хозер Амбер по прозвищу Смерть Шлюхам был хмур как туча, лорд Мандерли так напился, что из чертога его выводили четверо крепких мужчин.

– Спой нам про Повара-Крысу, певец, – бубнил он.

Леди Дастин собралась выйти в числе последних. Теон только теперь понял, как много он выпил. Вставая из-за стола, он выбил штоф из рук подавальщицы и залил красным вином свои бриджи и сапоги.

В плечо впиалась чья-то пятерня, твердая, как железо.

– Постой, Вонючка, – сказал Алин-Кисляй, дыша на него гнилыми зубами. С ним были Желтый Дик и Дамон-Плясун. – Рамси велит тебе проводить его невесту в опочивальню.

Теона пробрала дрожь. Он уже сыграл свою роль – чего еще Рамси от него хочет? Возражать он, понятно, не стал.

Лорд Рамси уже покинул чертог. Молодая сидела, съежившись, под знаменем дома Старков и держала обеими руками серебряный кубок – не раз осушенный, судя по ее взгляду. Думает, видно, что вино облегчит ее муки; надо было прежде Теона спросить.

– Пойдемте, леди Арья, пора исполнить свой долг.

Шестеро бастардовых ребят сопровождали их через двор в большой замок. В спальню лорда Рамси, одну из комнат, которые пожар почти не затронул, вели три лестничных марша. Дамон по дороге насвистывал, Свежевальщик хвастал, что лорд Рамси обещал подарить ему кровавую простыню.

Опочивальню обставили новой мебелью, доставленной в обозе из Барроутона, кровать с пуховой периной завесили пологом красного бархата, каменный пол застлали волчьими шкурами. В очаге горел огонь, на столе у кровати – свеча. На буфет поставили винный штоф и две чаши, положили полкруга белого с прожилками сыра.

Лорд Рамси ждал их в резном кресле из черного дуба с красной кожей на сиденье.

– А вот и моя сладкая женушка. Спасибо, ребята. Ступайте, только Вонючка пускай останется.

Отсутствующие пальцы – один на правой руке, два на левой – свело судорогой. Кинжал тяжелил пояс. На правой недостает только мизинца, нож Теон еще способен держать.

– Жду ваших приказаний, милорд.

– Ее подарил мне ты, так разверни свой подарок. Посмотрим, какова из себя дочь Неда Старка.

«Какая там дочь! Рамси знает, не может не знать – что за игру он затеял?» Девушка дрожала всем телом, словно лань.

– Прошу вас, повернитесь спиной, леди Арья, – я распушу шнуровку у вас на платье.

– Слишком долго, – бросил Рамси, подливая себе вина. – Разрежь.

Теон вынул кинжал. Теперь он понял замысел Рамси – довольно было вспомнить Киру с ключами. Лорд искушает Теона поднять на него нож, чтобы потом содрать кожу с преступной руки.

– Стойте смирно, миледи. – Теон вспорол юбку и повел лезвие вверх, стараясь не задеть кожу. Шерсть и шелк распадались, уступая ножу. Девушка так тряслась, что пришлось ухватить ее выше локтя, насколько левая рука позволяла. – Смирно.

Платье упало к ее ногам.

– Белье тоже, – приказал Рамси.

Обнажились маленькие острые груди, узкие девичьи бедра, тонкие ножки. Совсем ребенок... Теон и забыл, как она юна. Ровесница Сансы, Арья еще моложе. В комнате, несмотря на огонь, было холодно, бледная кожа Джейни покрылась мурашками. Девушка подняла ладони к груди, но Теон сказал одними губами «нет», и она опустила руки.

– Ну, Вонючка, что скажешь?

Какого он ждет ответа? «Все говорили, что я хорошенькая...» Сейчас никто бы так не сказал. На спине видны тонкие линии – ее били плетью.

– Хороша, милорд, чудо как хороша.

Мокрые губы Рамси расплылись в улыбке.

– Что, Вонючка, стоит у тебя? Хочешь взять ее первым? Принц Винтерфелла имеет на это право, как все лорды когда-то. Только ты-то не лорд, верно? Даже и не мужчина. – Рамси швырнул чашу в стену, и по камню растеклись красные реки. – Ложись в постель, Арья, вот так. И ноги раздвинь, поглядим на твою красоту.

Теон отступил к двери. Рамси, сев к жене на кровать, запустил внутрь два пальца. У нее вырвался страдальческий вздох.

– Суха, как старая кость. – Рамси отвесил жене пощечину. – Мне сказали, ты знаешь, как сделать мужчине приятное. Соврали, выходит?

– Н-нет, милорд. Меня н-научили.

– Поди сюда, Вонючка, приготовь ее для меня.

– Милорд, так ведь я же...

– Языком, дубина. И шевелись: если она не увлажнится, пока я раздеваюсь, я твой язык отрежу и к стенке прибью.

Из богороши донесся крик ворона. Теон убрал кинжал в ножны.

«Вонючка-Вонючка, навозная кучка».

– Покажите нам эту голову, – сказал принц.

Арео Хотах провел рукой по гладкому ясеновому древку своей секиры. Все это время он пристально следил за белым рыцарем Бейлоном Сванном и его спутниками, за песчаными змейками, рассажеными по разным столам, за лордами и леди, за слугами, за старым слепым сенешалем, за молодым мейстером Милесом с шелковой бородкой и подобострастной улыбкой. Со своего места наполовину на свету, наполовину в тени он хорошо видел всех и каждого. Служить, защищать, повиноваться – таков его долг.

Взоры всех остальных были устремлены на ларец черного дерева с серебряными петлями и застежками. Красивая вещь, но его содержимое может привести многих из собравшихся в Старом Дворце к скорой смерти.

К сирю Бейлону, шурша мягкими туфлями, приблизился мейстер Калеотт. На его новой великолепной мантии чередовались желтые, коричневые и красные полосы. Он с поклоном принял ларец у белого рыцаря и отнес к помосту, где сидел в своем кресле на колесах Доран Мартелл между дочерью Арианной и наложницей покойного брата Элларией. Сто свечей наполняли воздух сладкими ароматами, отражаясь в перстнях лордов, украшениях дам и начищенных до блеска медных доспехах Арео Хотаха.

В чертоге стало так тихо, будто весь Дорн затаил дыхание. Мейстер Калеотт поставил ларец у ног принца Дорана. Столь ловкие обычно, а теперь будто онемевшие пальцы открыли замки, откинули крышку. Внутри лежал череп. Кто-то откашлялся, одна из двойняшек Фаулер шепнула что-то другой. Эллария Сэнд молилась, закрыв глаза.

А сир-то Бейлон напрягся, будто натянутый лук. Он не так высок и хорош собой, как прежний белый рыцарь при дорнийском дворе, зато крепче, шире в груди, и руки его бугрятся мускулами. Белоснежный плащ застегнут у горла серебряной пряжкой с двумя лебедями, один из слоновой кости, другой из оникса. Похоже, они дерутся? Их владелец, по всему видно, тоже боец – с ним управиться было бы потруднее, чем с тем другим. Он не устремился бы прямо на секиру Арео, а прикрылся бы щитом и заставил Арео первым напасть. Ну что ж... секира не зря наточена так, что ею можно бриться.

Череп скалился, лежа в своем гнезде из черного фетра. Все черепа скалятся, но этот как-то веселее других. И больше. Капитан отродясь не видел таких громадных голов. Тяжелый нависший лоб, массивная челюсть, все белое, как плащ сира Бейлона.

– Положите на пьедестал, – приказал со слезами на глазах принц.

Пьедесталом служила черная мраморная колонна на три фута выше мейстера Калеотта. Маленький пухлый мейстер встал на цыпочки, но дотянуться не смог. Арео Хотах хотел помочь, но его опередила Обара Сэнд. Грозная даже без всегдашнего своего кнута, в мужских бриджах и длинной полотняной рубаше с поясом из медных солнц. Бурые волосы стянуты позади в узел. Выхватив череп из мягких рук мейстера, она водрузила его на колонну.

– Гора больше не скачет, – мрачно проронил принц.

– Он умер в муках, сир Бейлон? – прощбетала Тиена Сэнд. Таким голоском девица обычно спрашивает, идет ли ей новое платье.

– Несколько дней кричал в голос, миледи, – с заметной неохотой ответил ей белый рыцарь. – Слышно было по всему Красному Замку.

– Это вас огорчает, сир? – осведомилась леди Ним в одеянии из прозрачного желтого

шелка. Столь откровенный наряд смушал сира Бейлона, но Хотях его полностью одобрял: платье показывало, что десятка ножей на Нимерии, против обыкновения, нет. – Сир Григор, как всем известно, был лютым зверем и заслужил страдания больше кого бы то ни было.

– Возможно, и так, миледи, – сказал Бейлон Сванн, – но сир Григор как рыцарь должен был умереть со сталью в руке. Смерть от яда – гнусная смерть.

Леди Тиена только улыбнулась на это. Ее обманчиво скромное платье с кружевными рукавами в кремовых и зеленых тонах Хотыха не обманывало. Зная, что эти белые ручки опасны не меньше мозолистых рук Обары (а то и больше), он не спускал глаз с ее пальцев.

– Леди Ним права, сир Бейлон, – нахмурился принц. – Если кто и заслуживал мучительной смерти, так это Клиган. Он зверски убил мою дорогую сестру и размозжил голову ее сына о стену. Я молюсь, чтобы теперь, когда он горит в аду, Элия и ее дети обрели наконец покой. Дорн давно уже требовал правосудия, и я счастлив, что дожил до этого дня. Наконец-то Ланнистеры рассчитались со старым долгом, оправдав свою похвальбу.

Здравицу вместо принца провозгласил Рикассо, слепой сенешаль.

– Лорды и леди! Поднимем чаши за короля Томмена, первого этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, властителя Семи Королевств!

Слуги начали наполнять чаши крепким дорнийским вином – темным как кровь, сладким как месть. Капитан никогда не пил на пирах, а страдающему подагрой принцу мейстер Милес готовил особый напиток, приправленный маковым молоком.

Белый рыцарь и его спутники выпили, как требовала учтивость. Выпили также принцесса Арианна, лорд Джордейн, леди Дара Богов, Рыцарь Лимонной Рощи, леди Призрачного Холма и даже Эллария Сэнд, возлюбленная принца Оберина, бывшая с ним в Королевской Гавани в час его гибели. Хотых обращал больше внимания на тех, кто не пил: сира Дейемона Сэнда, лорда Тремонда Гаргалена, близнецов Фаулер, Дагоса Манвуди, Уллеров с Адова Холма, Вайлов с Костяного Пути. Если будет заваруха, начнет ее кто-то из них. Дорн подвержен раздорам; многие его лорды, пользуясь недостаточной твердостью руки принца Дорана, готовы начать открытую войну с Ланнистерами и мальчиком на Железном Троне.

Главные смутьянки – песчаные змейки, незаконные дочери покойного Оберина, Красного Змея. Три из них присутствуют на пиру. Доран Мартелл – мудрейший правитель, и не капитану гвардии ставить под сомнение то, что решил его принц, но Арео все же не мог взять в толк, зачем было освободить из-под стражи Обару, Нимерию и Тиену.

Тиена в ответ на здравицу молвила нечто язвительное, леди Ним отмахнулась, Обара вылила полную до краев чашу на пол и вышла из зала, когда служанка стала подтирать лужу. Арианна, попросив извинения, вышла следом за ней – ну, это пусть, против маленькой принцессы Обара свою ярость не обратит. Они кухни и крепко любят одна другую.

Пир под председательством черепа на колонне затянулся до поздней ночи. Перемен было семь в честь семерых богов и семи королевских гвардейцев. Суп с яйцом и лимоном; длинные зеленые перцы, фаршированные луком и сыром; пирог с угрями; каплуны в меду; сом с Зеленой Крови, который к столу несли четверо слуг; жаркое из семи видов змей, приправленное драконьим перцем, красными апельсинами и толикой яда. Хотых, и не пробуя, знал, что это очень острое блюдо. За ним последовал шербет для охлаждения языков, а на сладкое каждому гостю подали сахарный череп, начиненный вишнями, сливами и кремом.

Арианна вернулась к перцам. Маленькая принцесса теперь стала женщиной – на это

указывал алый шелк ее платья. Изменилась она и в другом. Ее замысел короновать Мирцеллу потерпел крах, ее белый рыцарь погиб от руки Хотаха, саму принцессу заточили в башню Копье, а перед самым освобождением отец поведал ей некую тайну – какую именно, Хотах не знал. Все это вместе взятое вразумило принцессу.

Принц отвел дочери почетное место между собою и белым рыцарем. Арианна улыбнулась, садясь, и сказала что-то на ухо сиру Бейлону. Рыцарь не потрудился ответить. Хотах заметил, что ест он мало: ложку супа, кусочек перца, каплунию ножку, немного рыбы. Пирог он вовсе презрел, жаркое только отведал, но при этом сильно вспотел. Капитан испытывал к нему сострадание, памятуя, как дорнийская еда припекала язык и кишки ему самому. Давно это было – теперь Хотах, конечно, уже привык.

Увидев перед собой белый череп, рыцарь плотно сжал губы и долго смотрел на принца, стараясь понять, не насмешка ли это. Доран ничего не заметил, но принцесса заметила и сказала:

– Повар решил пошутить, сир Бейлон. Для дорнийцев даже в смерти нет ничего святого – вы ведь на нас не рассердитесь? – Ее пальчики слегка притронулись к руке Сванна. – Надеюсь, вам понравилось в Дорне?

– Нас везде принимали очень радушно, миледи.

Арианна потрогала пряжку с двумя драчливыми лебедями.

– Я так люблю лебедей. По эту сторону Летних островов нет птиц красивее их.

– Ваши павлины могли бы это оспорить.

– Павлины – существа горделивые и тщеславные. То ли дело кроткие лебеди, как белые, так и черные.

Сир Бейлон, кивнув, пригубил вино. Он поддается соблазну не так легко, как сир Арис. Тот, несмотря на взрослые годы, был сущий мальчик, а этот – мужчина, знающий что к чему. Сразу видно, что ему здесь не по себе. Это понятно: Хотах чувствовал то же самое, приехав сюда много лет назад со своей принцессой. Бородатые жрецы обучили его общему языку Вестероса, но дорнийцы так трещали, что он ни слова не понимал. Дорнийки казались ему распутными, вино кислым, еда острой до невозможности, а солнце здесь грело куда жарче, чем в Норвесе.

Сир Бейлон проделал не столь долгий путь, но препятствий встретил немало. Посольство у них весьма многочисленное: трое рыцарей, восемь оруженосцев, двадцать латников, не считая конюхов и прочей челяди. В каждом дорнийском замке им оказывали королевский прием, устраивая пиры и охоты, но в Солнечном Копье их не встретили ни принцесса Мирцелла, ни сир Арис Окхарт. Сванн чувствует, что дело неладно, да и присутствие песчаных змеек должно тревожить его. Возвращение Обары ему, вероятно, – что укус на рану. Старшая змейка села на свое место надутая и с тех пор ни слова не вымолвила.

Близилась полночь, когда принц Доран сказал:

– Сир Бейлон, я прочел привезенное вами письмо нашей королевы, да славится имя ее. Знакомо ли вам его содержание?

– Да, милорд, – снова напрягся рыцарь. – Ее величество предупредила, что я, возможно, буду сопровождать ее дочь обратно в Королевскую Гавань. Король Томмен скучает по сестре и хочет, чтобы она хоть ненадолго приехала ко двору.

– Мы все так полюбили Мирцеллу, сир, – с печальной миной вставила Арианна. – Они с моим братом Тристаном неразлучная пара.

– Принца Тристана тоже просят пожаловать. Уверен, что король Томмен захочет с ним

познакомиться – у его величества так мало друзей, подходящих ему по возрасту.

– Узы, завязанные в детстве, держатся порою всю жизнь, – сказал принц Доран. – Тристан, вступив в брак с Мирцеллой, станет Томмену братом. Королева Серсея совершенно права: им следует познакомиться и подружиться. Дорну будет недоставать Тристана, но нужно же мальчику когда-нибудь повидать мир за пределами Солнечного Копья.

– В Королевской Гавани его встретят со всем радушием.

Почему он так потеет, этот сир Бейлон? В чертоге прохладно, а к жаркому он почти не притронулся.

– Что до других дел, о которых упоминает королева Серсея, – продолжал принц, – то место Дорна в малом совете и впрямь пустоет после смерти моего брата – давно пора заполнить его. Лыщу себя надеждой, что ее величеству пригодился бы мой скромный совет, но не знаю, достанет ли у меня сил для столь долгого путешествия. Что, если бы мы отправились морем?

– Морем? – опешил сир Бейлон. – Не опасно ли это, мой принц? Осень, как я слышал, пора штормов, а пираты на Ступенях...

– Да, ваша правда, сир... лучше ехать сушей, как вы. Завтра в Водных Садах мы обо всем скажем принцессе Мирцелле. Она, конечно, тоже скучает по брату и очень обрадуется.

– Мне не терпится снова ее увидеть. И посетить ваши Водные Сады – я слышал, они весьма красивы.

– Да, там царят красота и мир, – сказал принц. – Прохладный бриз, искрящиеся воды и детский смех – это самое любимое мое место, сир. Сады создал один мой предок, чтобы избавить свою невесту из дома Таргариенов от духоты и пыли Солнечного Копья. Звали ее Дейенерис, и она была сестрой короля Дейерона Доброго – именно этот брак сделал Дорн одним из Семи Королевств. Все знали, что она любит побочного брата короля, Дейемона Черное Пламя, а он любит ее, но у короля достало мудрости пренебречь желаниями близких ему людей ради народного блага. Сначала сады стали местом игр для детей Дейенерис, потом к маленьким принцам и принцессам прибавились дети лордов и рыцарей. Однажды, в особенно знойный день, принцесса допустила к прудам и фонтанам также детей своих челядинцев – так с тех пор и повелось. А теперь, сир, прошу меня извинить. – Принц выехал на кресле из-за стола. – Час поздний, а в дорогу отправляться чуть свет. Поможешь мне лечь, Обара? Вы, Нимерия и Тиена, тоже идите – пожелаете своему старому дяде спокойной ночи.

Обаре поневоле пришлось взяться за кресло и покатить его по длинной галерее в горницу принца. Следом шли ее сестры, Арео Хотак, принцесса Арианна и Эллария Сэнд. Замыкал процессию мейстер Калеотт, прижимавший к себе, как ребенка, череп Горы.

– Не намерен же ты всерьез отправить Тристана с Мирцеллой в королевскую Гавань? – Обара шагала быстро, клацая деревянными колесами по каменным плитам пола. – Если ты это сделаешь, девчонки мы уже не увидим, а твой сын станет заложником Железного Трона.

– За дурака меня держишь, Обара? Есть вещи, которые лучше не обсуждать у всех на слуху, но если будешь помалкивать, я поведаю тебе кое-что, чего ты не знаешь. И помедленнее, сделай такую милость: мое колено точно ножом пронзают.

Обара сбавила шаг.

– Что же ты в таком случае будешь делать?

– То же, что и всегда, – промурлыкала ее сестрица Тиена. – Медлить, темнить и увиливать. У кого это получается лучше, чем у нашего дядюшки?

– Ты несправедлива к нему, – заметила Арианна, а принц сказал:

– Помолчите.

Когда двери горницы благополучно закрылись за ними, он развернул кресло к женщинам. Мирийское одеяло, застряв между спицами, обнажило костлявые ноги с красными распухшими коленями и багровыми пальцами. У Арео Хотаха, видевшего это тысячу раз, заново сжалось сердце.

– Позволь, отец, – сунулась к нему Арианна, но принц вытащил одеяло сам. Ноги уже три года как отказали ему, но в руках и плечах еще сохранилось немного силы.

– С этим по крайней мере я справиться могу.

– Наперсточек макового молока, мой принц? – предложил мейстер.

– При такой боли разве ведро поможет. Не надо: моя голова должна оставаться ясной. Ты не понадобишься мне до утра.

– Дай-ка мне. – Обара забрала череп у Калеотта и стала разглядывать, держа на вытянутой руке. – Почему нам знать, что это Гора? Могли бы просто засмолить голову – зачем обдирать ее до костей?

Мейстер вышел, а Ним сказала:

– Смола испортила бы ларец. Никто не видел, как умер Гора, никто не видел, как с него сняли голову... Но зачем этой коронованной суке обманывать нас? Если Григор Клиган жив, правда рано или поздно выйдет наружу. Росту в нем восемь футов, другого такого нет во всем Вестеросе. Не хочет же Серсея Ланнистер прослыть лгуньей во всех Семи Королевствах, да и чего она могла бы добиться такого рода подлогом?

– Череп большой, спору нет, – сказал принц, – и нам известно, что Оберин тяжело ранил Григора. Во всех последующих донесениях говорилось, что Клиган медленно и мучительно умирает.

– Отец того и хотел, – вставила Тиена. – Я даже знаю, каким он ядом воспользовался: Клиган при всей своей огромности умер бы от самой малой царапины. Если вы не верите мне, то в талантах нашего батюшки можно не сомневаться.

– Я и не сомневалась. – Обара нежно поцеловала череп. – Что ж, для начала неплохо.

– Для начала? – удивилась Эллария. – По мне, так это конец. Они все мертвы: Тайвин Ланнистер, Роберт Баратеон, Амори Лорх, а теперь и Григор Клиган. Все, кто был виновен в убийстве Элии и ее детей. Даже Джоффри, который в ту пору еще не родился. Я сама видела, как он умер, раздирая себе горло ногтями. Чьей еще смерти ты хочешь? Неужели Мирцелла и Томмен тоже должны умереть, чтобы упокоились тени Эйгона и Рейенис?

– Конец будет омыт кровью, как и начало, – сказала Ним. – Это кончится, когда Бобровый Утес расколется пополам и солнце выжжет гадов, которые там гнездятся. Кончится полным крахом всех начинаний Тайвина Ланнистера.

– Он умер от руки родного сына, чего тебе больше?

– Чтобы он умер от моей руки, вот чего. – Леди Ним села, перекинув через плечо черную косу. Волосы у нее на лбу росли мысом, как у отца, красные губы улыбались. – Тогда бы его смерть не была такой легкой.

– Сиру Григору одиноко, – добавила Тиена сладким септинским голоском. – В компании было бы веселее.

Из глаз Элларии хлынули слезы, но от этого она не перестала быть сильной.

– Оберин хотел отомстить за Элию, вы трое хотите отомстить за отца. Напомню вам, что у меня самой четыре дочери, и они ваши сестры. Элии четырнадцать, она почти взрослая. Обелле двенадцать, она вот-вот расцветет. Они обожают вас, а Дорея с Лорезой –

их. Должны ли Эль и Обелла мстить за вас в случае вашей гибели? Должны ли младшие мстить за них и будет ли, спрошу еще раз, конец всему этому? Я видела, как погиб ваш отец: его убил он. – Эллария положила ладонь на череп Горы. – Что мне теперь – в постель его с собой уложить? Будет он сместить меня, петь мне песни, заботиться обо мне в старости?

– Чего вы от нас хотите, миледи? – спросила в свою очередь леди Ним. – Чтобы мы сложили копья и забыли о причиненном нам зле?

– Война будет, хотим мы того или нет, – подхватила Обара. – На Железном Троне сидит ребенок. Лорд Станнис держит Стену и собирает северян под свое знамя. Две королевы дерутся за Томмена, как собаки за кость. Железные Люди заняли Щиты и вторгаются по Мандеру в самое сердце Простора – стало быть, и в Хайгардене беспокойно. Враги наши разобщены: время пришло.

– Время собирать черепа? Хватит с меня, не желаю больше этого слушать, – вскричала Эллария.

– Ступай к дочкам, – сказал ей принц. – С ними ничего не случится, клянусь тебе.

– Да, мой принц. – Эллария поцеловала его в лоб и вышла. «Жаль, – подумал Арео. – Хорошая она женщина».

– Она любила отца, я знаю, – сказала Ним, – но никогда не понимала его.

– Побольше твоего понимала, Нимерия, – возразил принц. – Благодаря ей он был счастлив. Любящее сердце в конечном счете значит больше, чем доблесть и честь, однако есть то, чего Элларии знать не следует. Война уже началась.

– Стараниями нашей милой Арианны, – засмеялась Обара.

Принцесса вспыхнула, по лицу принца прошла гневная судорога.

– Она не для себя одной старалась. Ради вас тоже. Нечего насмехаться.

– Я сказала это ей в похвалу. Сколько бы ты ни крутил и ни темнил, дядя, сир Бейлон все равно встретится с Мирцеллой в Водных Садах и сразу увидит, что у нее недостает уха. А уж когда девочка расскажет ему, как твой капитан развалил Ариса Окхарта надвое...

– Все было совсем не так. – Арианна поднялась с подушки, на которой сидела, и взяла Хотаха за руку. – Сира Ариса убил Герольд Дейн.

– Темная Звезда? – Песчаные змейки переглянулись.

– Именно. Он и принцессу Мирцеллу хотел убить – вот что от нее услышит сир Бейлон.

– Это, во всяком случае, правда, – улыбнулась Нимерия.

– Все остальное тоже. – Принц поморщился – от боли или от лжи? – После этого сир Герольд снова скрылся в своем Горном Приюте, где нам его не достать.

– Темная Звезда... почему бы и нет, – хихикнула Тиена. – Только поверит ли в это сир Бейлон?

– Поверит, если ему об этом скажет Мирцелла, – твердо сказала принцесса.

– Вечно она лгать не будет, – фыркнула Обара, – рано или поздно проговорится. Если сир Бейлон вернется с этой историей в Королевскую Гавань, ударят барабаны и потечет кровь. Его ни в коем случае нельзя отпускать.

– Если мы убьем его, то придется перебить весь их отряд, – вздохнула Тиена, – в том числе и красивых юных оруженосцев. Нехорошо как-то.

Принц Доран зажмурился на мгновение. Его ноги дрожали под одеялом.

– Не будь вы дочерьми моего брата, я отправил бы вас обратно в тюрьму и держал бы там до седых волос. Вместо этого вы поедете в Водные Сады с нами. Авось научитесь кое-чему, если ума хватит.

– Что такого поучительного в голых детишках?

– В них-то и суть. Я не все рассказал сире Бейлону. Дейенерис, глядя, как они плещутся, поняла, что не может отличить высокородных детей от простых. Голенькие – все они просто дети: невинные, незащищенные, нуждающиеся в любви и опеке. «Помни об этом всегда», – сказала она своему сыну и наследнику. Те же слова сказала мне моя мать, когда я подрос и покинул пруды. Копья созвать нетрудно, но расплатятся за все дети. Мудрый правитель должен помнить о них и не начинать войн, которые не надеется выиграть.

Я не слеп, не глух и знаю, что вы обо мне думаете. Ваш отец знал меня лучше. Оберин был змеем, опасным созданием, на которое никто не смел наступить, а я был травой. Мягкой шелковистой травкой, что колеблется на ветру. Ее никто не боится, но именно в траве змей прячется перед тем, как напасть. Мы с ним были гораздо ближе, чем вы полагаете. Теперь его нет, и я спрашиваю: способны ли дочери моего брата заменить мне его?

Хотах переводил взгляд с одной на другую. Обара, точно из вареной кожи склепанная, близко посаженные сердитые глазки и бурые волосы. Томная Нимерия с оливковой кожей и черной косой, перевитой проволокой красного золота. Женщина-ребенок Тиена, белокурая голубоглазая хохотушка.

Она и ответила за всех трех:

– Нет ничего проще, дядя. Поручи нам что-нибудь, все равно что, и увидишь, что большей верности и покорности ни один принц пожелать не может.

– Рад слышать, но слова – это ветер. Вы мои племянницы, я люблю вас, однако опыт подсказывает, что доверять вам нельзя. Вам придется дать клятву. Клянётесь ли вы служить мне и выполнять все, что я прикажу?

– Если это необходимо, – сказала Ним.

– Да. Клянись могилой отца.

– Не будь ты моим дядей... – помрачнела Обара.

– Я твой дядя и принц. Клянись или выйди вон.

– Клянись могилой отца, – сказала Тиена.

– Клянись именем Оберина Мартелла, – сказала Ним. – Именем Красного Змея Дорна, настоящего мужчины в отличие от тебя.

– Я тоже, – сказала Обара. – Клянись. Именем отца.

Принцу, на взгляд Хотеха, чуть-чуть полегчало.

– Скажи им, отец, – произнесла Арианна, взяв протянутую ей отцовскую руку.

Принц испустил долгий прерывистый вздох.

– У Дорна есть еще друзья при дворе. Они сообщают нам о том, чего мы знать не должны. Приглашение Серсеи – всего лишь хитрость. Тристан до Королевской Гавани не доедет. Где-то на Королевском тракте отряд сира Бейлона атакуют разбойники, и мой сын умрет. Меня самого приглашают только затем, чтобы я увидел это нападение своими глазами и не мог упрекнуть королеву ни в чем. Разбойники будут кричать «полумуж», и сир Бейлон, возможно, заметит среди них Беса.

Арео Хотех ошибался, думая, что песчаных змеек ничем не проймешь.

– Да спасут нас Семеро, – прошептала Тиена. – Что им сделал Тристан?

– Эта женщина, должно быть, свихнулась! – рявкнула Обара. – Детей убивать!

– Чудовищно, – молвила Ним. – Не могу поверить, что рыцарь Королевской Гвардии может быть способен на нечто подобное.

– Они дали присягу повиноваться, как и мой капитан, – сказал принц. – Я тоже

сомневался, но все вы видели, как засуетился сир Бейлон, когда я предложил ехать морем. Морское путешествие разрушило бы весь план королевы.

– Верни мне копье, дядя, – попросила Обара. – Серсея прислала нам одну голову, мы отошлем ей много.

Принц вскинул руку с темными и крупными, как вишни, костяшками.

– Сир Бейлон – мой гость, отведавший моего хлеба-соли. Я не причиню ему зла. Мы съездим в Водные Сады, где он выслушает Мирцеллу и пошлет ворона к своей королеве. Девочка попросит его предать смерти изувечившего ее человека, и Сванн, если он таков, как мне думается, ей не откажет. Ты, Обара, проводишь его к Горному Приюту. Время открыто выступить против Железного Трона еще не пришло, и Мирцеллу придется-таки вернуть матери, но вместо меня с ней поедет Нимерия. Ланнистерам это придется по вкусу не более, чем приезд Оберина, однако возразить они не посмеют. Нам нужен голос в их совете, ухо при их дворе. Будь осторожна: Королевская Гавань – настоящее змеиное гнездо.

– Я люблю змей, дядя, – улыбнулась Ним, а Тиена спросила:

– Что ты прикажешь мне?

– Твоя мать была септой – Оберин говорил, что она читала тебе Семиконечную Звезду еще в колыбели. Ты тоже отправишься в Королевскую Гавань, только на другой холм. Звезды и Мечи возрождены вновь, и новый верховный септон не пляшет под дудку Серсеи, как плясали его предшественники. Постарайся сблизиться с ним.

– Почему бы и нет? Белое мне к лицу. Я в нем так непорочна...

– Вот и славно. – Принц помолчал. – Если здесь... кое-что случится, я пришлю весть каждой из вас. В игре престолов все меняется быстро.

– Знаю, вы не подведете нас, сестры. – Арианна обошла песчаных змеек, целуя каждую в губы. – Свирепая Обара, родная Нимерия, милая Тиена, я всех вас люблю. Пусть светит вам солнце Дорна.

– Непреклонные, несгибаемые, несдающиеся, – хором ответили змейки.

Когда они ушли, принцесса Арианна осталась; Хотях, разумеется, тоже.

– Истые дочери своего отца, – сказал принц.

– Оберины с титьками, – улыбнулась принцесса, и Доран засмеялся. Хотях уж и забыл, как звучит его смех.

– Все-таки в Королевскую Гавань следует ехать мне, а не леди Ним, – сказала Арианна.

– Слишком опасно. Ты моя наследница, будущее Дорна. Твое место рядом со мной. Скоро я и тебе кое-что поручу.

– Есть ли новости относительно того... самого главного?

– Из Лисса, – многозначительно улыбнулся принц. – Туда зашел большой флот, чтобы пополнить запасы пресной воды. В основном волантинские корабли, и ни слова, кто они и куда направляются. Слонов, говорят, везут.

– А драконов?

– Слышно только о слонах, но молодого дракона в трюме когга спрятать нетрудно. На море Дейенерис уязвимей всего. На ее месте я скрывал бы свои намерения как можно дольше и причалил к Королевской Гавани неожиданно.

– Ты думаешь, Квентин с ними?

– Об этом мы узнаем, лишь когда они высадутся, – если они и впрямь идут в Вестерос. Квентин мог бы провести ее по Зеленой Крови... Но что толку в пустых разговорах. Поцелуй меня; как рассветет, поедем в Сады.

«Хорошо бы к полудню-то выбраться», – думал Хотак, укладывая принца в постель.

– Мой брат стал первым и единственным дорнийцем, павшим на Войне Пяти Королей, – тихо произнес Доран. – Как по-твоему, капитан – позорит это меня или честь мне делает?

– Не могу знать, мой принц. – «Служить. Защищать. Повиноваться». Простые обеты для простых душ, больше он ничего ведать не ведает.

Вель ждала у ворот на предутреннем холоде – в медвежьем плаще, который и Сэму был бы впору. Рядом стоял оседланный серый конек с бельмом на глазу, тут же топталась доблестная охрана – Малли и Скорбный Эдд.

– Ты дал ей слепого коня? – изумился Джон.

– Кривого, милорд, – обиделся Малли. – А так-то он крепкий.

– У меня оба глаза зрячие, – заметила Вель. – Я знаю, куда мне ехать.

– Напрасно ты это, миледи. Риск...

– ...целиком мой. Я не южанка какая-нибудь, я женщина вольного народа и знаю лес получше твоих разведчиков. Для меня в нем призраков нет.

Хорошо бы. Джон надеялся, что она добьется успеха там, где провалился Черный Джек Бульвер со своими товарищами. Одичалые ее скорее всего не тронут, но оба они знают, что в лесу нужно опасаться не одних одичалых.

– Еды у тебя достаточно?

– Сухари, твердый сыр, овсяные лепешки, соленая треска, говядина, баранина и мех сладкого вина, чтобы запить эту соль. С голоду не умру.

– Ну, тогда в путь.

– Я вернусь непременно, лорд Сноу. С Тормундом или без него. Обещаю. – Вель взглянула на небо с половинкой луны. – Жди меня в первую ночь полнолуния.

– Уговор. – Хоть бы не подвела, иначе Станнис с него голову снимет. «Даешь слово беречь принцессу?» – спросил король. Джон дал, но Вель не принцесса – он это Станнису сто раз повторял. Плохое оправдание – отец бы не одобрил его, – однако лучше, чем совсем никакого. «Я меч, защищающий царство людей, – сказал себе Джон, – ради этого можно и слово нарушить».

В туннеле под Стеной было холодно, как во чреве ледяного дракона. Эдд шел впереди с факелом, Малли отпирал все трое ворот с чугунными прутьями толщиной в руку. Часовые отдавали честь Джону, пяля глаза на Вель.

На северной стороне, за новой дверью из сырого дерева, принцесса одичалых помедлила. Вот оно, снежное поле, где король Станнис выиграл свою битву, а за ним ждет тихий и темный Зачарованный лес. Луна посеребрила медовые волосы Вель, выбелила ей щеки.

– Как сладок здесь воздух, – сказала она.

– Да? У меня язык замерз, никакого вкуса не чувствую. Очень уж холодно.

– Разве ж это холод? Настоящий холод – это когда дышать больно. Вот придут Иные...

«Чур нас!» Шестеро его разведчиков до сих пор не вернулись. Рано еще, твердил себе Джон, но внутренний голос говорил, что они все мертвы. Он послал их на смерть, а теперь и Вель посылает.

– Перескажи Тормунду все, что сказал тебе я.

– Перескажу, а уж послушает он или нет – его воля. – Вель чмокнула его в щеку. – Спасибо тебе, лорд Сноу. За кривого коня, за соленую треску, за вольный воздух. А пуще всего – за надежду.

Пар от их дыхания слился в единый клуб.

– Лучшей благодарностью будет...

– Тормунд Великанья Смерть. Знаю. – Вель подняла бурый, тронутый инеем капюшон. – Еще один вопрос напоследок: это ты убил Ярла, милорд?

– Ярла убила Стена.

– Я тоже так слышала, но удостовериться не мешает.

– Я его не убивал, даю слово. – Хотя мог бы, сложишь все по-другому.

– Что ж, прощай в таком разе, – почти игриво бросила Вель, но Джон был настроен серьезно.

– Мы прощаемся ненадолго. У тебя много причин, чтобы вернуться сюда, и первая из них – мальчик.

– Сын Крастера? Кто он мне? – пожала плечами девушка.

– Ты пела ему, я слышал.

– Я просто так пела – хочешь слушай, хочешь нет. – Легкая улыбка тронула ее губы. – Он слушает. И смеется. Ладно, ладно: он славный уродец.

– Уродец?

– Молочное имя – надо ж как-то его называть. Смотри береги его, как ради матери, так и ради меня. И не подпускай к нему красную женщину. Она знает, кто он: она много всего видит в огне.

– Золу и угли, – сказал Джон, надеясь ради Арьи, что Вель права.

– Королей и драконов.

Снова драконы. На миг Джон сам как будто увидел их черные крылья на фоне пламени.

– Если б она видела, то сразу раскрыла бы нашу подмену и забрала сына Даллы. Одно словечко на ухо королю, и конец. – В том числе и лорду-командующему. Станнис наверняка счел бы это изменой. – А она позволила его увезти.

– Может, это ее устраивало. Огонь коварен, никто не знает, куда он повернет. – Вель вдела ногу в стремя, села в седло. – Помнишь, что сказала тебе сестра?

– Помню. – «Колдовство – что меч без рукояти, просто так в руки его не возьмешь». Но и Мелисандра тоже права: меч без рукояти лучше, чем совсем ничего, когда ты окружен врагами.

– Вот и ладно. – Вель повернула коня головой на север. – Стало быть, в первую ночь полнолуния. – Джон смотрел ей вслед, не зная, увидит ли ее вновь. Ничего. Она не южанка какая-нибудь, она женщина вольного народа.

– Не знаю, как ей, а мне так больно дышать, – пробурчал Скорбный Эдд, когда она скрылась за гвардейскими соснами. – Я б совсем не дышал, но от этого еще хуже. Добром это не кончится, нет.

– Ты так всегда говоришь.

– Да, милорд, и обычно бываю прав.

– Милорд, – кашлянул Малли, – вы вот отпустили принцессу одичалых, а люди...

– Люди скажут, что я сам одичалый наполовину, перебежчик, который хочет продать страну разбойникам, великанам и людоедам. – Тут и в огонь глядеть нет нужды, а хуже всего то, что это отчасти правда. – Слова – ветер, а ветер у Стены не унимается никогда. Пошли обратно.

Было еще темно, когда Джон вернулся к себе. Призрак до сих пор охотился – последнее время он отлучался все чаще и уходил все дальше. Между Черным Замком и Кротовым городком дичь, и без того малочисленная, пропала совсем. Зима близко, и неизвестно, доживут ли они до весны.

Скорбный Эдд, сбегав на кухню, принес завтрак и кружку эля. Под крышкой обнаружили яичница из трех утиных яиц, кусочек ветчины, две колбаски, кровяной пудинг и половина еще теплого каравая. Пока Джон ел хлеб и яичницу, ворон умыкнул ветчину и взлетел с добычей на притолоку.

– Ворюга, – сказал ему Джон.

– Ворюга, – согласился с ним ворон.

Джон попробовал колбасу и поспешил запить ее элем. В это время Эдд доложил, что пришел Боуэн Мурш, а с ним Отелл и септон Селладор.

Быстро же слухи распространяются. Любопытно знать, кто их осведомляет – один человек или несколько.

– Проси.

– Да, милорд. Присмотрите за колбасой, с виду они голодные.

Джон бы так не сказал. Септону срочно требовалось опохмелиться, первый строитель, похоже, что-то не то съел, Мурш явно злился – щеки у него покраснелись не от мороза.

– Присаживайтесь, – пригласил Джон. – Не хотите ли откусать со мной?

– Мы уже завтракали, – сказал Мурш.

– От добавки не откажусь, спасибо, – сказал Ярвик, садясь к столу.

– Разве что винца чарочку, – сказал септон.

– Зерна, – высказал пожелание ворон.

– Вина септону, завтрак первому строителю, – приказал Джон Эдду. – Птице ничего не давай. Итак, вы пришли по поводу Вель.

– И не только, – сказал Мурш. – Люди обеспокоены, милорд.

Кто, спрашивается, уполномочил вас говорить от их имени?

– Я тоже. Отелл, как продвигаются работы в Твердыне Ночи? Я получил письмо от сира Акселла Флорента, именующего себя десницей королевы. Королева Селиса недовольна своим помещением в Восточном Дозоре и желает немедленно переехать в новую резиденцию. Возможно это?

– Мы восстановили почти весь замок, подвели кухню под крышу. Жить там можно, хотя и не с теми удобствами, что в Восточном Дозоре. Ей нужны будут мебель, дрова, съестные припасы. До гавани тоже далековато, если ее величество пожелает уехать, а так ничего. Понадобятся, конечно, годы, чтобы эта развалина стала похожа на настоящий замок. Будь у меня больше людей...

– Могу предложить великана.

– То чудовище во дворе? – ахнул Ярвик.

– Кожаный говорит, что зовут его Вун Вег Вун Дар Вун. Язык сломаешь, ясное дело. Кожаный его называет Вун-Вун, тот вроде бы откликается. – Вун-Вун мало походил на злобных великанов из сказок старой Нэн, подмешивавших кровь в утреннюю овсянку и съедавших быка с рогами и шкурой. Мяса он не ел вовсе, хотя корзину с луком и сырой репой уминал за один присест. – Он хороший работник, если втолковать ему, что он должен делать, но это непросто: на старом языке он кое-как изъясняется, а на общем – ни бум-бум. Зато неутомим и силен – дюжины строителей стоит.

– Так ведь они говорят, людоеды... нет уж, милорд, увольте. И стеречь его некому.

– Как хотите, – не стал настаивать Джон. – Оставим его себе. – Ему, по правде сказать, не хотелось расставаться с Вун-Вуном. «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу», – сказала бы Игритт, но он часто беседовал с новым обитателем замка при посредстве Кожаного или

одичалых из рожи и много чего узнал об истории великанов. Жаль, Сэма нет – он бы все это записал.

При этом Джон хорошо сознавал, что Вун-Вун опасен и может запросто разорвать человека надвое. Из Ходора, если увеличить его вдвое и сделать в полтора раза умнее, вышел бы как раз такой великан. Даже септон Селладор трезвеет, на него глядя, но если Тормунд приведет с собой других великанов, Вун-Вун поможет с ними договориться.

Ворон Мормонта выразил свое неудовольствие: дверь снова отворилась, впустив Эдда с винным штофом и тарелкой еды для Ярвика. Боуэн Мурш с заметным нетерпением дождался, когда стюард опять вышел.

– Толлетта в замке любят, а Железный Эммет показал себя хорошим мастером над оружием – однако вы, по слухам, хотите услатить их прочь.

– В Бочонке хорошие люди тоже нужны.

– Теперь эту крепость прозвали Шлюшником, но будь по-вашему. Правда ли, что вы намерены заменить Эммета этим дикарем Кожаным? Пост мастера над оружием всегда занимали рыцари, на худой конец разведчики.

– Кожаный в самом деле дикарь, не спорю. Каменным топором он орудует, как иной рыцарь кованной в замке сталью. Он не слишком терпелив, и мальчишки его боятся, но это, возможно, к лучшему. Пусть освоятся со страхом, прежде чем встретиться с настоящим врагом.

– Он одичалый.

– Теперь уже нет. Присягнув, он стал нашим братом. От него молодежь может научиться не только боевым навыкам, но и основам старого языка, и обычаям вольного народа.

– Вольный, – сказал ворон. – Зерно. Король.

– Люди не доверяют ему.

«Что за люди и сколько их?» – мог бы спросить Джон, но не стал углубляться в нежеланный для него разговор и сказал лишь:

– Мне жаль это слышать.

– Насчет Атласа, милорд, – подал голос септон. – Вы, я слышал, хотите взять его стюардом вместо Толлетта, но он ведь распутник... покрашенный мужеложец из староместских притонов.

«Уж ты бы помолчал, выпивоха».

– Кем он был в Староместе, нас не касается. Он быстро учится и очень умен. Поначалу другие новобранцы гнушались им, но он сумел подружиться с ними. Атлас бесстрашен в бою и даже немного грамотен... С тем, чтобы носить мне еду и седлать моего коня, он уж как-нибудь справится.

– Возможно, – с каменным лицом произнес Мурш, – но людям это не нравится. Лорды-командующие всегда брали в оруженосцы юношей высокого рода, чтобы те учились командовать. Хотите, чтобы братья Ночного Дозора шли в бой за шлюхой?

– С ними случалось и худшее, – вспыхнул Джон. – Старый Медведь оставил для своего преемника кое-какие заметки, так вот. Повар из Сумеречной Башни прежде насильничал септ и после каждого преступления выжигал семиконечную звезду у себя на теле. Его ноги до колен и левая рука от плеча до локтя сплошь усеяны звездами. Один парень в Восточном Дозоре поджег отчий дом и подпер дверь снаружи – в огне погибла вся семья из девяти человек. Чем бы ни занимался в Староместе Атлас, теперь он наш брат и будет моим стюардом.

Септон выпил, Отелл подцепил кинжалом колбаску, Мурш сидел красный как рак, ворон

захлопал крыльями и сказал:

– Зерно, зерно. Убей.

– Вашей милости, конечно, виднее, – заговорил снова лорд-стюард, – но могу ли я спросить о трупах в ледовых камерах? Люди волнуются, а вы еще и часовых к ним приставили. Зачем это нужно, если вы только не опасаетесь, что они...

– Оживут? Очень на это надеюсь.

– Да спасут нас Семеро. – Септон чуть не захлебнулся вином. – Лорд-командующий, упыри – суть богомерзкая нечисть. Неужто вы намерены говорить с ними?

– Разве они наделены даром речи? Может, и так – не знаю. Эта нечисть раньше была людьми, и нам неведомо, сколько человеческого осталось в них после смерти. Тот, кого убил я, покушался на лорда Мормонта – помнил, стало быть, кто это и где его можно найти. – Мейстер Эймон понял бы Джона и Сэм Тарли тоже, хотя и пришел бы в ужас. – Мой лорд-отец говаривал, что своих врагов нужно знать. Мы мало знаем об упырях, а об Иных еще меньше – не пора ли разжиться кое-какими сведениями?

Им это не понравилось. Септон, держась за кристалл у себя на шее, сказал:

– По-моему, это крайне неразумно, лорд Сноу. Я буду молиться, чтобы светлая лампада Старицы наставила вас на путь истинный.

– Нам бы всем это не помешало, – вышел из терпения Джон. – «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу». – Не перейти ли нам к Вель?

– Значит, это правда, что вы ее отпустили? – спросил Мурш.

– Да. За Стеной.

– Королевский трофей, – ахнул септон. – Его величество будет вне себя, узнав, что ее здесь нет.

– Она вернется. – Еще до возвращения Станниса, если боги смилуются.

– Почему вы знаете? – Опять Мурш.

– Она так сказала.

– А если она солгала? Если с ней что-то случится?

– Тогда вы сможете выбрать лорда-командующего, который вас больше устроит – но пока, уж не взывайте, придется терпеть меня. – Джон выпил эля. – Я поручил ей найти Тормунда Великанью Смерть и передать ему мое предложение.

– Можно узнать, какое?

– То же, что я сделал жителям Кротового городка. Еда, пристанище и мир, если он соединится с нами против общего врага и поможет нам держать Стену.

Мурша это, похоже, не удивило.

– Вы хотите впустить его к нам. Открыть ворота сотням и тысячам его воинов.

– Вряд ли у него столько осталось.

Септон осенил себя знаком звезды, Ярвик пробурчал что-то, Мурш произнес:

– Многие назвали бы это государственной изменой. Они одичалые. Дикари, убийцы, насильники, настоящие звери.

– Тормунд заслуживает таких имен не больше, чем Манс-Разбойник. И будь вы даже целиком правы, они все-таки люди, Боуэн. Такие же, как мы с вами. Зима близко, милорды, и когда она придет, всем живым придется стать плечом к плечу против мертвых.

– Сноу, – проскрежетал ворон. – Снег, снег.

– Мы допросили одичалых, найденных в роще, – продолжал Джон. – Они рассказывают любопытные вещи о некоей лесной ведьме, называемой Мать Кротиха.

– Вот так имечко!

– Она вроде бы живет в норе под дуплистым деревом, но суть не в том. Ей было видение: корабли, пришедшие перевезти вольный народ через Узкое море. Тысячи тех, кто пережил битву, поверили ей, и она увела их в Суровый Дом – молиться и ждать спасения.

– Я, конечно, не разведчик, – нахмурился Отелл Ярвик, – но Суровый Дом считается проклятым местом. Даже ваш дядя, лорд Сноу, так говорил. Что им там делать?

Джон повернул к ним лежащую на столе карту.

– Суровый Дом стоит в укромной бухте, доступной даже для больших кораблей. Леса и камня для построек там сколько угодно, рыбы полно, есть лежбища морских коров и тюленей.

– Так-то оно так, но я бы там ни единой ночи не желал провести. Вы же знаете, что рассказывают.

Джон знал. Суровый Дом мог уже называться городом, единственным городом к северу от Стены, но однажды, шестьсот лет назад, там совершилось страшное. Жителей, смотря чему верить, увезли в рабство или забили на мясо, а город сожгли; зарево было такое, что часовые на Стене подумали, будто солнце взошло на севере. После этого на Зачарованный лес и Студеное море чуть не полгода сыпался пепел. Торговцы нашли на месте прежнего Суrowого Дома пожарище. В бухте плавали трупы, из пещер в утесе, что высился над городком, слышались душераздирающие крики.

С той роковой ночи шесть столетий назад Суrowого Дома чурались. Разведчики уверяли, что там водятся демоны и кровожадные привидения.

– Мне бы тоже не хотелось там поселиться, – сказал Джон, – но Мать Кротиха говорила, что на месте, которые все почитали проклятым, вольный народ ждет спасение.

– Спасение могут даровать только Семеро, – чопорно заявил септон. – Эта ведьма их всех обрекла на смерть.

– И спасла, может быть, Стену, – заметил Мурш. – Это и есть тот враг, о котором мы говорим. Пусть себе молятся на пожарище, и если их боги пошлют корабли, чтобы переправить свой народ в лучший мир, я только порадуюсь. В этом мире мне их кормить нечем.

Джон согнул и разогнул пальцы правой руки.

– Галеи Коттера Пайка иногда ходят мимо Суrowого Дома. Он говорит, что там нет никакого укрытия, кроме пещер – кричащих пещер, как их называют. Все, кто пошел за Матерью Кротихой, обречены на гибель от голода и холода. Сотни и тысячи.

– Сотни врагов. Тысячи одичалых.

«Тысячи человек, – мысленно возразил Джон. – Мужчины, женщины, дети». Подавив гнев, он холодно произнес:

– Вы слепы или просто не желаете ничего видеть? Что, по-вашему, будет, когда все эти так называемые враги умрут?

– Умрут, умрут, – пробубнил ворон над дверью.

– Позвольте мне просветить вас на этот счет. Мертвые, сот ни и тысячи, поднимутся вновь и пойдут на нас. Сотни и тысячи упырей, синеглазых и черноруких. – Джон встал, продолжая работать пальцами. – Я вас более не задерживаю.

Септона прошиб пот, Ярвик одеревенел.

– Благодарим, что уделили нам время, милорд, – сказал бледный Боуэн Мурш, и все трое вышли.

Нрав у свинки был мягче, чем у многих лошадей, на которых он ездил. Она только взвизгнула тихонько, когда Тирион взобрался ей на спину, и стояла смирно, пока он вооружался копьем и брал щит – а как только он взял поводья, сразу тронула с места. Звали ее Милкой и ходить под седлом приучали с поросычьего возраста.

Клацая расписными деревянными доспехами, Тирион поскакал по палубе. Подмышки у него взмокли, на лицо из-под слишком большого шлема стекла струйка пота. Ни дать ни взять Джейме, выезжающий на турнир в сверкающих золотом латах.

Иллюзия рассеялась, когда вокруг начали реготать. Он не турнирный боец, просто карлик с палкой верхом на свинье, увеселяющий пропитавшихся ромом матросов. Отец в преисподней бесится, Джоффри хихикает. Тирион видел их не менее ясно, чем команду «Селасори кхоруна».

А вот и противник – Пенни на серой собаке, полосатое копьё колеблется в такт скачке. У нее щит и доспехи красные – краска кое-где облупилась, – у Тириона синие. Верней, не у него, а у Грошика. Тирион ни при чем.

Он пришпорил пятками Милку под крики и свист моряков. Непонятно, подбадривают они его или насмеваются, – и зачем только он поддался на уговоры Пенни?

Ясно зачем. Вот уже двадцать дней корабль болтается на Горестном Пути среди полного штиля. Команда в дурном настроении – когда весь ром выйдет, они вконец взбеленятся. Латанием парусов, заделыванием щелей и рыбалкой их на весь день не займешь. Джорах Мормонт уже слышал разговоры о том, что карлик не принес им удачи. Кок еще порой треплет Тириона по голове в надежде на ветер, остальные встречают его злобными взглядами. Пенни после выдумки кока, что удачу можно вернуть, потискав грудь карлицы, и того хуже приходится. Он же, подхватив шутку Тириона, стал звать Милку Сальцем, и в его устах это звучит куда как зловеще.

«Надо их рассмешить, – толковала Пенни, – тогда они забудут, что мы не такие, как они. Ну пожалуйста». И он как-то незаметно дал себя убедить. Из-за рома, должно быть. Капитанское вино вышло первым, а ромом, как открыл Тирион Ланнистер, можно напиться гораздо быстрее.

В итоге он напялил на себя Грошиковы доспехи, сел на Грошикову свинью, и сестра Грошика обучила его правилам шутовского турнира. Что за ирония, ведь когда-то Тирион чуть головы не лишился, отказавшись сесть на собаку по приказу племянника... А впрочем, верхом на свинье иронизировать трудновато.

Пенни двинула его копьем в плечо, он ударил своим по ее щиту. Она усидела, он, как и полагалось, упал.

Со свиньи, казалось бы, падать просто – только не с этой. Тирион, помня уроки Пенни, свернулся в комок, но все-таки ушибся и прикусил язык до крови. Как будто ему снова двенадцать, и он ходит колесом по столу в чертоге Бобрового Утеса. Тогда его хоть дядя Герион похвалил, а матросы и смеются-то будто нехотя – не сравнить с хохотом, который стоял на свадебном пиру Джоффри при выезде Пенни и Грошика.

– Гнусный ты коротышка, Безносый, и скверный ездок, – заорал кто-то с юта. – Надо было девчонке сперва тебя разогреть. – Деньги на него поставил, наверное... Ладно, Тирион и не такое слышал.

Подняться в деревянных латах было непросто. Он ерзал по палубе, как перевернутая на спину черепаха, но это даже хорошо – смех сделался громче. Жаль ногу не сломал, вот была бы потеха. А в том нужнике, где он пустил стрелу в пах отцу, они бы сами обосрались со смеху. Все, что угодно, лишь бы их ублажить.

Джорах Мормонт наконец сжалился и поставил карлика на ноги.

– Что ты как дурак.

«Что, что... Так задумано было, вот что».

– Кем я, по-твоему, должен казаться, сев на свинью? Героем?

– Потому я, верно, и не сажусь на свиней.

Тирион снял шлем, сплюнул за борт розовый сгусток.

– Мне сдается, я пол-языка себе откусил.

– В другой раз кусай крепче. На турнирах я, по правде сказать, видывал и худших бойцов.

Никак, похвала?

– Я свалился с проклятой свиньи и сам себя ранил – куда уж хуже.

– Мог бы вовсе убиться, вогнав себе щепку в глаз.

Пенни соскочила со своего скакуна по имени Хрум.

– Тут подвигов совершать не надо, Хугор, – наоборот. – Она всегда называла его Хугором при посторонних. – Главное, чтобы они смеялись и бросали монетки.

«Тоже мне плата за кровь и ушибы».

– Значит, мы с тобой оплошали: монеты никто не бросал. – Ни пенни, ни грошика.

– Будут, когда ты освоишься. – Пенни тоже сняла шлем, открыв шапку тускло-бурых волос и нависший лоб. Глаза у нее были карие, щеки пылали. – У королевы Дейенерис на нас прольется настоящий серебряный дождь, вот увидишь.

Матросы кричали и топали, требуя повторить, – громче всех, как всегда, надрывался кок. Тирион невзлюбил его, хотя в кайвассу здесь сколько-нибудь прилично играл только он.

– Смотри, им понравилось, – заулыбалась Пенни. – Давай еще разок, Хугор.

Тириона спас окрик одного из помощников: снова шлюпки спускать. Капитан надеется поймать ветер где-нибудь ближе к северу; людям опять придется грести и тянуть когг на буксире до мозолей и боли в спине. Они эту работу терпеть не могли, и Тирион не винил их.

– Надо было вдове на галею нас посадить, – проворчал он. – Снимите с меня эти треклятые доски – одна щепка, по-моему, воткнулась мне между ног.

Этим занялся Мормонт. Пенни увела вниз животных.

– Посоветуй своей даме хорошенько запирать дверь, – сказал сир Джорах, отстегивая пряжки на деревянном панцире. – У них только и разговору, что о ребрышках и окороках.

– Эта свинья – половина всего ее достояния.

– Гискарцы и собаку сожрут только так. – Рыцарь снял с Тириона спинной и нагрудный панцири. – Скажи ей.

– Ладно. – Тирион отлепил от груди рубашку. Хоть бы легкое дуновение, так ведь нет. Доспехи, похоже, перекрашивали раз сто; на свадьбе Джоффри, помнится, один боец имел на себе лютоволка Старков, другой – герб Станниса Баратеона. – Животные понадобятся нам, чтобы дать представление королеве. – Если матросы всерьез соберутся резать Милку, Тирион с Пенни не смогут им помешать, но длинный меч сира Джораха заставит по крайней мере задуматься.

– Надеешься спасти этим свою голову, Бес?

– Сир Бес, если не трудно. Да, надеюсь. Ее величество непременно полюбит меня, когда

узнает получше. Я такой славный человечек и знаю так много полезного о своих родичах... Но до поры до времени ее следует забавлять.

– Своих преступлений ты не смоешь, сколько бы ни выламывался. Дейенерис Таргариен не дурочка, кривляньями ее не проймешь. Она поступит с тобой по всей справедливости.

«Нет уж, спасибо».

– А с тобой что она сделает? Обнимет, приголубит, на плаху пошлет? – спросил Тирион и усмехнулся, видя явное замешательство рыцаря. – Думаешь, я так и поверил, что в том борделе ты был по ее поручению? Что защищал ее интересы на другом конце света? Скорей уж она тебя прогнала – не знаю только за что. Ага! Ты шпионил за ней! – прищелкнул языком карлик. – И везешь меня ей, чтобы купить прощение. Никуда не годный план, скажу я тебе, такое только спьяну придумать можно. Если б ты привез Джейме, дело другое – он убил ее отца, а я лишь своего собственного. Думаешь, Дейенерис меня казнит, а тебя помилует? Не вышло бы наоборот. Садись-ка ты сам на свинью, сир Джорах, надевай пестрые латы, как Флориан, и...

От удара в висок Тирион упал и стукнулся другим виском о палубу. Приподнявшись, он сплюнул кровь вместе с выбитым зубом. С каждым днем все краше, но на этот раз, пожалуй, сам напросился.

– Этот карлик чем-то обидел вас, сир? – спросил он невинно, утирая разбитую губу тыльной стороной ладони.

– Этот карлик у меня в печенках сидит. Хочешь сохранить зубы, что еще остались во рту, – не подходи ко мне до конца плавания.

– Легко сказать. Мы ночуем в одной каюте.

– Значит, ночуй в другом месте. В трюме, на палубе, мне наплевать, – сказал рыцарь и ушел, стуча сапогами.

Пенни нашла Тириона на камбузе – он полоскал рот водой с ромом.

– Я слышала, чтостряслось. Тебе больно?

– Ничего... Одним зубом меньше. Мормонта я, кажется, ранил сильнее. Защиты от него, как ни грустно, ждать теперь не приходится.

– Да что ты ему сделал? – Пенни, оторвав от рукава лоскут, занялась кровоточащей губой. – Что ты сказал?

– Пару истин, которые сир Бесоару пришлось не по вкусу.

– Вот и зря. Разве не понимаешь, что больших людей нельзя задирать? Он мог бы тебя в море бросить, а матросы лишь посмеялись бы. Шути с ними, смехи их – так мой отец говорил. Твой не учил тебя этому?

– Мой называл больших людей мелкотой, и рассмешить его было не просто. – Тирион еще раз прополоскал рот и сплюнул. – Все ясно: мне надо учиться быть карликом. Может, ты меня поучишь между поединками и скачками на свинье?

– Охотно... Но за что все-таки сир Джорах тебя ударил?

– Всему причиной любовь – из-за нее-то я и сварил певца. – Ему вспомнились глаза Шаи, когда он закручивал цепь вокруг ее горла. Цепь из золотых рук. «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи». – Скажи, Пенни, ты девица?

– Конечно, – покраснела она. – Кто захочет...

– Вот и храни свою девственность. Любовь – безумие, похоть – яд. Так ты не окажешься в грязном борделе на Ройне со шлюхой, чем-то похожей на твою утраченную любовь. – «И не будешь странствовать в поисках места, куда отправляются шлюхи». – Сир Джорах мечтает

завоевать благодарность своей королевы, но я кое-что знаю о благодарности королей: рассчитывать на нее – все равно что иметь дворец в древней Валирии. Стой. Чувствуешь? Корабль движется.

– Да. Мы снова плывем! – просияла Пенни. – Ветер... – Она бросилась к двери. – Пошли поглядим – кто скорее?

Совсем еще девочка. Карабкается по деревянному трапу со всей быстротой, на которую способны ее короткие ножки. «Ладно, поглядим». Тирион поднялся на палубу вслед за ней.

Парус, вернувшись к жизни, вздувался и опадал, красные полосы змеились. Матросы тянули шкоты, помощники выкрикивали команды на волантинском, гребцы в шлюпках поворачивали к судну, налегая на весла. Задувший с запада ветер играл с плащами и снастями, как озорное дитя. «Селасори кхорун» вновь тронулся в путь.

Может, они еще и доберутся до Миэрина.

Тирион поднялся на ют, и вся его веселость пропала. За кормой сияла сплошная голубизна, а вот на западе... Никогда он не видел, чтобы небо было такого цвета.

– Полоска на левой половине щита, – сказал он Пенни, показывая на тучи.

– Что это значит?

– Что к нам подкрадывается очень большой ублюдок.

К ним, как ни странно, поднялись Мокорро и два его огненных пальца – обычно они показывались на палубе только в сумерки.

– Вот он, гнев божий, Хугор Хилл, – торжественно изрек жрец. – С Владыкой Света шутки плохи.

– Вдова сказала, что этот корабль не дойдет до места своего назначения. Я понял это так, что капитан изменит курс и пойдет на Миэрин... или что ты со своей Огненной Рукой захватишь корабль и доставишь нас к Дейенерис. Но вашему верховному жрецу открылось нечто другое, верно?

– Верно. – Голос Мокорро звучал, как погребальный колокол. – Ему открылось вот это. – Посох жреца указывал на запад.

– О чем это вы? – растерялась Пенни.

– Да так. Сир Джорах изгнал меня из каюты – можно мне будет укрыться в твоей?

– Разумеется...

Часа три корабль мчался, подгоняемый ветром. Западный небосклон из зеленого сделался серым, а после черным. Стена темных туч бурлила, как позабытое на огне молоко. Тирион и Пенни, держась за руки, затаились у носовой фигуры, чтобы не попадаться на глаза морякам.

Этот шторм в отличие от прежнего свежести и очищения не сулил. Капитан вел корабль курсом северо-северо-восток, пытаясь отвернуть хоть немного в сторону.

Напрасная попытка. Волнение усиливалось, ветер выл как безумный, «Вонючий стюард» поднимался и падал. Позади ударила лиловая молния и прокатился гром.

– Все, пора. – Тирион взял Пенни за руку и увел вниз.

Милка и Хрум просто обезумели от страха. Пес, заливаясь лаем, сбил Тириона с ног, свинья загадила всю каюту. Пока Тирион убирал дерьмо, Пенни унимала животных.

– Мне страшно, – призналась она.

Они закрепили и привязали все, что могло оторваться. Корабль болтало со страшной силой.

Умереть можно и похуже, чем утонуть. Ее брат и его лорд-отец узнали это на

собственном опыте. И лживая сучка Шая. «Золотые руки всегда холодны, а женские горячи».

– Давай сыграем, – предложил Тирион. – Отвлечемся немного.

– Только не в кайвассу, – сразу сказала Пенни.

– Ладно. – Палуба вздыбилась. Какая уж тут кайвасса: фигуры будут летать по каюте и сыпаться на зверей. – Знаешь такую игру «Приди ко мне в замок»?

– Нет. Научишь?

Глупый карлик, откуда ей знать? У нее замка не было. Эта игра предназначена, чтобы знакомить высокородных детей с этикетом, геральдикой, с друзьями и врагами лорда-отца.

От качки их бросило друг на друга.

– Она нам, пожалуй, не подойдет. Не знаю, во что бы...

– Зато я знаю, – сказала Пенни и поцеловала его.

Эта неумелая ласка застала Тириона врасплох. Он схватил Пенни за плечи, чтобы оттолкнуть, но вместо этого крепко прижал к себе. Сухие губы, как кошелек скряги, не разожмешь... это и к лучшему. Он любил Пенни как друга, жалел ее, по-своему восхищался ею, но никакого желанья к ней не испытывал. Обижать ее тоже не входило в его намерения: боги и его дражайшая сестрица достаточно ей навредили. Он не прерывал поцелуя, плотно стиснув собственный рот, а «Селасори кхорун» дыбился и раскачивался под ними.

Наконец она отстранилась, и Тирион увидел в ее глазах свое отражение. Помимо него, там виделся страх, немного надежды и ни капельки страсти. Она хотела Тириона не больше, чем он ее.

– В эту игру, миледи, мы тоже играть не будем. – Он приподнял ее потупленную голову за подбородок. Гром обрушился совсем близко.

– Прости... Никогда раньше не целовалась с мужчинами, но раз мы все равно тонем...

– Это было приятно, но я ведь, знаешь, женат. Она сидела рядом со мной на пиру. Леди Санса.

– Это твоя жена? Такая красавица...

«И такая изменница». Санса, Шая, все его женщины... Одна только Тиша его любила. Куда же отправляются шлюхи?

– Да. Мы с ней соединены в глазах богов и людей. Возможно, я никогда больше ее не увижу, но обязан хранить ей верность.

– Я понимаю, – отвернулась Пенни.

«Прелесть моя. Только ты по молодости своей способна поверить в столь наглую ложь».

Корабль швыряло, Милка повизгивала. Пенни подползла к свинье по полу, обняла ее, принялась утешать... Знать бы, кто из них кого утешает. Животики надорвешь, на них глядя, но смеяться почему-то не хочется. Девушка заслуживает лучшего, чем ручная свинья. Настоящий поцелуй, немного нежности – каждому человеку это положено, и большому, и маленькому. Ром из чаши весь выплеснулся. Тонуть печальным и трезвым – это уж слишком.

Потом, временами, ему даже хотелось пойти наконец ко дну. Шторм бушевал до поздней ночи, волны били в борта, как кулаки великанов-утопленников. Помощника и двух матросов смыло, кока ослепил горячий жир из котла, капитан, сброшенный с юта, сломал себе ноги. Хрум выл, лаял и огрызался, Милка опять завалила всю каюту дерьмом. Тирион не блевал только чудом, за недостатком вина, Пенни выворачивало, но он не выпускал ее из объятий. Корабль трещал, как бочонок, который вот-вот развалится.

К полуночи ветер стал наконец утихать, и море успокоилось настолько, что Тирион вылез на палубу. Увиденное мало его порадовало. Когг шел по драконову стеклу под звездной

чашей, а вокруг, куда ни глянь, громоздились тучи, пронизанные голубыми и лиловыми жилами молний. Дождя не было, но палуба оставалась мокрой и скользкой.

Внизу вопил кто-то одуревший от страха, с носа слышался голос Мокорро – жрец, воздев посох над головой, громко читал молитву. Дюжина матросов и два огненных пальца возились со спутанными снастями, то ли поднимая парус, то ли спуская. Тириону это в любом случае казалось опасной затеей – как выяснилось, не зря.

Вернувшийся ветер коснулся его щеки, колыхнул мокрый парус, взвевал алые одежды Мокорро. Тирион, повинувшись инстинкту, ухватился за первую попавшуюся рейку, и вовремя. Легкий бриз почти мгновенно преобразился в ревущий шквал. Мокорро выкрикнул что-то, драконья пасть на его посохе изрыгнула зеленое пламя. Вслед за этим налетел дождь, укрыв сплошной завесой и нос, и корму. Над головой захлопал улетающий прочь парус – двое человек так и висели на нем. «О дьявол, не иначе как мачта», – подумал Тирион, услышав оглушительный треск.

Цепляясь за веревку, он подтягивался к люку, но ветер отшвырнул его на фальшборт. Дождь заливал глаза, рот снова наполнился кровью. Корабль натужился, словно сидя на толчке, и мачта разлетелась на куски.

Тирион не видел, как это произошло. Послышался новый треск, и кругом тут же засвистели осколки. Один едва разминулся с глазом, другой вонзился в шею, третий насквозь проткнул голень вместе с сапогом и штаниной. Тирион заорал, но веревку каким-то чудом не выпустил. «Этот корабль не дойдет до цели», – сказала вдова. На карлика напал смех. Он хохотал как безумный, а вокруг трещало дерево, гремел гром и сверкали молнии.

Однако и шторму, как всему на свете, настал конец. Уцелевшие выползли на палубу, словно черви после дождя. «Селасори кхорун» сидел низко, кренясь на правый борт, корпус треснул в ста местах, трюм затопило, на месте мачты торчал расщепленный пенек ростом с карлика. Носовая фигура лишилась руки со свитками. Девять человек, в том числе один помощник, двое огненных пальцев и сам Мокорро, погибли.

Видел ли это Бенерро в своем пророческом пламени? А Мокорро?

– Пророчество похоже на злобного мула, – сказал Тирион сире Джораху. – Доверишься ему, тут оно тебя и лягнет. Вдова знала, что корабль не дойдет до места, и говорила, что Бенерро видел это в огне, но я вбил себе в голову, что это... теперь уж не важно. Главное, что нашу мачту разнесло в щепки: теперь мы будем болтаться в проливе, пока у нас вся жратва не выйдет и мы не примемся друг за друга. Кого, по-твоему, съедят первым: свинью, собаку или меня?

– От кого шуму больше, я полагаю.

Капитан умер назавтра, кок на третью ночь. Оставшиеся кое-как удерживали разбитый корабль на плаву. По мнению помощника, принявшего командование на себя, они находились где-то близ южной оконечности Кедрового острова. Он приказал спустить шлюпки и взять когг на буксир, но одна лодка затонула, а гребцы другой обрезали линь и уплыли на север, бросив корабль.

– Подлые рабы, – сказал сир Джорах. Шторм, по его собственным словам, он проспал. У Тириона на этот счет имелись сомнения, но он благоразумно помалкивал. Зубы ему еще понадобятся – вдруг придется кого-нибудь укусить. Раз Мормонт согласен забыть об их ссоре, он тоже сделает вид, будто ничего не случилось.

За девятнадцать дней дрейфа запасы провизии и пресной воды подошли к концу. Пенни сидела в каюте со свиньей и собакой. Тирион, припадая на перевязанную ногу, носил ей еду.

По ночам обнюхивал рану и заодно колол ножом пальцы на руках и ногах. Сир Джорах только и делал, что точил меч. Три оставшихся пальца по вечерам исправно зажигали костер, но при этом облачались в доспехи и держали копья поблизости, и никто больше не трепал карликов по голове.

– Может, устроим турнир еще раз? – спросила Пенни.

– Лучше не надо. Не стоит напоминать им о свинке, хотя бы и похудевшей. – Милка заметно теряла вес, от Хрума остались кожа да кости.

Ночью он снова вернулся в Королевскую Гавань с арбалетом в руке. «Куда все шлюхи отправляются», – сказал лорд Тайвин. Тирион нажал спуск, тетива запела, но стрела почему-то угодила в живот не отцу, а Пенни. Он проснулся от крика.

Палуба ходила ходуном. Где он – на «Робкой дева»? Почему так воняет свиным дерьмом? Нет, не «Дева» это. Горести остались далеко позади, как и пережитые на реке радости. Вспомнить хоть Лемору после утреннего купания, с капельками воды на коже. Единственная дева здесь – это Пенни, несчастная карлица.

Наверху, однако, что-то происходило. Тирион вылез из гамака, ища сапоги и арбалет – ну не дурак ли? Хотя жаль. Если б большие наладились его съесть, арбалет очень бы пригодился.

– Парус, – тут же объявила Пенни, поднявшаяся на палубу раньше него. – Вон он, видишь? Они нас уже заметили!

На сей раз он поцеловал ее сам: в обе щеки, в лоб и в губы. Девушка залилась краской. Большая галера шла прямо к ним, оставляя за собой пенный след.

– Что за корабль? – спросил Тирион у Мормонта. – Название разобрать можно?

– Название мне ни к чему. Мы под ветром, я его чую. – Мормонт обнажил меч. – Это невольничье судно.

Снег пошел на закате, а к ночи повалил так густо, что луны не стало видно за белой завесой.

– Боги Севера гневаются на лорда Станниса, – объявил Русе Болтон утром, когда все собрались на завтрак в Великий Чертог. – Он здесь чужой, и старые боги хотят его смерти.

Его люди согласно взревели, молотя кулаками по длинным столам. Гранитные стены Винтерфелла, даже разрушенного, служат неплохой защитой от ветра и непогоды. Еды и питья всем хватает, сменившихся с караула встречает жаркий огонь, есть где просушить одежду и где поспать. Дров запасли на полгода, обеспечив чертогу тепло и уют, а Станнис лишен всего этого.

Теон Грейджой не присоединился к общему хору – и Фрей, как он заметил, тоже. Единокровные братья сир Эйенис и сир Хостин здесь такие же чужаки, как и Станнис. Они выросли в речных землях и такого снегопада отродясь не видали. Трех Фреев Север уже забрал: они пропали между Барроутоном и Белой Гаванью – Рамси так и не сумел их найти.

Лорд Виман Мандерли, сидя между двумя своими рыцарями, уминал овсянку ложка за ложкой – она ему, похоже, не так по вкусу, как свадебные пироги со свиной. Однорукий Харвуд Стаут тихо беседовал с Амбером Смерть Шлюхам, похожим на труп.

Теон встал в очередь за овсянкой, разливаемой деревянными черпаками из медных котлов. Лорды и рыцари могли сдобрить кашу молоком, медом и капелькой масла; ему ничего такого не предлагали. Принцем Винтерфелла он пробыл недолго. Сыграл свою роль в комедии, отвел мнимую Арию к священному дереву – теперь он Русе Болтону больше не нужен.

– В первую мою зиму снегу выше головы навалило, – сказал человек Хорнвуда перед ним.

– Ты тогда был не выше трех футов, – заметил всадник из Родников.

Прошлой бессонной ночью Теон размышлял о побеге. Дождаться, когда Рамси с отцом будут чем-то заняты, и улизнуть... только как? Все ворота заперты и находятся под охраной: никто не выйдет из замка и не войдет в него без разрешения лорда Болтона. Тайные лазейки, даже если бы он знал о таких, тоже опасны: Теон не забыл о Кире с ее ключами. Да и куда ему бежать? Отец умер, дядям он ни к чему, Пайк для него потерян. Единственное место, которое он мог бы назвать своим домом, – это развалины Винтерфелла.

Сломленный человек в разрушенном замке. Куда как уместно.

Он еще стоял в очереди, когда Рамси со своими ребятами ввалился в чертог и потребовал музыки. Абель протер глаза, взял лютню и запел «Дорнийскую жену»; одна из его женщин отбивала на барабане такт. Он изменил слова и вместо «дорнийки» пел «северянка».

«Как бы его за это языка не лишили, – подумал Теон, подставляя под черпак миску. – Он простой певец: если лорд Рамси сдерет ему кожу с обеих рук, никто и слова не скажет». Но лорд Русе улыбнулся, Рамси расхохотался, и все прочие последовали их примеру. Желтый Дик так ржал, что вино из носу текло.

Леди Арии не было с мужем: она не выходила из своих комнат с самой свадебной ночи. Алин-Кисляй говорил, будто Рамси держит ее голую на цепи у прикроватного столбика, но Теон знал, что это вранье. Цепей на ней нет, во всяком случае видимых, только к двери

стража приставлена. А раздевается она, лишь когда моется.

Делает она это часто, чуть ли не каждую ночь – лорд Рамси требует чистоты.

«У бедняжки нет служанок, кроме тебя, Вонючка, – смеется он. – Может, в платье тебя одеть? Я подумаю, а пока поработай-ка банщицей: не хочу, чтоб от нее воняло, как от тебя». Когда Рамси приходит охота лечь в постель со своей женой, Теон, призвав на помощь служанок леди Уолды и леди Дастин, таскает с кухни горячую воду. Леди Арья с ними не разговаривает, но синяки ее всем видны. Что ж, сама виновата: мужа ублажать надо. «Будьте Арьей, – сказал как-то Теон, помогая ей сесть в ванну, – и лорд Рамси не тронет вас. Он наказывает нас, лишь когда мы... забываемся. Мне он никогда не причинял боли без веской причины».

«Теон», – со слезами прошептала она. «Вонючка, – поправил он, тряхнув ее за руку. – Здесь я Вонючка. Запомните это, Арья». Но она ведь не настоящая Старк – она дочка стюарда, Джейни. Напрасно она ждет от него спасения. Прежний Теон Грейджой, может, ей и помог бы – но тот был железный, не чета Вонючке-подлючке.

У Рамси сейчас новая живая игрушка, но слезы Джейни скоро прискучат ему, и он снова вспомнит про Вонючку. Будет кожу с него сдирать дюйм за дюймом. Покончит с пальцами – перейдет на руки, на ступни. Отнимать их будет, лишь когда Вонючка, обезумев от боли, попросит сам. Горячих ванн Вонючке не полагается: снова будет в дерьме валяться, и мыться ему запретят. Та одежда, что на нем, превратится в зловонные лохмотья, и носить он их будет, пока не сгниют. Лучшее, на что он может надеяться, – это вернуться на псарню к девочкам Рамси. Там теперь появилась новая сучка, Кира.

В темном углу чертога он отыскал пустую скамью. Все места ниже соли заняты хотя бы наполовину и днем и ночью: люди пьют, играют в кости, болтают, тут же и спят. Тех, кому приходит черед караулить на стенах, сержанты поднимают пинками. Но с Теоном Переметчивым никто из них рядом не сядет, да он и сам не желает с ними сидеть.

Миску с серой водянистой овсянкой он отставил, не съев и четырех ложек. За соседним столом спорили, сколько продлится метель.

– Сутки, а то и больше, – уверял большой бородатый лучник с топором Сервинов на груди. Латники постарше говорили, что это так, легкий снежок, а вот в их-то время... Пришельцы с речных земель, непривычные к снегу и холоду, только ахали. Входящие со двора вешали мокрые плащи на колышки у дверей и спешили погреть руки у жаровен.

– Теон Грейджой, – окликнула какая-то женщина.

«Вонючка», – чуть было не поправил он.

– Чего тебе?

Она уселась на лавку верхом, откинув с глаз рыжие космы.

– Не скучно одному-то, милорд? Пойдем потанцуем.

Он взял в руки миску с остывшей кашей.

– Не хочу. – Принц Винтерфелла был отменным танцором, но Вонючка с недостающими пальцами ног лишь выставил бы себя на посмешище. – Уйди. Денег у меня нет.

– За шлюху меня принимаете? – криво усмехнулась она. Это была спутница Абея, тощая, длинная, далеко не красotka, но в свое время Теон не отказался бы от нее – любопытно же, как эти длинные ноги тебя обхватят. – Да и деньги мне тут ни к чему. Что на них купишь, снег, что ли? Заплатите лучше улыбкой. Ни разу не видала, как вы улыбаетесь, даже на свадьбе вашей сестры.

– Леди Арья мне не сестра. – Улыбаться ему хотелось не больше, чем танцевать. Увидит

Рамси – опять пару зубов вышибет. Он и так уж жует с трудом.

– Красивая девушка.

«Я, конечно, не была такой красивой, как Санса, но все говорили, что я хорошенькая», – отозвалось в голове под стук барабана. Одна из Абелевых прачек залезла на стол с Уолдером Малым и учила его танцевать.

– Уйди, – попросил Теон.

– Я милорду не по вкусу? Могу вам прислать Миртл или Холли, она всем нравится. – Женщина придвинулась ближе, от нее пахло вином. – Не хотите улыбнуться, так расскажите, как Винтерфелл взяли. Абель сложит об этом песню, и о вас будут помнить вечно.

– Как о предателе. Переметчивом.

– Почему вы знаете? Могли бы прославиться как Теон Хитроумный. Мы слышали, это был настоящий подвиг. Сколько человек с вами было – сто, пятьдесят?

«Меньше».

– Это была безумная затея.

– Однако смелая. У Станниса, говорят, пять тысяч, но Абель заявляет, что эти стены и пятьдесят не проломают. Как же вы-то умудрились, милорд? Тайный ход знали?

У него имелись веревки и крючья, а ночь и внезапность были на его стороне. Малочисленных защитников замка он взял врасплох. Вслух Теон этого не сказал: если о нем и впрямь сложат песню, Рамси уж точно проткнет ему барабанные перепонки, чтобы он не слышал ее.

– Можете довериться мне, милорд. Абель вот доверяет. – Она положила на его руку в перчатке свою, огрубевшую, длиннопалую, с обгрызенными ногтями. – Вы так и не спросили, как меня звать. Я Ровена.

Теон отдернул руку. Ее, конечно, подослал Рамси, как тогда Киру с ключами. Хочет толкнуть Теона на побег, чтобы потом наказать.

Врезать бы ей как следует, сбить с лица эту насмешливую улыбку. Или поцеловать ее, взять прямо тут, на столе, чтобы она выкрикивала его имя на весь чертог. Да нет, где уж там. Не посмеет он уступить ни гневу, ни похоти. Имя ему Вонючка, и он не должен этого забывать. Теон вскочил и пошел прочь, припадая на левую ногу.

Снег, все такой же густой, тяжелый и мокрый, быстро засыпал человеческие следы и доходил уже до верха сапог. В Волчьем лесу он еще глубже, а на Королевском тракте, где дует ветер, от него нет никакого спасения. Рисвеллы перекидывались снежками с Барроутоном, оруженосцы на стене лепили снеговиков и выстраивали их вдоль парапета. Со щитами, копьями, в полушлемах – настоящие бойцы, да и только.

– Лорд Зима привел к нам своих ополченцев, – сказал часовой у двери. Увидев, с кем говорит, он отвернулся и плюнул в сторону.

За палатками мерзли в загоне кони из Белой Гавани и Близнецов. Новые конюшни лорда Болтона вдвое больше прежних, сожженных Рамси при взятии замка, но там стоят кони его лордов-знаменосцев и рыцарей, а остальные маются под открытым небом. Конюхи укрывали их попонами, чтобы хоть как-то согреть.

Теон углубился в развалины. Вороны переговаривались и вскрикивали, глядя на него с разрушенной башни мастера Лювина. Он навестил свою бывшую спальню, занесенную снегом из выбитого окна, побывал в кузне Миккена, в септе леди Кейтилин. У Горелой башни Рикард Рисвелл целовался с другой прачкой Абеля, пухленькой и курносой. Девушка стояла на снегу босиком, в меховом плаще, под которым скорей всего ничего не было. При

виде Теона она что-то сказала Рисвеллу, и тот засмеялся.

Теон поспешил уйти. Ноги сами привели его к лестнице за конюшнями. Осторожно поднявшись по скользким ступеням, он оказался на внутренней крепостной стене один, далеко от оруженосцев с их снеговым войском. Внутри стен замка никто его свободы не ограничивал – он мог ходить где хотел.

Винтерфелльская внутренняя стена старше и выше внешней. Высота ее сто футов, на каждом углу четырехугольные башенки. Внешняя ниже на двадцать футов, но толще, за ней лучше следят, и башенки на ней восьмиугольные. Широкий глубокий ров между обеими стенами замерз и заметен снегом. Снег заносит проемы между зубцами, венчает белыми шапками сами зубцы и башенки.

Дальше все бело – лес, поля, Королевский тракт. Зимний городок, который люди Рамси тоже сожгли дотла, укутан пуховым одеялом. Снег прячет раны, нанесенные Сноу, но так думать нельзя. Рамси теперь никакой не Сноу, он Болтон.

Тракта совсем не видно: его глубокие колеи сровнялись с окружающими полями, а снег все валит. Где-то там мерзнет Станнис Баратеон. Если он попытается взять Винтерфелл приступом, его дело обречено, несмотря на замерзший ров. Теон взял замок исподтишка, послав верхолазов на стены и переплыв ров под покровом ночи. Защитники спохватились слишком поздно, но у Станниса так не выйдет.

Возможно, он предпочтет осаду, чтобы уморить защитников голодом. Болтон и его друзья Фреи привели через Перешеек большой обоз, леди Дастин из Барроутона и лорд Мандерли из Белой Гавани тоже привезли много провизии и корма для лошадей, но ведь и войско у них большое – надолго никаких запасов не хватит. То же самое, впрочем, относится к Станнису и его людям. К тому же они промерзли, и метель может толкнуть их на отчаянный штурм.

В богороще снег таял, едва коснувшись земли, между деревьями протянулись призрачные ленты тумана. Зачем Теон пришел сюда? Это не его боги. Сердце-дерево высилось перед ним, как бледный великан с ликом на стволе, и его листья напоминали обогранные кровью руки.

Холодный пруд подернулся льдом.

– Простите, – зашептал сквозь обломки зубов Теон, упав перед ним на колени. – Я не хотел... – Слова застревали в горле. – Спасите меня и помилуйте. Пошлите мне... – Что? Силу, мужество? За пеленой снега слышался тихий плач. Это Джейни на супружеском ложе, больше некому – ведь боги не плачут?

Не в силах больше выносить этот звук, Теон ухватился за ветку, встал и похромал назад, к огням замка. В Винтерфелле водятся призраки, и один из них – он.

Снеговиков прибавилось: оруженосцы слепили во дворе дюжину лордов, командовать воинами на стенах. Вон тот, конечно, лорд Мандерли: такого пузатого снеговика Теон в жизни не видел. Однорукий – Харвуд Стаут, снежная баба – леди Дастин, а этот, с бородой из сосулк – Амбер Смерть Шлюхам.

Повара теперь разливали говяжьую похлебку с ячменем, морковкой и луком – мисками служили выдолбленные краюхи вчерашнего хлеба. Обьедки кидали на пол девочкам Рамси и прочим собакам.

Девочки, знавшие Теона по запаху, обрадовались ему. Рыжая Джейна лизнула руку, Гелисента с костью свернулась у его ног под столом. Славные собачки, и незачем вспоминать, что их называли в честь девушек, затравленных и убитых Рамси.

Теон устал, но все же поел немного, запивая похлебку элем. Чертог гудел: разведчики Русе Болтона, вернувшись через Охотничьи ворота, доложили, что войско Станниса увязло в снегу. Его рыцари едут на больших боевых конях, а люди из горных кланов на своих низкорослых лошадках не решаются уходить далеко вперед. Рамси приказал Абелю спеть что-нибудь в честь снегового похода. Бард снова взялся за лютню, а его спутница выманила у Алины-Кисляя меч и стала показывать, как Станнис рубит снежинки.

Теон смотрел на дно третьей кружки, когда леди Дастин прислала за ним двух своих воинов. Глядя на него с помоста, она принялась.

– В этой же одежде ты был на свадьбе.

– Да, миледи. Мне ее дали. – Один из уроков Дредфорта гласил: бери, что дают, и больше ни о чем не проси.

Леди Дастин, как всегда, в черном, только рукава оторочены беличьим мехом. Высокий стоячий воротник окаймляет лицо.

– Ты ведь знаешь этот замок.

– Когда-то знал.

– Тут есть крипта, где сидят во мраке старые короли. Мои люди прочесали все подвалы и даже темницы, но входа в нее не нашли.

– Туда нельзя пройти через темницы, миледи.

– Можешь показать мне дорогу?

– Там нет ничего, кроме...

– Покойников? Да. Так уж вышло, что все Старки, которых я любила, мертвы. Ну что, покажешь?

– Извольте. – Крипту он не любил, как и все прочие усыпальницы, но бывать в ней ему доводилось.

– Сержант, принеси факел.

– Накиньте теплый плащ, миледи, – посоветовал Теон. – Мы пойдем через двор.

Снегопад усилился, леди Дастин закуталась в соболя. Часовые в плащах с капюшонами ничем не отличались от снеговиков – только пар от дыхания показывал, что они еще живы. На стенах зажгли костры, тщетно пытаясь развеять мрак. Маленький отряд брел по нетронутomu снегу, доходящему до середины икры. Палатки во дворе проседали под его тяжестью.

Вход в крипту помещался в самой старой части Винтерфелла, у подножия Первой Твердыни, несколько веков как заброшенной. Теперь от башни осталась лишь обгорелая, провалившаяся во многих местах шелуха. Кругом валялись камни, балки, горгульи. Одно изваяние скалилось из-под снега, обратив свою жуткую рожу к небу.

Здесь когда-то нашли упавшего Брана. Теон был тогда на охоте с лордом Эддардом и королем Робертом и не знал, какая новость их ожидает. Никто не думал, что мальчик выживет, но Брана не одолели ни боги, ни сам Теон. Странная мысль – и еще более странно, что мальчик, возможно, и посейчас жив.

– Вот здесь, под этим сугробом, – показал Теон. – Осторожно, тут много битого камня.

Солдаты леди Дастин битых полчаса разгребали вход. Дверь примерзла, и сержанту пришлось добывать топор. Старые петли с визгом уступили, открыв винтовую лестницу в темное подземелье.

– Спускаться долго, миледи, – предупредил Теон.

– Свет, Берон, – приказала неустрашимая леди. Ступени за много веков сильно стерлись,

и спускались они вереницей – сержант с фонарем, Теон, леди Дастин и еще один ее человек. Летом крипта всегда казалась Теону холодной; сейчас здесь было не то что тепло, но теплее, чем наверху. Под землей, видно, всегда одинаково тепло – или одинаково холодно.

– Маленькая леди Арья все время плачет, – заметила леди Дастин.

Не сболтнуть бы лишнего... Теон придерживался за стену – ступеньки будто шевелились при свете факела.

– В самом деле, миледи?

– Русе недоволен – скажи своему бастарду об этом.

Он не его бастард... хотя как посмотреть. Вонючка принадлежит Рамси, Рамси – Вонючке. «Не забывай свое имя».

– Что толку одевать ее в белое с серым, если она целыми днями сидит одна и рыдает. Фреям-то все равно, а вот северяне... Дредфорта они боятся, но Старков любят.

– Только не вы, – брякнул Теон.

– Я нет, – призналась она, – а все остальные – да. Смерть Шлюхам здесь только из-за Большого Джона, которого Фрей держат в плену. А люди Хорнвуда? Думаешь, они позабыли, что их леди, прежняя жена бастарда, съела с голоду свои пальцы? О чем они, по-твоему, думают, слыша, как плачет его новая жена, дочка их ненаглядного Неда?

«Лорд Эддарт тут ни при чем. Она дочь простого стюарда, и зовут ее Джейни». Леди Дастин, конечно, подозревает что-то, однако...

– Слезы леди Арьи вредят нам больше всех мечей Станниса. Если бастард не научит жену смеяться, лордом Винтерфелла он недолго пробудет.

– Пришли, миледи, – прервал Теон.

– Но лестница ведет дальше вниз.

– Там другие усыпальницы, совсем древние. Нижние, я слышал, уже обвалились, и я там никогда не бывал. – Он отворил дверь в длинный сводчатый коридор с мощными гранитными колоннами, уходящими попарно во тьму.

Сержант поднял факел – маленький огонек, охваченный со всех сторон мраком. Теон испытал знакомый страх, чувствуя, как каменные короли смотрят на него каменными глазами, сжимая каменными пальцами рукояти ржавых мечей. Железных Людей они все как один не любили.

– Сколько же их, – сказала леди Дастин. – Ты знаешь, кто из них кто?

– Раньше знал... С этой стороны погребены Короли Севера. Последний в их ряду – Торрхен.

– Король, преклонивший колено.

– Совершенно верно, миледи. После него здесь стали хоронить лордов.

– Вплоть до Молодого Волка. Где похоронен Нед Старк?

– В самом конце, миледи. Сюда.

Звонко ступая по плитам, они двинулись между рядами колонн. Их провожали каменные глаза Старков и глаза их лютоволков. Призрачный голос мастера Лювина шептал на ухо забытые имена. Король Эдрик Снегобородый, правивший Севером целых сто лет. Брандон Корабельщик, уплывший на запад. Теон Голодный Волк, его тезка. Лорд Берон Старк – он объединился с Бобровым Утесом против Дагона Грейджоя, лорда Пайка, во времена, когда Семью Королевствами правил в сущности не король, а колдун-бастард Красный Ворон.

– У этого меча нет, – заметила леди Дастин. И верно: Теон не помнил, что это за король, но меч у него пропал – только потеки ржавчины остались на камне. Теону стало не по себе.

Ему говорили, что дух умершего переходит в его меч, и если клинок делся куда-то...

В Винтерфелле водятся призраки, и Теон – один из них. Барбри Дастин, судя по лицу, тоже чувствовала себя неуютно.

– За что вы ненавидите Старков, миледи? – спросил он неожиданно для себя.

– За то самое, за что их любишь ты, – сказала она.

Теон споткнулся.

– Люблю? Почему вы... Я отобрал у них замок, велел предать смерти Рикона и Брана, насадил на пики их головы. Я...

– ...поехал на юг с Роббом Старком, сражался за него в Шепчущем лесу и у Риверрана. Вернулся посланцем на Железные острова для переговоров с родным отцом. Барроутон тоже посылал людей Молодому Волку. Я дала самую малость – совсем отказать не могла из страха навлечь на себя гнев Винтерфелла, – и в этом войске у меня были глаза и уши. Я знаю, кто ты и что ты, а теперь отвечай на вопрос: за что ты любишь Старков?

– Я... – Теон оперся рукой на колонну, – хотел быть одним из них.

– Хотел – и не мог. У нас с тобой, милорд, больше общего, чем ты думаешь, однако пойдем.

Вскоре они пришли к трем близко поставленным изваяниям.

– Лорд Рикард, – сказала леди, рассматривая то, что посередине. Каменный лорд, длиннолицый и бородатый, смотрел печально. – Он тоже без меча.

– Здесь, видно, побывал вор. Вот и Брандона оставили безоружным.

– Он бы разгневался. – Леди, сняв печатку, положила белую руку на темное каменное колено. – Уж так он любил свой меч, постоянно его точил. Женский лобок впору брить, говорил он и охотно пускал его в ход. «Обагранный кровью меч очень красив», – сказал он мне как-то раз.

– Так вы его знали.

Ее глаза горели, отражая огонь факела.

– Брандон воспитывался в Барроутоне у старого лорда Дастина, будущего моего свекра, но то и дело ездил к нам в Родники. Отменные наездники были они с сестрой, настоящая пара кентавров. Мой лорд-отец охотно принимал у себя наследника Винтерфелла. У него были большие планы на нас, детей, и мою невинность он вручил бы любому из Старков, только этого не понадобилось: Брандон сам брал что хотел. Я, старая высохшая вдова, как сейчас вижу его член, обагранный моей девственной кровью. Красивое зрелище, он правду сказал. И боль, когда он пронзил меня, была сладостна. Боль, которую я испытала, узнав, что Брандон женится на Кейтилин Талли, сладостной не была. В нашу последнюю ночь он сказал, что не хочет ее, но у Рикарда Старка тоже были большие планы, и в них не входило женить наследника на дочери одного из своих вассалов. Позже у отца появилась надежда выдать меня за Эддарда, брата Брандона, но Кейтилин и его забрала. Я стала женой молодого лорда Дастина, но его забрал у меня Нед Старк.

– Мятеж Роберта...

– Мы и полгода вместе не прожили, когда Роберт поднял свое восстание. Нед созвал знамена. Я умоляла мужа не ходить, послать вместо себя дядю, знаменитого своим топором, или двоюродного деда, сражавшегося на Войне Девятигрошовых Королей. Но он, движимый мужской гордостью, сам возглавил барроутонский отряд. Я подарила ему рыжего жеребца с огненной гривой, лучшего из конюшен моего лорда-отца. Муж клялся, что после войны приедет на нем домой, но коня мне вернул Нед Старк по пути в Винтерфелл. Он сказал, что

мой муж пал смертью храбрых и погребен в дорнийских красных горах. Кости своей сестры он привез на Север, и они покоятся здесь, но кости лорда Эддарда рядом с ними не лягут. Я скормлю их своим собакам.

– Его кости? – не понял Теон.

Ее губы искривились в улыбке, напомнившей ему Рамси.

– Кейтилин Талли отправила их домой. Было это до Красной Свадьбы, но твой железный дядюшка взял Ров Кейлин и перекрыл путь. Я слежу, и если его останки когда-нибудь вынырнут из болот, дальше Барроутона они не проедут. Пойдем отсюда, – сказала леди Барбри, бросив прощальный взгляд на статую Эддарда Старка.

Метель бушевала по-прежнему.

– Смотри не повторяй никому моих слов, сказанных там внизу, – предупредила леди, выйдя из подземелья. – Ты понял?

Теон кивнул.

– Если я не буду держать язык за зубами, то потеряю его.

– Рамси хорошо тебя вышколил, – бросила она и ушла.

Королевский трофей

Королевское войско, покидая Темнолесье на рассвете ясного дня, выползло из бревенчатого частокола, как длинная стальная змея.

Доспехи рыцарей, помятые в прежних битвах, все еще ярко отражали восходящее солнце, а много раз латаные камзолы и знамена все еще пестрели на холодном ветру. Лазурные, оранжевые, красные, зеленые, пурпурные, синие, золотые краски весело играли среди бурых стволов, тускло-зеленой хвои и серого снега.

Каждого рыцаря сопровождали оруженосцы, слуги и латники. Следом шли оружейники, повара, конюхи, копейщики, лучники, воины с топорами – ветераны сотни битв и мальчишки, еще не побывавшие в первой. В авангарде двигались горные кланы: вожди и первые бойцы на лохматых низкорослых конях, прочие – в шкурах, вареной коже и старых кольчугах – пешие. Некоторые, чтобы их не было видно в лесу, обвязывались ветками и раскрашивали лица зеленой и бурой краской.

За воинской колонной тянулись на целую милю обозные повозки, запряженные лошадьми, мулами и волами. Замыкали войско опять-таки рыцари, а дозорные, скрытно следуя по бокам, служили защитой от внезапного нападения.

Аша Грейджой, скованная по рукам и ногам, ехала в обозе, в крытой повозке на двух высоченных, оббитых железом колесах. Денно и ночью ее охраняла Медведица, храпевшая хуже всякого мужика: король Станнис принял все меры, чтобы его пленница не могла совершить побег. Он намеревался доставить дочь кракена в Винтерфелл и предъявить северным лордам как доказательство одержанной им победы.

Трубы трубили, копыта сверкали, прихваченная морозцем трава искрилась. От Темнолесья до Винтерфелла сотня лиг лесом и триста миль, как ворон летит. Пятнадцать дней, по прикидкам рыцарей.

– Роберт и за десять дошел бы, – заявлял лорд Фелл. Покойный король, убивший его деда у Летнего Замка, представлялся внуку чуть ли не богом. – Роберт занял бы Винтерфелл две недели назад и показал Болтону нос с крепостной стены.

– Станнису этого лучше не говорить, – сказал Джастин Масси, – не то он заставит нас идти днем и ночью.

«Король так и не вышел из тени своего брата», – подумала Аша.

Лодыжка пронзала болью каждый раз, как она на нее опиралась – что-то сломано, не иначе, растяжение прошло бы вместе с опухолью. Кандалы натирали ей кожу и терзали ее гордость. Плен он и есть плен.

«От согнутого колена не умирают, – говорил ей отец. – Согнувший колено может подняться снова с мечом в руке, а не согнувший протянет ноги». Бейлон Грейджой доказал правдивость этих слов на себе: после подавления первого мятежа он склонил колено перед оленем и лютоволком, но поднялся, как только Роберта Баратеона и Эддарда Старка не стало.

Дочь кракена, хромая и связанная (изнасиловать ее не успели, к счастью), последовала примеру отца. «Сдаюсь, ваше величество. Поступайте со мной как хотите, но пощадите моих людей». После боя в Волчьем лесу их выжило только девять – потрепанная девятка, как выразился тяжело раненный Кромм.

Станнис подарил им жизнь, но Аша не причисляла его к разряду милосердных

правителей. Он решителен и отважен, это бесспорно; говорят также, что он справедлив. На Железных островах к суровой справедливости привыкают сызмальства, однако любить такого короля трудно. Глубоко сидящие синие глаза смотрят всегда подозрительно, и за ними чувствуется холодная ярость. Жизнь Аши для него ничего не значит: она всего лишь заложница, ценный трофей.

Глупец. Взятая в плен женщина северян не особенно удивит, а как заложнице ей и вовсе грош цена. Дяде Вороньему Глазу, правящему теперь островами, все равно, жива она или нет, а престарелому Эрику Айронмакеру, за которого Эурон заочно выдал ее, при всем желании нечем выкуп платить – только поди втолкуй это Станнису. Одно то, что она женщина, оскорбляет его: на зеленых землях женщины послушны, одеты в шелка – и топорики в цель не мечут. Впрочем, Станнис ее и в платье не полюбил бы; даже с благочестивой леди Сибеллой, женой Галбарта Гловера, ему как-то не по себе. Он, видно, принадлежит к тем мужчинам, для которых женщины – чужеродное племя наподобие великанов, грамкинов и Детей Леса. От Медведицы – и от той зубами скрежещет.

Есть только одна женщина, к которой король прислушивается, но он оставил ее на Стене.

– Лучше бы она была с нами, – сказал сир Джастин Масси, белокурый рыцарь, командующий обозом. – Взять нашу последнюю битву на Черноводной: там леди Мелисандра также отсутствовала, и призрак лорда Ренли загнал половину нашего войска в залив.

– Последнюю? – повторила Аша. – Разве в Темнолесье эта колдунья была? Я ее что-то не видела.

– Это едва ли можно назвать битвой, миледи, – улыбнулся сир Джастин. – Ваши люди сражались храбро, но их было намного меньше, и нагрянули мы неожиданно. С Винтерфеллом так не получится, и людей у Русе Болтона столько же, сколько у нас.

«Если не больше», – мысленно добавила Аша.

У пленных тоже есть уши, а король в Темнолесье обсуждал со своими капитанами этот поход. Сир Джастин с самого начала был против, и его поддерживали многие южные лорды и рыцари, но волки заявляли, что Винтерфелл нельзя оставлять в руках Русе Болтона, а дочь Неда – в когтях у его бастарда. На этом единодушно стояли Морган Лиддль, Брандон Норри, Вулл Большое Ведро и даже Медведица.

«До Винтерфелла сто лиг, – сказал Артос Флинт в чертоге Галбарта Гловера. – Триста миль по прямой».

«Долгий путь», – заметил рыцарь по имени Корлисс Пенни.

«Не такой уж и долгий, – возразил сир Годри, которого все называли Победителем Великанов. – От Стены мы прошли не меньше. Владыка Света озарит нам дорогу».

«А что нас ждет в самом Винтерфелле? – спрашивал Джастин Масси. – Две крепостные стены, между ними ров, внутренняя стена вышиной сто футов. Болтон в поле не выйдет, а для осады у нас неостанет провизии».

«Не забывайте, что к нам придут Арнольф Карстарк и Морс Амбер, – напомнил ему Харвуд Фелл. – У нас будет столько же северян, сколько у лорда Болтона. К северу от замка растет густой лес; мы построим осадные башни, тараны...»

«И будем гибнуть тысячами», – подумала Аша.

«Не лучше ли зазимовать тут?» – сомневался лорд Пезбери.

«Зимовать?» – взревел Большое Ведро. – По-вашему, у Галбарта Гловера хватит еды и

корма?»

«Брат вашего величества...» – начал сир Ричард Хорп, рябой рыцарь с бабочками «мертвая голова» на камзоле.

«Все мы знаем, как поступил бы мой брат, – прервал его Станнис. – Он подъехал бы к воротам Винтерфелла один, вышиб их своим молотом и убил левой рукой Русе, а правой его бастарда. Я не Роберт, однако мы выступим и возьмем Винтерфелл... или поляжем под его стенами».

Простые солдаты верили в своего короля больше, чем лорды и рыцари. Станнис разбил Манса-Разбойника у Стены, вышиб Железных Людей из Темнолесья; раньше, при жизни Роберта, он победил в знаменитом морском бою у Светлого острова и держал Штормовой Предел на протяжении всего мятежа. Кроме того, он владел волшебным светящимся мечом, Светозарным.

– Наш враг не столь грозен, как представляется, – сказал Аше сир Джастин в первый день похода на Винтерфелл. – Русе Болтона северяне не любят, хотя и боятся, а его друзья Фрей опорочили себя Красной Свадьбой, где каждый северный лорд потерял кого-то из родичей. Как только Станнис пустит Болтону кровь, северяне бросят его.

«Да, – подумала Аша, – если он сумеет пустить эту самую кровь. Ни один дурак не уйдет от сильного к слабому».

В тот первый день сир Джастин навещал пленницу то и дело, принося ей новости, еду и питье. В качестве стража этот упитанный розовощекий шутник с голубыми глазами и гривой льняных волос был внимателен и даже заботлив.

– Он хочет тебя, – сказала Медведица, когда он подъехал к ним в третий раз. По настоящему ее звали Алисанной Мормонт, но прозвище пристало ей как нельзя лучше. Коренастую наследницу Медвежьего острова отличали толстые ляжки, большая грудь и мозолистые ручищи. Под шубой она носила кольчугу, под кольчугой вареную кожу, под кожей старый вывороченный тулуп для тепла, даже на ночь ничего не снимала и казалась одинаковой что в вышину, что вширь. Аша часто забывала, что они с Медведицей почти сверстницы.

– Не меня – мои земли. Железные острова. – У Аши имелись и другие поклонники. Масси потерял все свои владения – без выгодной женитьбы он так и останется рыцарем при королевском дворе. Сиру Джастину король отказал в руке принцессы одичалых, о которой Аша вдоволь наслушалась, и он перекинулся на другую принцессу. Мечтает, не иначе, посадить ее на Морской Трон и править через нее островами. Для этого, правда, понадобится избавить Ашу от ее нынешнего лорда и повелителя, не говоря уж о дяде, который их поженит – а Вороний Глаз проглотит сира Джастина, даже не поперхнувшись.

И за кого бы Аша ни вышла, отцовских земель ей все равно не видать. Она терпела поражение дважды: на вече от дяди Эурона и в Темнолесье от Станниса. Железные Люди ей этого не забудут, а брак с Джастином Масси или любым другим сторонником Станниса принесет ей больше вреда, чем пользы. Хоть она и дочь кракена, а все-таки женщина, скажут капитаны и короли. Не устояла против лордика с зеленых земель и легла с ним.

Но пока сир Джастин возит ей еду и питье, пусть ухаживает себе на здоровье. С ним хоть поговорить можно в отличие от Медведицы, хоть как-то утешиться среди пяти тысяч врагов. Триса Ботли, Кварла-Девицу, Кромма, Роггона и других еле живых ее воинов оставили в Темнолесье, в темницах Галбарта Гловера.

За первый день войско прошло двадцать две мили. Проводниками служили

присягнувшие Темнолесью охотники с родовыми именами Форрестер, Вуд, Бренч и Боул^[1]. На второй день объявили о двадцати четырех милях, и авангард, миновав земли Гловеров, углубился в чащу Волчьего леса.

– Освети нам путь во тьме, Рглор, – молились в тот вечер рыцари и латники у королевского шатра, разведя громадный костер. Их называли людьми королевы, хотя истинной их королевой была красная женщина, а не жена Станниса, оставленная в Восточном Дозоре. – Возри на нас своим огненным оком, Владыка Света, согрей нас и защити, ибо ночь темна и полна ужасов.

Возглавлял молитву сир Годри Фарринг, Победитель Великанов. Звучное имя для мелкого человека. При всей своей телесной мощи Фарринг тщеславен, напыщен, глух к добрым советам и равно презирает простонародье, волков и женщин. В точности как его король, если говорить о последних.

– Мне бы коня, – сказала Аша сиру Джастину, привезшему ей половину окорока. – Цепи просто с ума меня сводят – я дам вам слово, что не стану бежать.

– Если б я мог, миледи... Но вы королевская пленница, не моя.

– Значит, король женщине на слово не поверит?

– Мы не даем веры Железным после того, что сотворил твой брат в Винтерфелле, – проворчала Медведица.

– Я за Теона не отвечаю, – сказала Аша, но ее так и не расковали.

Сир Джастин ускакал, и Аша вспомнила свое последнее свидание с матерью. Это было на Харло, в Десяти Башнях. В комнате горела свеча, большая кровать под пыльным пологом пустовала: леди Аланнис, сидя у окна, смотрела на море. «Привезла ты моего малыша?» – спросила она. «Теон не смог приехать», – ответила Аша, глядя на то, что осталось от женщины, подарившей ей жизнь, от матери, потерявшей двух сыновей. А третий...

«Каждому из вас посылаю частицу принца».

Что бы ни произошло тогда в Винтерфелле, брат вряд ли выжил. Теон Переметчивый... Даже Медведица хотела бы увидеть его голову на колу.

– У тебя есть братья? – спросила ее Аша.

– Только сестры. Нас, детей, было пятеро, и все девочки. Лианна сейчас на Медвежьем острове, Лира и Джори с матерью, Дейси убили.

– На Красной Свадьбе.

– Да, – подтвердила Алисанна, пристально глядя на Ашу. – Моему сыну два, дочке девять.

– Рано ты ее родила.

– Лучше поторопиться, чем опоздать.

«Камешек в мой огород», – подумала Аша.

– Выходит, ты замужем.

– Нет. Детей я зачала от медведя. – Алисанна улыбнулась неожиданно мило, несмотря на кривые зубы. – У Мормонтов все женщины оборотни: мы превращаемся в медведиц и находим себе пару в лесу. Это все знают.

– Не только оборотни, еще и воительницы, – улыбнулась Аша в ответ.

– Это вы нас такими сделали, – посерьезнела Алисанна. – Детей на Медвежьем острове пугают кракенами, вылезающими из моря.

Старый закон... Аша отвернулась, звякнув оковами. На третий день пути их обступил лес – большие повозки уже не могли проехать по здешним тропам. Аша замечала знакомые

приметы: каменистый холм, похожий на волчью голову, если смотреть под нужным углом; наполовину скованный льдом водопад; естественную каменную арку, покрытую мхом. Этим же путем она ехала в Винтерфелл, чтобы уговорить Теона бросить завоеванный замок и вернуться с ней в Темнолесье, – это ей тоже не удалось.

В тот день войско проделало четырнадцать миль, и капитаны остались довольны.

В сумерках, пока возница распрягал лошадей, сир Джастин снял с Аши ножные кандалы и вместе с Медведицей препроводил ее в королевский шатер. Она, хоть и пленница, принадлежала к дому Грейджоев, и Станнису заблагорассудилось уделить ей объедки своего ужина.

Величиной шатер был чуть ли не с чертог Темнолесья, но роскошью похвалиться не мог. Плотные холщовые стены загрязнились и даже заплесневели местами, на срединном шесте реял золотой королевский штандарт с головой оленя внутри горящего сердца. С трех сторон шатер окружали палатки лордов, пришедших на Север со Станнисом, с четвертой ревел священный костер.

Дрова для него кололи с дюжину людей королевы. Их красный бог ревнив: Утонувший Бог Аши для них все равно что демон, а сама она будет проклята, если не примет Владыку Света. Они с большой радостью бросили бы в огонь и ее – некоторые, она слышала, как раз это и предлагали после битвы в лесу, но Станнис им не позволил.

Сейчас король стоял здесь и смотрел в пламя. Что он там видит – победу, поражение, лик своего голодного бога? Глаза у него ввалились, коротко подстриженная борода лежала как тень на впалых щеках и тяжелом подбородке, но в глазах читалась яростная решимость. Этот со своего пути не свернет.

– Государь, – преклонила колена Аша. «Достаточно ли я смиренна для вас, достаточно ли побита?» – Прошу вас, раскуйте мне руки, позвольте сесть на коня. Я не стану бежать.

Станнис взглянул на нее, как на собаку, которой вздумалось потереться о его ногу.

– Ты заслужила эти оковы.

– Вы правы, но теперь я раскаиваюсь и предлагаю вам своих людей, свои корабли и свой ум.

– Корабли, которые не сгорели, и так мои, люди же... Сколько их там осталось – десяток, дюжина?

«Девять... а если считать годных для боя, и вовсе шесть».

– Торрхенов Удел держит Дагмер Щербатый, свирепый воин и преданный слуга дома Грейджоев. Я могу передать этот замок и его гарнизон в ваше распоряжение. – Это еще неизвестно, но сомнения здесь высказывать не приходится.

– Торрхенов Удел для меня – что грязь под ногами. Винтерфелл – вот что важно.

– Снимите оковы, и я помогу вашему величеству взять его. Ваш венценосный брат был знаменит тем, что превращал побежденных врагов в друзей, – сделайте меня своим человеком.

– Если уж боги не сделали тебя человеком, то смертный и подавно не сделает. – Станнис вновь устремил взгляд в огонь, а сир Джастин схватил Ашу за локоть и ввел в шатер.

– Напрасно вы это, миледи. Никогда не упоминайте при нем о Роберте.

Он прав. Ей ли не знать, как обстоит дело с младшими братьями. Теон в детстве обожал Родрика и Марона, трепетал перед ними... так, видно, из этого и не вырос. Младший брат, проживи он хоть сто лет, так и останется младшим. Пробраться бы к Станнису за спину да душить его цепью от кандалов.

Для короля и его капитанов приготовили жаркое из тощего оленя, добытого следопытом Бенжикотом Бренчем; все прочие в лагере получили горбушку хлеба, кусок черной колбасы длиной в палец и запили это остатками галбартовского эля.

От Темнолесья до Винтерфелла сто лиг лесом и триста миль, как ворон летит.

– Жаль, что мы не вороны, – сказал Джастин Масси на четвертый день, когда пошел снег.

С каждым днем снегопад усиливался. Бороды северян обледенели, южане для тепла перестали бриться. Снег, заметая камни, корни и рытвины, каждый шаг превращал в приключение. Потом началась настоящая вьюга, и королевское войско, бредущее по колена в сугробах, распалось.

Мохнатым лошадам горцев корма требовалось куда меньше, чем рослым коням, а снег северянам был не в диковинку. Многие из них привязывали ремешками к ногам «медвежьи лапы» – загнутые с одного конца деревяшки – и шли по насту, не проламывая его.

Для лошадей такая обувь тоже имелась, но большие южные кони, когда хозяева пытались применить к ним северный опыт, наотрез отказывались идти дальше или разбивали деревянные щепки в щепу. Один конь даже ногу сломал в борьбе с невиданным новшеством.

Горцы на «медвежьих лапах» опередили сперва рыцарей в главной колонне, потом авангард Годри Фарринга, а обоз, как ни понукал его арьергард, отставал все больше.

На пятый день непогоды обоз въехал на лед над заметенным прудом. Трое возниц, четыре лошади и двое человек, пытавшихся их спасти, ухнули в ледяную воду. Одного, Харвуда Фелла, успели вытащить, но он весь посинел и трясся. С него срезали мокрую одежду, закутали его в меха, посадили у огня – тщетно. Озноб сменился горячечным сном, от которого лорд уже не очнулся.

В ту ночь люди королевы впервые заговорили о жертве: красного бога надо было задобрить, чтобы он прекратил бурю.

– Это боги Севера напустили ее, – сказал сир Корлисс Пенни.

– Ложные боги, – строго поправил сир Годри.

– С нами Рглор, – сказал сир Клэйтон Сагс.

– Но Мелисандры нет с нами, – завершил Джастин Масси.

Король за высоким столом молчал. Перед ним стыла миска с луковым супом, а он сидел, не обращая внимания на разговоры, и смотрел из-под приспущенных век на пламя ближней свечи. Сир Ричард Хорп, второй по старшинству, высказался за него, пообещав, что буря скоро утихнет.

Но она лишь усилилась, и ветер хлестал, словно бич. Ветра на Пайке не шли ни в какое сравнение с этим – он сводил всех с ума.

Даже когда по колонне передавали приказ разбить лагерь на ночь, согреться было не просто. Отсыревшие палатки ставились с трудом, снимались еще тяжелее и постоянно проседали под снегом. Лес, самый большой в Семи Королевствах, не желал больше снабжать войско сухими дровами. Те немногие костры, что еще зажигались в лагере, больше дымили, чем грели – о горячей пище оставалось только мечтать.

Даже священный огонь, к отчаянию людей королевы, сильно съезжился против прежнего.

– Владыка Света, защити нас от этой напасти, – гудел бас сира Годри, возглавляющего молитву. – Яви нам свое ясное солнце, уйми ветер, растопи снег, дабы мы могли поразить

врагов наших. Ночь темна, холодна и полна ужасов, но твои есть сила, и слава, и свет. Наполни нас огнем своим, Рглор.

Волки, однако, лишь посмеялись, когда сир Корлисс спросил, не случилось ли раньше какой-нибудь армии замерзнуть в зимнюю бурю.

– Какая ж это зима, – сказал Вулл Большое Ведро. – У нас говорят, что осень целует, а зима раком ставит, – так это пока поцелуйчики.

«Да избавит нас тогда бог от настоящей зимы», – подумала Аша. Ей как королевскому трофею приходилось еще не так плохо: другие голодали, а она ела досыта, другие мерзли и пробирались по снегу на усталых конях, а она ехала в крытой повозке, закутанная в меха.

Лошадям и простым солдатам доставалось больше всего. Двое оруженосцев зарезали латника, поспорив за место у костра, озверевшие от холода лучники подожгли собственную палатку – ну, эти хоть соседей погрели; кони гибли от холода и непосильных трудов. Кто-то придумал загадку: «Что такое рыцарь без коня? Снеговик с мечом». Всех павших животных тут же разделявали на мясо, съестных припасов осталось мало.

Пезбери, Кобб, Фоксглов и другие лорды уговаривали короля остановиться и переждать бурю, но Станнис не слушал. Не внял он и людям королевы, пришедшим говорить с ним о жертве: Аше об этом донес не слишком набожный Джастин Масси.

«Жертвоприношение докажет, что огонь нашей веры горит по-прежнему ярко», – сказал Клэйтон Сагс, а Годри добавил: «Это бедствие наслали на нас боги Севера, и один лишь Рглор может его остановить. Отдадим ему еретика».

«Еретики составляют половину моего войска, – ответил на это Станнис. – Жечь никого не будем: молитесь усерднее».

Сегодня не будем, завтра не будем... но выдержит ли король, если буря затянется? Аша, никогда не разделявшая веры дяди Эйерона в Утонувшего Бога, этой ночью молилась Живущему под Волнами с не меньшим пылом, чем сам Мокроголовый, но буря не унялась. Они прошли пять миль за день, потом три, потом две.

На девятый день от начала бури промокшие капитаны с трудом добрались до шатра, чтобы припасть на колени и доложить королю о потерях.

– Один умер, трое пропали без вести.

– Пали шесть коней, в том числе мой.

– Умерли двое, один из них рыцарь. Пали четыре коня. Одного удалось поднять, другие – два боевых, один верховой – погибли.

Этот перечень стали называть снеговым. Обоз страдал больше всех: гибли лошади, пропадали люди, переворачивались и ломались повозки.

– Лошади вязнут в снегу, – докладывал Джастин Масси, – а люди уходят в сторону или просто садятся и замерзают.

– Ничего, – отрезал король. – Идем дальше.

У северян дела обстояли гораздо лучше: Черный Доннел Флинт и его брат Артос потеряли только одного человека, Лиддли, Вуллы, Норри обошлись совсем без потерь. У Моргана Лиддля пропал один мул, да и того, как он подозревал, увели Флинты.

От Темнолесья до Винтерфелла сто лиг лесом и триста миль, как ворон летит. На пятнадцатый день пути они не прошли и половины этого расстояния. Снег заметал след из застывших трупов и разбитых повозок, а солнце, луна и звезды не показывались так долго, что Аша задавалась вопросом, не во сне ли она их видела.

На двадцатый день с нее наконец сняли ножные оковы. Одна из лошадей, тащивших

повозку, умерла прямо в упряжи, и заменить ее было нечем: оставшиеся ездовые кони везли провизию. Сир Джастин Масси приказал пустить лошадь на мясо, а повозку разломать на дрова.

– Лишнего коня для вас нет, миледи, – говорил он, снимая с Аши кандалы и растирая ей ноги, – а мой, если мы сядем на него оба, тоже недолго протянет. Идите пешком.

Лодыжка давала о себе знать на каждом шагу, но Аша утешала себя тем, что через час совсем не будет чувствовать ног. Она ошиблась: это произошло куда раньше. К вечеру она начала тосковать по своей тюрьме на колесах – оковы порядком ее ослабили. Аша так обессилела, что уснула прямо за ужином.

На двадцать шестой день похода они доели последние овощи, на тридцать второй подобрали овес до последнего зернышка. Долго ли способен человек протянуть на сырой промерзшей конине?

– Бренч клянется, что до Винтерфелла осталось не больше трех дней, – сказал королю Ричард Хорп, когда капитаны покончили со снеговым перечнем.

– При условии, что мы бросим слабых, – заметил сир Корлисс Пенни.

– Их все равно уже не спасти, – отрезал Хорп, – а тем, у кого силы еще остались, придется выбирать между Винтерфеллом и смертью.

– Владыка Света отдаст нам замок, – заявил Годри Фарринг. – Будь с нами леди Мелисандра...

После кошмарного дня, когда войско, едва одолев одну милю, потеряло четырех человек и дюжину лошадей, лорд Пезбери напустился на северян.

– Этот поход – чистое безумие. Подумать только, какие лишения мы терпим ради какой-то девчонки.

– Ради дочери Неда, – поправил его Морган Лиддль. Он был вторым из трех сыновей, и другие волки называли его Лиддлем Средним (как правило, за глаза). Это Морган чуть не убил Ашу тогда в лесу; в походе он попросил его извинить за то, что в пылу боя обзывал ее сукой – не за то, что едва не рассадил ей голову топором.

– Ради дочери Неда, – эхом откликнулся Вулл Большое Ведро. – Мы уже взяли бы замок и освободили ее, если б вы, южные неженки, не мочили свои атласные штаны из-за легкого снегопада.

– Снегопада?! – скривил свои нежные губы Пезбери. – Это ты, Вулл, посоветовал нам выступать – уж не служишь ли ты Болтону, а? Не он ли послал тебя нашептывать королю дурные советы?

– Эх ты, лорд песик, – засмеялся ему в лицо Большое Ведро. – Зарубить бы тебя за такие слова, да неохота марать добрую сталь кровью труса. – Вулл хлебнул эля и утер рот. – Да, люди мрут, и до Винтерфелла их умрет еще больше – на то и война, так оно и положено.

– И ты, Вулл, тоже согласен умереть? – недоверчиво спросил Корлисс Пенни.

– Я хочу жить вечно в стране, где лето длится тысячу лет, – осклабился клановый вождь. – Хочу замок в облаках, чтоб смотреть на землю. Хочу, чтоб мне снова стало двадцать шесть, когда я мог драться весь день и любить всю ночь. Какая разница, согласен я или нет? Зима почти уже настала, мой мальчик, а зима – это смерть. Лучше моим людям погибнуть в бою за Недову дочку, чем в снегу, когда слезы на щеках стынют. О такой смерти песен не сложат. Ты спросил обо мне, так вот: для меня эта зима последняя, и я хочу умыться кровью Болтона до того, как умру. Хочу, чтоб она брызнула мне в лицо, когда мой топор раскроит ему череп. Хочу слизать ее с губ и умереть с ее вкусом во рту.

– Верно! – вскричал Морган Лиддль. – Кровь и смерть! – Его возглас подхватили все горцы, молотя по столу чашами и рогами.

Аше тоже хотелось сразиться, чтобы положить конец всему этому. Звон стали, розовый снег, раздробленные щиты, отсеченные руки – а после мир и покой.

На следующий день разведчики нашли меж двух озер покинутую деревню – горсточка хижин, длинный дом и сторожевая башня. Ричард Хорп приказал устроить привал, хотя войско прошло всего-то полмили и до темноты оставалось еще порядочно. Обоз и арьергард подтянулись туда уже после восхода луны.

– Протрепачем во льду проруби, и северяне наловят нам рыбы, – сказал Хорп королю.

Станнис даже в доспехах и меховом плаще выглядел как человек на краю могилы. То небольшое, что еще оставалось у него на костях, сошло во время похода. Сквозь кожу проступал череп, и Аша боялась, что он раскрошит себе зубы, так он их стискивал.

– Ладно, пусть ловят, – пролаял он, – но с первым светом мы выступим.

На рассвете, когда небо побелело, Аша выползла из-под груды мехов. К храпу Медведицы она уже попривыкла, и разбудили ее не эти громоподобные звуки, а тишина. Не играли побудку трубы, не пели боевые рога северян. Что-то было неладно.

Аша, позвякивая оковами, разгребла снег, заваливший палатку за ночь. Неутихающая стихия погребла под собой озера и лес. Другие палатки едва виднелись, на башне горел огонь, но самой башни как не бывало.

Напрасно Русе Болтон поджидает их в Винтерфелле: войско Станниса Баратеона обречено на голодную смерть в снегах.

Свеча, от которой осталось не больше дюйма, догорала в восковой лужице. Когда она погаснет, кончится еще одна ночь – рассвет всегда приходит так скоро.

Дени не спала, даже глаз не смела закрыть, боясь, что проснется уже при свете. Будь ее воля, она продлила бы ночь навечно, но ей доступно одно: не спать и наслаждаться каждым мгновением, пока они не отошли в прошлое вместе с ночью.

Зато Даарио спит как младенец. Он хвалится, что может спать где угодно, даже в седле, на ярком солнце и в бурю. «Плох будет воин из того, кто не выспится», – говорит он. И кошмары его не мучают. Он только посмеялся, услышав от Дени, что Сервина Зеркальный Щит преследовали призраки убитых им рыцарей. «Явись эти дохляки ко мне, я поубивал бы их снова». Совесть у него как у наемника – иными словами, ее нет вовсе.

Спит он на животе, лицом в подушку, обмотав простыни вокруг длинных ног.

Дени провела рукой по его спине вдоль хребта. Кожа гладкая, почти безволосая. Как приятно ее ласкать, как хорошо расчесывать ему пальцами волосы, массировать икры после долгого дня в седле, брать в ладонь его мужской признак и чувствовать, как он набухает.

Будь она обычной женщиной, она всю жизнь бы только и делала, что ласкала Даарио, трогала его шрамы и слушала, как он их получил. И охотно бы сняла с головы корону, если бы он попросил... но он никогда не попросит. Он любит королеву драконов, простая женщина ему не нужна. Притом короли, лишаясь короны, часто теряют и голову – вряд ли с королевами бывает как-то иначе.

Свеча мигнула в последний раз и погасла. Темнота поглотила любовников на пуховой постели, заполнила все углы спальни. Дени прижалась к своему капитану, упиваясь его теплом, его запахом, его шелковистой кожей. Запомнить все это, хорошенько запомнить.

Когда она поцеловала его в плечо, он повернулся на другой бок, к ней лицом.

– Дейенерис, – сказал он с ленивой улыбкой. Вот еще один из его талантов: он просыпается мгновенно, как кот. – Светает уже?

– Нет. Можем побыть вместе еще немного.

– Лгунья. Я вижу твои глаза – значит, рассвет уже занимается. – Даарио сел, скинув с себя простыню.

– Не хочу, чтобы кончилась еще одна ночь.

– Что так, моя королева?

– Сам знаешь.

– Свадьба? – засмеялся он. – Выходила бы тогда за меня.

– Ты же понимаешь, что я не могу.

– Ты королева и можешь делать все, что захочешь. – Он погладил ее ногу. – Сколько ночей нам осталось?

Две. Всего две.

– Ты не хуже меня знаешь сколько. Следующая, потом еще одна, и конец.

– Давай поженимся – тогда каждая ночь будет наша.

Если бы она только могла. Кхал Дрого был ее солнцем и звездами, но он давно умер. Вспомнить, что значит любить и быть любимой, Дени помог Даарио, храбрый ее капитан. Она была мертва, а он вернул ее к жизни, спала, а он ее разбудил. Но очень уж он осмелел в последнее время: после недавней вылазки бросил к ее ногам голову юнкайского вельможи и

поцеловал у всех на виду – пришлось сиру Барристану его оттаскивать. Старый рыцарь был так разгневан, что Дени опасалась кровопролития.

– Нам нельзя пожениться, любимый. Ты знаешь.

– Что ж, выходи за Гиздара. Я подарю ему на свадьбу пару красивых рогов. Гискарцы любят рога, из собственных волос их начесывают. – Даарио натянул штаны – нижним бельем он пренебрегал.

– Когда я буду замужем, связь со мной приравняют к государственной измене. – Дени прикрыла грудь простыней.

– Пусть объявляют изменником, я готов. – Надев через голову голубой шелковый камзол, Даарио расправил бороду, перекрашенную ради Дени из пурпурной обратно в синюю – такой она была при первой их встрече. – Я пахну тобой, – усмехнулся он, нюхая пальцы.

Дени любила его сверкающий в улыбке золотой зуб, любила волосы у него на груди, его сильные руки, его смех. Любила, когда он, овладевая ею, смотрел ей прямо в глаза и произносил ее имя.

– Какой же ты красивый, – вырвалось у нее, пока он зашнуровывал свои высокие сапоги. Иногда это делала она, но с этим, как видно, тоже покончено.

– Недостаточно красивый, чтобы выйти за меня замуж. – Даарио снял висевший на стене пояс с мечом.

– Куда ты теперь пойдешь?

– В твой город. Выпью пару кружек, завяжу драку – давно не убивал никого. Надо бы, конечно, женишка твоего отыскать...

– Оставь Гиздара в покое! – Дени запустила в него подушкой.

– Как прикажет моя королева. У тебя нынче приемный день?

– Нет. Послезавтра королем станет Гиздар, вот пусть и принимает сам своих земляков.

– Ко двору приходят не одни его земляки. Как быть с теми, кого ты освободила?

– Да ты никак упрекаешь меня!

– Ты называешь их своими детьми – им нужна мать.

– Упрекаешь...

– Так, немножко, сердце мое. Ты ведь по-прежнему будешь допускать к себе горожан?

– Когда будет заключен мир – возможно.

– Это «когда» никогда не наступит. Возобнови приемы, прошу тебя. Мои новые бойцы, бывшие Сыны Ветра, не верят, что ты существуешь на самом деле. Они почти все выросли в Вестеросе, наслушались сказок о Таргариенах и хотят увидеть тебя своими глазами. Лягуха тебе даже подарок припас.

– Что еще за Лягуха? – хихикнула Дени.

– Один юный дорниец, оруженосец здорового рыцаря по кличке Зеленорыл. Я предлагал передать его подарок тебе, но он не желает.

– Ишь ты, передать. – В Даарио полетела другая подушка. – Только бы я этот подарок и видела.

– Разве я стал бы воровать у своей королевы? – Наемник огладил позолоченные усы. – Будь этот дар достоин тебя, я вручил бы его в собственные твои ручки.

– Как знак своей любви?

– Так или иначе, я пообещал мальчишке, что он сможет поднести его лично. Не хочешь же ты, чтобы Даарио Нахариса назвали лжецом?

Дени не сумела ему отказать.

– Хорошо. Приводи завтра своего лягушонка и других вестеросцев тоже. – Неплохо будет поговорить на общем языке с кем-нибудь, кроме сира Барристана.

– Слушаюсь, моя королева. – Даарио откланялся и вышел, плащ складками колыхался за его спиной.

Дени, сидя обняв колени на смятой постели, углубилась в свои думы и не слышала, как вошла Миссандея с молоком, хлебом и фигами.

– Вашему величеству нездоровится? Ваша слуга слышала ночью, как вы кричали.

Дени взяла пухлую черную фигу, еще влажную от росы. Будет ли она кричать в объятиях Гиздара?

– Это был ветер. – Спелая фигу без Даарио казалась невкусной. Дени со вздохом встала, велела Ирри подать халат и вышла на террасу.

Враги окружают ее со всех сторон. Каждый день у берега стоит не меньше десяти кораблей – порой целых сто, – с которых сходят солдаты. Юнкайцы доставляют морем также и лес для постройки катапульта, скорпионов и требушетов. В тихие ночи слышно, как стучат молотки. Осадных башен и таранов они не строят – значит, город брать будут не приступом, а измором. Станут швырять свои камни, пока голод и повальная болезнь не вынудят Миэрин сдаться.

Гиздар просто обязан подарить городу мир.

Вечером ей подали козленка с морковью и финиками, но она съела только кусочек. Столкновение с собственным городом, предстоящее в скором будущем, удручало. Даарио приплелся такой пьяный, что едва стоял на ногах. Дени металась в постели: ей снился Гиздар с синими губами и членом, холодным как лед. Очнувшись от кошмара, она села. Капитан, спавший рядом, не убавлял ее одиночества. Растолкать бы его, чтобы он обнял ее, взял, заставил забыть... Но он только улыбнется, зевнет и скажет: «Это всего лишь сон, моя королева... спи!»

Она поднялась, накинула халат, подошла к парапету и стала смотреть на город, как сотни раз до того. Никогда Миэрин не будет ее городом, никогда не станет ей домом.

Розовая заря застала ее на террасе – Дени уснула на траве и вся покрылась росой.

– Я обещала Даарио устроить сегодня прием, – сказала она разбудившим ее служанкам. – Найдите мне корону и какое-нибудь платье полегче.

Полчаса спустя она сошла вниз.

– На колени перед Дейенерис Бурерожденной, Неопалимой, королевой Миэрина, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей, кхалиси великого травяного моря, Разбивающей Оковы, Матерью Драконов, – воззвала Миссандея.

Сияющий Резнак мо Резнак поклонился ей.

– Ваше великолепие с каждым днем все прекраснее – должно быть, тому причиной близкая свадьба. О светлейшая моя королева!

– Пусть войдет первый проситель, – вздохнула Дени.

Она так давно не принимала, что горожан собралось невиданное количество – в толпе посетителей ссорились из-за очереди. Первой, само собой, вошла Галацца Галар с высоко поднятой головой, пряча лицо за переливчатой зеленой вуалью.

– Нам лучше поговорить наедине, ваша блистательность.

– На это, увы, нет времени, – ласково ответила Дени, – ведь завтра мне предстоит выйти замуж. – Прощая встреча с Зеленой Благодатью ничего хорошего королеве не принесла. – О чем вы желали поговорить?

– О некоем наглом капитане наемников.

Как она смеет упоминать об этом при всех? В смелости жрице не откажешь, но она очень ошибается, полагая, что королева стерпит от нее еще один выговор.

– Предательство Бурого Бена Пламма нас всех потрясло, но говорить об этом несколько поздно. Думаю, вам лучше вернуться в храм и помолиться о мире.

– Я и о вас помолюсь, – с поклоном ответила Зеленая Благодать, и Дени вспыхнула от этой новой пощечины.

Дальше все пошло обычным порядком. Королева восседала на подушках и слушала, нетерпеливо качая ногой. В полдень, когда Чхику принесла ей ветчины с фигами, конца просителям не предвиделось. На каждых двух, довольных ее решением, приходился один заливающийся слезами или бурчащий под нос.

Даарио Нахарис с новыми Воронами-Буревестниками явился ближе к закату. Дени то и дело поглядывала на них, пока очередной проситель излагал свое дело. Вот они, ее настоящие подданные. Компания довольно пестрая, но чего еще ждать от наемников? Самый молодой старше ее не больше чем на год, самому старому, должно быть, за шестьдесят. Некоторые из них, судя по золотым браслетам, шелковым камзолам и серебряным заклепкам на поясах, довольно богаты, на других одежда простая и сильно поношенная.

Когда они вышли вперед, Дени разглядела среди них белокурую женщину в кольчуге.

– Крошка Мерис, – представил ее капитан. Вот так крошка! Шесть футов ростом, ушей нет, нос изуродован, на щеках глубокие шрамы, и таких холодных глаз Дени еще не видела.

Вслед за ней Даарио назвал Хью Хангерфорда. Тот, угрюмый, длинноногий и длиннолицый, предстал в изысканном, но полинявшем наряде. За ним шел крепкий коренастый Вебер с татуировкой в виде пауков на бритой голове, груди и руках. Краснолицый Орсон Стоун и долговязый Люцифер Лонг назвались рыцарями. Уилл Лесной ухмылялся, преклоняя колена. Дика-Соломинку отличали васильковые глаза, белобрысая шевелюра и вызывающая беспокойство улыбка. Имбирный Джек зарос колючей оранжевой бородой и говорил неразборчиво.

– В первом же бою он себе половину языка откусил, – объяснил Хангерфорд.

Настал черед трех дорнийцев.

– Представляю вашему величеству Зеленорыла, Герольда и Лягуху, – сказал Даарио.

Зеленорыл, огромный и совершенно лысый, толщиной рук мог поспорить с Силачом Бельвасом. Волосы молодого Герольда выгорели на солнце, сине-зеленые глаза улыбались – немало девичьих сердец они покорили, наверное, и коричневый шерстяной плащ, подбитый песчаным шелком, тоже очень неплох.

Оруженосец Лягуха был самым юным и самым неприметным из них троих. Крепкого сложения, волосы каштановые, глаза карие. Квадратное лицо с высоким лбом, тяжелым подбородком и широким носом. Щетина доказывает, что борода у него начала расти не так уж давно. Непонятно, за что его прозвали Лягухой, – может быть, прыгает хорошо.

– Встаньте, – сказала Дени. – Дорнийцы всегда найдут у меня при дворе теплый прием: Солнечное Копье сохранило верность королю, моему отцу, когда узурпатор захватил его трон. На пути сюда вам, должно быть, встретилось немало опасностей.

– Куда как много, ваше величество, – сказал красавец Герольд. – Когда мы уезжали из Дорна, нас было шестеро.

– Соболезную вашим потерям. Откуда взялось такое странное имя – Зеленорыл?

– Меня так на корабле прозвали, ваше величество. Болтанка, знаете ли, морская

болезнь...

– Понимаю, сир, – засмеялась Дени. – Я правильно к вам обращаюсь? Даарио говорит, что вы рыцарь.

– Мы, с позволения вашего величества, все трое рыцари.

Дени уловила гнев на лице Даарио – он не знал этого.

– Прекрасно. Рыцари мне нужны.

– Объявить себя можно кем угодно – Вестерос далеко, – вмешался сир Барристан. – Готовы ли вы подкрепить свои слова мечом и копьём?

– Готовы, если будет нужда, – ответил Герольд, – хотя с Барристаном Смелым вряд ли кто-то из нас сравнится. Мы просим ваше величество простить нас за то, что мы приехали сюда под вымышленными именами.

– Один человек по прозвищу Арстан Белобородый поступил точно так же, – сказала Дени. – Назовите мне настоящие имена.

– Охотно, ваше величество... Но не слишком ли здесь много глаз и ушей?

«Ох уж эти игры!»

– Очисти чертог, Скахаз.

Бестии по команде Лысого выдворили из зала оставшихся просителей и наемников, но советники остались при Дени.

– Итак, – сказала она.

– Сир Геррис Дринквотер, ваше величество, – с поклоном назвался Герольд. – Мой меч в вашем распоряжении.

– Как и мой боевой молот. – Зеленорыл скрестил на груди могучие руки. – Сир Арчибальд Айронвуд.

– А вы, сир? – обратилась королева к Лягухе.

– Я хотел бы сначала поднести вашему величеству мой подарок.

– Извольте, – сказала Дени, но Даарио, заступив Лягухе дорогу, распорядился:

– Через меня.

Юноша с каменным лицом достал из сапога пожелтый пергамент.

– Эта грамотка и есть твой подарок? – Даарио выхватил свиток и развернул, щурясь на печати и подписи. – Золото и ленты... Все очень мило, но кто вашу западную тарабарщину разберет.

– Отдайте пергамент королеве, – молвил сир Барристан.

Дени, чувствуя, как накаляется воздух, прошептала:

– Я так еще молода, а молоденькие женщины обожают подарки. Не томите, Даарио, дайте сюда.

При виде имени «сир Виллем Дарри» ее сердце забилося сильнее. Она перечитала документ несколько раз.

– Можно узнать, что там сказано, ваше величество? – не выдержал сир Барристан.

– Это тайный договор, составленный в Браавосе во времена моего раннего детства. За меня с братом его подписал сир Виллем Дарри, увезший нас с Драконьего Камня до того, как люди узурпатора явились туда. Принц Оберин Мартелл поставил подпись от имени Дорна, а свидетелем был браавосский Морской Начальник. – Дени протянула пергамент сир Барристану, чтобы он прочел сам. – Здесь говорится, что наш союз должен быть скреплен браком. В обмен на помощь Дорна против сил узурпатора мой брат Визерис обязуется взять в жены дочь принца Дорана Арианну.

– Знай об этом Роберт, – сказал старый рыцарь, медленно вчитываясь в пергамент, – он разгромил бы Солнечное Копье по примеру Пайка. Принц Доран с Красным Змеем не сносили бы головы, да и принцесса тоже скорее всего.

– Потому-то принц Доран и держал это в тайне, – рассудила Дейенерис. – Если бы Визерис, со своей стороны, знал, что ему предназначена в жены дорнийская принцесса, он отправился бы в Солнечное Копье, как только подрос.

– Чем навлек бы молот Роберта на себя и на Дорн, – заметил Лягуха. – Отец терпеливо ждал, когда принц Визерис наберет себе войско.

– Ваш отец?

– Принц Доран. – Юноша снова припал на одно колено. – Я имею честь быть Квентином Мартеллом, принцем Дорна и верноподданным вашего величества.

Дени залилась смехом, принц покраснел, придворные обменялись недоуменными взглядами.

– Чему ваша блистательность изволит смеяться? – спросил по-гискарски Скахаз.

– Теперь понятно, почему его прозвали лягушкой. В сказках Семи Королевств лягушки, когда их целуют, превращаются в принцев. На вас наложили чары, принц Квентин? – спросила Дени, перейдя на общий язык.

– Не припомню такого, ваше величество.

– Этого я и боялась. – Не зачарован и не чарует. Жаль, что принцем оказался он, а не тот, плечистый и светловолосый. – Но поцелуй остается в силе: вы хотите взять меня в жены, не так ли? Ваш дар – это собственная ваша персона. Вместо Визериса и вашей сестры союз должны скрепить вы и я.

– Мой отец надеялся, что вы найдете меня приемлемым в качестве жениха.

– Щенок, – презрительно рассмеялся Даарио. – Королеве нужен мужчина, а не младенец вроде тебя. Разве годишься ты в мужья такой женщине? У тебя ж молоко на губах не обсохло.

– Придержи свой язык, наемник, – потемнел сир Геррис Дринквотер. – Ты говоришь с принцем Дорна.

– И с его кормилицей, насколько я понял. – Даарио с коварной улыбкой провел пальцами по рукояткам своих клинков.

Скахаз набычился, как умел он один.

– Миэрину нужен король гискарской крови, а не дорниец.

– Знаю я, что такое Дорн, – вставил Резнак. – Песок, скорпионы и пекущиеся на солнце красные горы.

– Дорн – это пятьдесят тысяч мечей и копий, предлагаемых королеве, – ответил на его слова Квентин.

– Пятьдесят тысяч? – насмешливо повторил Даарио. – Я насчитал только трех.

– Довольно, – оборвала Дейенерис. – Принц Квентин проехал полсвета, чтобы предложить мне свой дар, – извольте обращаться с ним уважительно. Жаль, что вы не пришли год назад, – сказала она дорнийцам. – Я уже дала слово благородному Гиздару зо Лораку.

– Еще не поздно... – заикнулся сир Геррис.

– Об этом судить буду я. Резнак, отведи принцу и его спутникам покои согласно их высокому положению. Все их желания должны исполняться незамедлительно.

– Слушаюсь, ваша блистательность.

– На сегодня все. – Королева поднялась с места.

Даарио и сир Барристан взошли с ней наверх.

– Это все меняет, – сказал старый рыцарь.

– Что могут изменить каких-то три человека? – возразила Дени, с которой Ирри снимала корону.

– Три рыцаря, – уточнил Селми.

– Три лжеца, – раздраженно бросил Даарио. – Они меня обманули.

– И подкупили, не сомневаюсь.

Даарио не стал отрицать очевидное. Дени перечла договор еще раз. Браавос. Он писался в Браавосе, где у них был дом с красной дверью. Почему это вызывает у нее такое странное чувство?

Она вспомнила сон, который привиделся ей прошлой ночью. Как его толковать? Быть может, Гиздар – ставленник колдунов, и боги посылают ей знак отказать ему и выйти за дорнийского принца? В памяти что-то зашевелилось.

– Какой герб у дома Мартеллов, сир Барристан?

– Солнце, пронзенное копьем.

«Сын солнца». Дени пробрало холодом. Что еще говорила Куэйта? Сивая кобыла, сын солнца... Еще что-то о льве и драконе, но под драконом, вероятно, разумелась сама Дейенерис. «Остерегайся душистого сенешаля», да.

– Почему сны и пророчества всегда так загадочны? Ненавижу. Оставьте меня, сир, завтра день моей свадьбы.

Этой ночью Даарио проделал с ней все, что может мужчина проделать с женщиной, и она охотно подчинялась ему. Перед самым восходом солнца она возбудила его ртом, как когда-то научила ее Дорея, и оседлала капитана так яростно, что его рана начала кровоточить и трудно было понять, где он, а где Дени.

Потом встало солнце ее свадьбы. Даарио тоже встал, оделся, застегнул пояс с двумя золотыми распутницами.

– Куда ты? – спросила Дени. – Сегодня я запрещаю тебе выезжать из города.

– Как жестока моя королева. Чем я могу развлечься, пока ты выходишь замуж, если ты запрещаешь мне бить врагов?

– К ночи врагов у меня не станет.

– Но теперь только утро, и впереди долгий день – вдоволь времени для последней вылазки. Я подарю тебе на свадьбу голову Бурого Бена Пламма.

– Никаких голов. Раньше ты дарил мне цветы.

– Цветы пусть Гиздар тебе дарит. Сам он, конечно, нагибаться и срывать их не станет, но у него на то слуги есть. Ну так что, разрешаешь вылазку?

– Нет. – Когда-нибудь он уедет и не вернется. Получит стрелу в грудь или схлестнется в поле с десятком врагов. Пятерых он убьет, но горе Дени от этого не убавится. Когда-нибудь она потеряет его, как потеряла свое солнце и звезды... Но не сегодня. – Ложись обратно в постель и целуй меня. – Никто не целовал ее так, как Даарио. – Твоя королева приказывает тебе взять ее.

Он не принял ее шутки.

– Обладать королевой положено королю. Пусть этим займется твой благородный Гиздар после свадьбы. Если он слишком благороден для столь потной работы, то у него слуги есть. А нет, так положи с собой мальчишку-дорнийца и его красавца-друга заодно.

Даарио вышел вон, и Дени поняла, что он все же поедет на вылазку – и если добудет-

таки голову Бена Пламма, то явится прямо на свадебный пир и бросит ее к ногам королевы. Да спасут ее Семеро. Почему он не родился в знатной семье?

Миссандея подала скромный завтрак – козий сыр, оливки, изюм на сладкое.

– Вы только вино пьете, ваше величество – скушайте что-нибудь. Вам сегодня понадобятся все ваши силы.

Наставление из уст ребенка позабавило Дейенерис. Во всем полагаясь на своего маленького писца, она часто забывала, что Миссандея всего одиннадцать. Дени надкусила оливку, и девочка, глядя на нее глазами цвета жидкого золота, сказала:

– Еще не поздно сказать им, что вы решили все отменить.

«Нет... поздно уже».

– Гиздар происходит из древнего, знатного рода. Когда мы соединимся, городская знать и мои вольноотпущенники тоже станут единым целым.

– Ваше величество не любит Гиздара. Вашей слуге кажется, что вы предпочли бы другого мужа.

О Даарио сегодня думать нельзя.

– Королева любит, кого должна, а не кого хочет. Убери это, – сказала Дени, окончательно потеряв аппетит. – Мне нужно выкупаться.

Она завидовала своим дотракийкам: им в шароварах из песчаного шелка и расписных безрукавках куда прохладнее, чем будет ей в свадебном токаре с тяжелой каймой из мелкого жемчуга.

– Помогите мне намотать эту штуку – сама я не справлюсь.

Ей вспоминалась ее первая свадьба и брачная ночь, когда кхал Дрого лишил ее невинности под незнакомыми звездами. Как боялась она тогда и как была взбудоражена. С Гиздаром такого не повторится. Она уже не девочка, и он не ее солнце и звезды.

– Резнак и Скахаз просят оказать им честь сопровождать ваше величество в Храм Благодати, – доложила Миссандея. – Резнак уже заказал паланкин.

Миэринцы редко ездили верхом в стенах города, предпочитая передвигаться в носилках и креслах на плечах у рабов. «Лошади гадят на улице, – сказал Дени кто-то из Цхаков, – а рабы нет». Она освободила рабов, но носилки и кресла все так же загромаждали улицы, и ни одно из этих сооружений не летало по воздуху волшебным путем.

– Слишком жарко для носилок – оседлайте мне Серебрянку. Не хочу ехать к моему лорду-мужу на спинах носильщиков.

– Ваша слуга сожалеет, но в токаре нельзя ездить верхом...

Миссандея была права, как почти во всех случаях. Дени скорчила рожицу.

– Как скажешь, но только не в паланкине. Я задохнусь за этими драпировками. Скажи, чтобы приготовили кресло. – Если без длинных ушей дело никак не обходится, пусть ее видят все кролики до единого.

Резнак и Скахаз пали на колени, узрев сходящую к ним королеву.

– Ваше величие так блистает, что ослепит каждого, кто осмелится посмотреть, – сказал сенешаль, одетый в багровый токар с золотой бахромой. – Гиздар зо Лорак – счастливейший из мужчин, а ваша блистательность, если мне будет дозволено так сказать, счастливейшая из женщин. Ваш брак воистину спасет этот город.

– Мы будем молиться об этом. Хочу увидеть, как мои оливковые деревца принесут плоды. – Что в сравнении с этим постылые поцелуи Гиздара? Она не просто женщина, она королева.

– Народу сегодня будет – что мух, – посетовал Скахаз в черной короткой юбке, рельефном панцире, с шлемом в виде змеиной головы на сгибе руки.

– С твоими Бронзовыми Бестиями никакие мухи мне не страшны.

На нижнем ярусе пирамиды было, как всегда, сумрачно, прохладно и тихо: стены тридцатифутовой толщины глушили уличный шум и не пропускали жару. Под воротами собирался эскорт. Лошади, мулы и ослы помещались в западных стенах, три слона, доставшиеся Дени вместе с пирамидой, – в восточных. Эти гиганты с подпиленными позолоченными бивнями и грустными глазами напоминали ей безволосых мамонтов.

Силач Бельвас ел виноград, сир Барристан ждал, когда оседлают его серого в яблоках скакуна. Трое дорнийцев прервали разговор с ним, когда королева вышла. Принц преклонил колено.

– Молю вас, ваше величество. Мой отец слаб здоровьем, но его преданность вам с годами не умалилась. Мне было бы печально узнать, что я чем-то вам неприятен, однако...

– Если хотите сделать мне приятное, сир, порадитесь за меня в день моей свадьбы, как радуется весь Желтый Город, – вздохнула Дени. – Встаньте, мой принц. Улыбнитесь. Когда-нибудь я вернусь в Вестерос и обращусь к Дорну за помощью, но пока что Юнкай окружает мой город стальным кольцом. Кто знает, что ждет нас в будущем. Быть может, я умру, так и не увидев Семи Королевств... или Гиздар умрет... или Вестерос скроется под волнами моря. – Она поцеловала Квентина в щеку. – Пойдемте, уже пора.

Сир Барристан усадил ее в кресло. Ворота по приказу Силача Бельваса отворились, и Дейенерис Таргариен выплыла на яркое солнце. Селми на сером коне ехал следом.

– Поженились бы мой отец с матерью, будь они вольны следовать велению сердца? – спросила его Дени на пути к храму.

– Это было давно, ваше величество, и чужая душа – потемки.

– Но вы ведь знали их. Как вы думаете?

– Ваша матушка, королева, была всегда послушна своему долгу. – Старый рыцарь, очень красивый в золотых с серебром латах и белоснежном плаще, говорил тяжело и неохотно, будто камни ронял. – Но в девичестве ей случилось полюбить одного молодого рыцаря со штурмовых земель. На турнире она повязала ему свою ленту, а он провозгласил ее королевой любви и красоты. Длилось это недолго.

– Что же стало с тем рыцарем?

– С того дня, как ваши мать и отец поженились, он больше не выступал на турнирах. Стал очень набожен и говорил, что одна лишь Дева заменит в его сердце королеву Рейеллу. Ему с самого начала не на что было надеяться: простой рыцарь не пара принцессе крови.

А Даарио Нахарис – всего лишь наемник, недостойный пристегнуть шпоры рыцарю.

– Расскажите теперь об отце. Любил ли он кого-нибудь больше, чем королеву?

– Не то чтобы любил, скорее желал... Но это ведь только сплетни, пересуды прачек и конюхов.

– Говорите. Я хочу знать о своем отце все – хорошее и дурное.

– Как прикажете. В юности принц Эйерис воспылил страстью к одной девице из Бобрового Утеса, кузине Тайвина Ланнистера. На ее с Тайвином свадебном пиру принц упился допьяна и громко сетовал на то, что право первой ночи упразднено. Пьяная шутка, не более, но Тайвин не забыл ему ни тех слов, ни вольностей, которые принц позволил себе, провожая молодую на ложе – не таков был человек, чтоб забыть. Простите, ваше величество... я слишком разговорился.

– Привет тебе, светлейшая королева! – С ними поравнялась другая процессия, и Гиздар зо Лорак улыбался ей со своего кресла. Ее король. Где-то сейчас Даарио? Будь это в сказке, он подскакал бы к храму и вызвал Гиздара на поединок за ее руку.

Оба поезда проследовали через город до Храма Благодати, сверкающего золотыми куполами на солнце. «Как красиво», – говорила себе королева, но глупая девочка, сидевшая в ней, украдкой высматривала Даарио. «Если б Даарио любил тебя, то увез бы, как Рейегар свою северянку», – твердила эта девчонка, но королева знала, что это безумие. Имей даже капитан безрассудство предпринять нечто подобное, Бронзовые Бести и на сто ярдов не подпустили.

Галацца Галар встречала их у дверей, окруженная своими сестрами в белых, розовых, красных, лазурных, золотых и пурпурных одеждах. Благодатей стало меньше, чем прежде. Дени искала и не находила Эзарру – неужели болезнь и ее унесла? Мор продолжал распространяться, хотя астапорцы безвылазно сидели в своем карантине за стенами города. Заболевали все: вольноотпущенники, наемники, Бронзовые Бести, даже дотракийцы. Только Безупречных зараза пока не коснулась, и Дени хотелось верить, что худшее все-таки позади.

Жрицы вынесли из храма стул из слоновой кости и золотую чашу. Дейенерис, придерживая токар, опустилась на бархатное сиденье, а Гиздар, став на колени, развязал ей сандалии и омыл ноги под пение пятидесяти евнухов, на виду у десяти тысяч зрителей. Руки у него ласковые, думала Дени, по ступням которой струились благовонные масла. Если еще и сердце доброе, со временем она, может быть, его и полюбит.

Осушив ноги мягким полотенцем, Гиздар снова завязал сандалии и помог Дени встать. Рука об руку они прошли за Зеленой Благодатью в храм, где густо пахло курениями и боги Гиса стояли в своих полутемных нишах.

Четыре часа спустя они вышли оттуда как муж и жена, скованные вместе золотыми цепями по рукам и ногам.

Королева Селиса прибыла в Черный Замок вместе с дочерью, дочериним шутом, служанками и фрейлинами. Кроме них, ее сопровождали рыцари, присяжные мечи и полсотни солдат – люди королевы все как один. Их подлинная госпожа, Мелисандра, предупредила о приезде супруги Станниса за день до того, как из Восточного Дозора прилетел ворон с тем же известием.

Джон с Атласом, Боуэном Муршем и еще полудюжиной братьев встречали ее у ворот. К этой королеве, если то, что о ней говорят, правда хотя бы наполовину, без собственной свиты лучше не выходить. Чего доброго, примет его за конюха и велит принять у нее коня.

Метель наконец дала им передышку, уйдя на юг, и стало почти тепло. Джон преклонил колено перед королевой Селисой.

– Добро пожаловать в Черный Замок, ваше величество.

– Благодарю, – уронила она с высоты седла. – Прошу вас, проводите меня к вашему лорду-командующему.

– Братья доверили этот пост мне, Джону Сноу.

– Вам?! Мне говорили, что вы молоды, но... – Над бледным тонким личиком королевы высилась корона красного золота с зубцами в виде языков пламени – такая же, как у Станниса. – Встаньте, лорд Сноу. Это моя дочь Ширен.

– Принцесса, – склонил голову Джон. Девочку, некрасивую от природы, еще больше подпортила серая хворь, покрывшая грубой коркой шею и часть щеки. – Мои братья и я в полном вашем распоряжении.

– Благодарю вас, милорд, – покраснела Ширен.

– С моим родичем сиром Акселлом Флорентом вы, полагаю, знакомы?

– Только по письмам. – Послания из Восточного Дозора создали у Джона весьма нелестное мнение о дяде Селисы. – Сир Акселл.

– Лорд Сноу. – Лицо плотного коротконогого Флорента сплошь покрывала жесткая порось – волосы торчали даже из ушей и ноздрей.

– Мои верные рыцари сир Нарберт, сир Бенетон, сир Брюс, сир Патрек, сир Дорден, сир Малегорн, сир Ламберт, сир Перкин. – Каждый, кого называла Селиса, кланялся. Дурака она не потрудилась представить, но шапка с оленьими рогами и пестрая татуировка на щеках говорили сами за себя. Пестряк – вот как его звать. Коттер Пайк писал, что он и впрямь дурачок.

Настал черед еще одной примечательной фигуры – высокого тощего человека, которому еще прибавляла роста заморская трехъярусная шляпа из пурпурного фетра.

– А это почтенный Тихо Несторис, посланник браавосского Железного банка. Он приехал для переговоров с его величеством королем Станнисом.

Банкир тоже поклонился, помахав перед собой шляпой.

– Лорд-командующий, благодарю за гостеприимство. – Браавосец, на полфута выше Джона, носил жидкую бороду чуть ли не до пояса и на общем говорил очень хорошо, почти без акцента. Одет он был в лиловую мантию с оторочкой из горностая, с высоким жестким воротником. – Надеюсь, мы вас не слишком стесним.

– Нисколько, милорд. Мы очень вам рады. – Больше, чем королеве, по правде сказать. Банкир – Коттер Пайк и о нем докладывал – последнее время не выходил у Джона из

головы. – Ваше величество ждут покои в Королевской башне; мы все надеемся, что вы надолго осчастливите нас своим пребыванием. Наш лорд-стюард, Боуэн Мурш, постарается разместить ваших людей наилучшим образом.

– Как мило, что вы нам приготовили комнаты. – «Это твой долг, – слышалось в тоне королевы, – молись, чтобы они мне понравились». – Мы пробудем здесь недолго, самое большее несколько дней. Отдохнем и двинемся в Твердыню Ночи, нашу новую резиденцию. Путешествие из Восточного Дозора было весьма утомительным.

– На все воля вашего величества. Вы, конечно, замерзли и проголодались; в нашей трапезной вам подадут горячую пищу.

– Прекрасно, – королева обвела взглядом двор, – но сначала мы хотели бы поговорить с леди Мелисандрой.

– Она тоже живет в Королевской башне, ваше величество. Пожалуйте сюда.

Селиса взяла дочь за руку и пошла с Джоном к башне. Следом, как утята за уткой, потянулись сир Акселл, браавосский банкир и все остальные.

– Мои строители сделали все, что могли, чтобы Твердыня Ночи стала пригодной для обитания, – сказал по дороге Джон, – но большая ее часть пока остается разрушенной. Это большой замок, больше всех на Стене – целиком мы его не сумели восстановить. Возможно, вашему величеству было бы удобнее в Восточном Дозоре.

– С Восточным Дозором покончено, – заявила Селиса. – Нам неудобно больше там оставаться. Королева должна быть хозяйкой в собственном доме, а ваш Коттер Пайк – человек неотесанный, скупой и сварливый.

Слышала бы она, как Коттер отзывается о ней самой.

– Сожалею, но боюсь, что в Твердыне Ночи вашему величеству понравится еще меньше. Это не дворец, это крепость – мрачное, холодное место, – в то время как Восточный Дозор...

– Там опасно. Ширен, – королева положила руку на плечо дочери, – когда-нибудь взойдет на Железный Трон и будет править Семью Королевствами. Ее должно беречь, а Восточный Дозор находится под постоянной угрозой нападения. Мой супруг выбрал для нас Твердыню Ночи, там мы и обоснуемся. Мы... о-о!

Через двор из-за башни лорда-командующего протянулась гигантская тень. Ширен вскрикнула, трое рыцарей дружно ахнули, четвертый выругался и помянул Семерых, забыв на мгновение своего нового красного бога.

– Не бойтесь, – сказал Джон, – это Вун-Вун, ваше величество. Он безобиден.

– Вун Вег Вун Дар Вун. – Великан, пророкотав свое полное имя, опустился на колени, как учил его Кожаный. – Кланяться королеве. Принцессе.

Глаза принцессы Ширен сделались круглыми, как два блюдца.

– Великан! Настоящий великан, будто в сказке. А почему он так смешно говорит?

– На общем языке он выучил всего несколько слов. У себя дома великаны разговаривают на старом.

– Можно его потрогать?

– Лучше не надо, – вмешалась королева, – он очень грязный. Что делает это чудовище по нашу сторону Стены, лорд Сноу?

– Вун-Вун, как и вы, гость Ночного Дозора.

Королеве и ее рыцарям не пришелся по вкусу такой ответ. Сир Акселл скривился, сир Брюс судорожно хихикнул, сир Нарберт сказал:

– Я думал, все великаны вымерли.

– Немногие еще существуют.

Игритт плакала из-за них.

– Во тьме пляшут мертвые, – объявил, пританцовывая, Пестряк. – Я знаю, я-то знаю. – В Восточном Дозоре ему сшили плащ из бобровых, овечьих и кроличьих шкурок, рогатую шапку с колокольцами снабдили беличьими ушами. Вун-Вун как зачарованный протянул к нему руку, но дурак отскочил. – Нет-нет-нет, нет-нет-нет. – Великан встал, королева потащила принцессу прочь, рыцари взялись за мечи, Пестряк шлепнулся задом в снег.

Громоподобный хохот Вун-Вуна мог бы поспорить с драконьим ревом. Пестряк зажал уши, принцесса зарылась в меха своей матушки, самый храбрый из рыцарей вышел вперед с мечом наголо.

– Не сердите его, сир, – заступил дорогу Джон, – вложите сталь в ножны. Кожаный, отведи Вун-Вуна обратно в Хардин.

– Вун-Вун дадут есть? – спросил великан.

– Дадут, – подтвердил Джон. – Тебе, Кожаный, пришлю мяса, ему бушель овощей. Разводи костер.

– Мигом, милорд, – ухмыльнулся тот, – только в Хардине страсть как холодно. Может, и винца заодно пришлете?

– Ладно. Сам пей, но ему не давай. – Вун-Вун, никогда прежде не пробовавший вина, в Черном Замке пристрастился к нему, а Джону хватало забот и без пьяного великана. – Никогда не обнажай меч, если не намерен пустить его в дело – так мой лорд-отец говорил, – добавил Джон, обращаясь к рыцарям.

– Я и намеревался. – Рыцарь с бритым, красным от мороза лицом носил белый меховой плащ, а под ним – камзол из серебряной парчи с синей пятиконечной звездой. – Я всегда полагал, что Ночной Дозор защищает государство от подобных созданий, а не держит их у себя во дворе.

Еще один южный болван.

– Простите, сир, ваше имя?

– Сир Патрек с Королевской Горы, милорд.

– Не знаю, как встречают гостей на вашей горе, сир, но на Севере законы гостеприимства священны.

– А если Иные нагрянут, им вы тоже окажете гостеприимство, милорд? – улыбнулся сир Патрек. – Это, кажется, и есть Королевская башня, ваше величество. Могу ли я иметь честь?

– Извольте. – Королева оперлась на его руку и вошла внутрь, ни разу не оглянувшись.

Языки пламени на короне – самое теплое, что в ней есть.

– Лорд Тихо, – окликнул Джон, – не уделите ли мне толику времени?

– Я не лорд, лишь скромный служитель Железного банка в Браавосе.

– Коттер Пайк докладывает, что вы пришли в Восточный Дозор с тремя кораблями – галеей, галеоном и коггом.

– Точно так, милорд. Переход через море в такое время опасен. Если один корабль станет тонуть, другие ему помогут. Железный банк всегда проявляет благоразумие в подобных делах.

– Не могли бы мы поговорить наедине, прежде чем вы уедете?

– Я весь к услугам лорда-командующего. Может быть, прямо сейчас? Лучшее из времен – настоящее, говорят у нас в Браавосе.

– Превосходно. Что предпочтете – мою горницу или Стену?

Банкир запрокинул голову, созерцая ледяную громаду.

– Боюсь, что там наверху очень холодно.

– И ветрено тоже. Новички первым делом учатся не подходить к краю, чтобы не сдуло.

Но Стена – одно из чудес света, и кто знает, доведется ли вам увидеть ее еще раз.

– Я буду жалеть об упущенном случае до конца моих дней, но теплая горница после долгого дня в седле предпочтительней.

– Как пожелаете. Принеси нам горячего вина, Атлас.

В комнатах за оружейной оказалось не так уж тепло. Огонь давно погас – Атлас смотрел за ним не столь усердно, как Скорбный Эдд.

– Зерна! – заорал вместо приветствия ворон.

– Вы приехали к Станнису, это верно? – спросил Джон, вешая плащ.

– Да, милорд. Королева Селиса предложила послать в Темнолесье ворона с уведомлением, что я ожидаю его величество в Твердыне Ночи. Дело у меня слишком деликатное, чтобы излагать его на письме.

– Стало быть, долг. – «А что же еще?» – Его собственный или брата?

Банкир соединил кончики пальцев.

– Долги лорда Станниса или отсутствие оных обсуждать мы не станем. Что до короля Роберта, то мы действительно оказали его величеству посильную помощь. При его жизни все шло хорошо, но теперь выплаты прекратились.

Неужто они полные дураки, эти Ланнистеры?

– Станнис не отвечает за долги своего брата, не так ли?

– Ссуда была выдана Железному Трону, и платить обязан тот, кто его занимает. Поскольку юный король Томмен и его советники противятся этому, мы намерены поговорить на сей счет с королем Станнисом. Если он оправдает наше доверие, мы с удовольствием окажем помощь ему.

– Помощь, – завопил ворон. – Помощь.

Джон предполагал нечто в этом роде, услышав, что Железный банк послал на Стену одного из своих людей.

– Его величество, насколько мы знаем, выступил на Винтерфелл, чтобы дать бой лорду Болтону и его сторонникам. Можете поискать его там, если не боитесь оказаться в самой гуще военных действий.

– Слуги Железного банка сталкиваются со смертью не реже, чем слуги Железного Трона.

Джон Сноу сам уже не знал, кому служит.

– Я дам вам лошадей и провизию. Мои люди проводят вас до самого Темнолесья, но Станниса будете разыскивать самостоятельно. – «И найдете либо его, либо его голову на колу». – С вас за это тоже кое-что взыщется.

– Даром ничего не дается, верно? – улыбнулся банкир. – Чего же хочет Дозор?

– Ваши корабли для начала. Вместе с командами.

– Все три? Как же я вернусь в Браавос?

– Они нужны мне только на одну ходку.

– Рискованную, как видно. Вы сказали «для начала»?

– Нам тоже понадобится ссуда, чтобы дожить до весны. Золото, чтобы купить провизию и нанять суда для ее доставки.

– До весны? – вздохнул Тихо. – Невозможно, милорд.

Станнис говорил, что Джон торгуется, будто торговка на рыбном рынке, – не иначе лорд

Эддард зачал его от одной из них. Может, и так.

Час спустя невозможное стало возможным. Еще час они обговаривали условия. Штоф с горячим вином помог им уладить наиболее щекотливые пункты. Когда Джон подписал браавосский пергамент, оба были под хмельком и смотрели угрюмо. Джон счел это добрым знаком.

Флот Дозора теперь увеличился до одиннадцати кораблей. В него входили иббенийский китобой, конфискованный по приказу Джона Коттером Пайком; торговая галея из Пентоса, приобретенная тем же способом; три потрепанных лиссенийца из флотилии Салладора Саана, занесенные осенними штормами на север (их переоснастку должны были уже закончить к этому времени) – и, наконец, три судна из Браавоса.

Одиннадцати кораблей тоже мало, но если и дальше тянуть, одичалые из Сурового Дома перемрут еще до прихода спасателей. Отплывать нужно немедленно – вопрос в том, дозрели ли Мать Кротиха и ее приверженцы до того, чтобы вверить свои жизни Ночному Дозору...

Когда Джон с Тихо Несторисом вышли наружу, стало смеркаться и пошел снег.

– Вот и кончилась передышка. – Джон запахнулся в плащ.

– Зима совсем близко. В Браавосе замерзли каналы.

– Недавно в Браавосе побывали проездом трое моих людей: старый мейстер, певец и молодой стюард. С ними была женщина с ребенком, из одичалых. Не встречали таких, случайно?

– Боюсь, что нет, милорд. Вестеросцы бывают в Браавосе каждый день, но прибывают они большей частью в Мусорную Заводь и отплывают тоже оттуда, а Железный банк пользуется Пурпурной гаванью. Если хотите, я наведу о них справки, когда вернусь.

– Нет нужды. Теперь они должны уже быть в Староместе.

– Будем надеяться. Сейчас в Узком море сезон штормов, и со Ступеней приходили тревожные вести о чужих кораблях.

– Салладор Саан?

– Лиссенийский пират, да – говорят, он снова взялся за старое. Военный флот лорда Редвина на Перебитой Руке возвращается домой, тут все ясно, но те корабли идут как будто с востока. Все говорят о драконах.

– Нам бы сюда одного, для тепла.

– Простите, милорд, что я не смеюсь. Предки браавосцев в свое время бежали от драконьих лордов Валирии – над драконами мы не шутим.

– Простите и меня за неудачную остроту, лорд Тихо.

– Вам не за что извиняться, милорд. Я, однако, проголодался – когда даешь большие деньги взаймы, аппетит разгорается. Не покажете ли, где ваш чертог?

– Я провожу вас туда, идемте.

В подвале было тепло и людно – все, кто не спал и не караулил, собрались поглядеть на приезжих.

Королева и принцесса отсутствовали – обустроивались в Королевской башне, должно быть, – но сир Брюс и сир Малегорн развлекали братьев последними новостями из Восточного Дозора и заморских краев. Трем фрейлинам королевы прислуживали их собственные служанки и около дюжины очарованных мужчин в черном.

Десница королевы расправлялся с каплунами, обсасывая косточки и запивая элем каждый глоток. При виде Джона сир Акселл вытер рот и встал с места. Несмотря на его кривые ноги, грудь колесом и торчащие уши, у Джона и в мыслях не было смеяться. Сир

Акселл – дядя Селисы и принял красного бога Мелисандры одним из первых. Если не братоубийца, то, во всяком случае, соучастник: по словам мейстера Эймона, он палец о палец не ударил, чтобы спасти своего близкого родича от костра красной жрицы – что же это за человек такой, который стоит и смотрит, как горит заживо его брат?

– Несторис, лорд-командующий – могу я присесть? – Сир Акселл плюхнулся на скамью, не дожидаясь согласия. – Не скажете ли, лорд Сноу, где принцесса одичалых, о которой писал нам его величество?

«За много лиг отсюда... И уже нашла Тормунда, если боги были к ней милостивы».

– Вель – младшая сестра Даллы, жены Манса-Разбойника. Король Станнис взял в плен ее и ребенка умершей в родах Даллы, но в вашем понимании этого слова она не принцесса.

– Пусть так, но в Восточном Дозоре говорят, что она раскрасавица. Я сам хотел бы взглянуть. Одичалые женщины так страшны большей частью, что родные мужья, небось, зажмуриваются, ложась с ними. Может, приведете ее, лорд-командующий?

– Она не лошадь, чтобы выводить ее для показа, сир.

– Зубы считать не буду, слово даю. Не бойтесь: я выкажу ей всю подобающую учтивость.

Он знает, что ее нет. В деревне и в Черном Замке ничего скрыть нельзя. Об отъезде Вель открыто не говорят, но те, кто знает о нем, делятся в трапезной с друзьями-приятелями. Что Флорент слышал, чему поверил?

– Простите, сир, но Вель сюда не придет.

– Тогда я сам пойду к ней. Где вы ее содержите?

– В надежном месте – вот все, что вам следует знать.

– Вы не забыли, милорд, кто я такой? – От Флорента разило элем и луком. – Одно слово ее величества, и я эту одичалую голой сюда притащу.

Вряд ли даже королеве удалось бы проделать такую штуку.

– Королева не станет злоупотреблять нашим гостеприимством, – сказал Джон, надеясь, что это правда. – Кстати, обязанности хозяина вынуждают меня вас оставить. Прошу извинить, лорд Тихо.

– Да-да, извольте, – сказал банкир.

Снег падал густо, заслоняя огни Королевской башни.

Ворон, сидевший на спинке дубового стула в горнице Джона, тут же потребовал корма. Джон взял из мешка у двери пригоршню зерен, рассыпал их по полу и занял освободившийся стул.

Он трижды перечитал копию договора, оставленную на столе Тихо Несторисом. Все очень просто. Проще, чем он смел надеяться, проще, чем следует.

Даже не по себе как-то. Браавосское золото позволит Ночному Дозору закупить провизию на юге, когда истощатся собственные припасы, и выдюжить зиму, какой бы долгой она ни была. Если она затянется и будет суровой, Дозор со своим долгом ввек не расплатится, но когда выбираешь между займом и смертью, приходится занимать.

Джон на это пошел, скрепя сердце. Что-то будет весной, когда придет время платить? Тихо Несторис показался ему человеком учтивым и просвещенным, но Железный банк с должниками не церемонится. В каждом из Девяти Городов есть свой банк, порой и не один; за каждую монету они бьются, как собаки за кость, но Железный богаче и могущественнее их всех вместе взятых. Когда правители отказываются платить другим банкам, разорившиеся владельцы продают в рабство жен и детей, а себе режут вены. Когда правители отказываются платить Железному банку, их троны, словно по волшебству, занимают другие правители.

Пухлый мальчонка Томмен может узнать это на собственном опыте. Ланнистеров, не желающих платить долги короля Роберта, понять можно, но поступают они крайне глупо. Если у Станниса достанет гибкости заключить соглашение с браавосцами, они отсыплют ему золота и серебра на дюжину наемных отрядов, на подкуп ста лордов, на прокорм и снаряжение войска. Станнис, если он уже не лежит убитый под стенами Винтерфелла, займет Железный Трон без труда. Видела ли это Мелисандра в своем пророческом пламени?

Джон откинулся назад, потянулся, зевнул. Завтра он напишет Коттеру Пайку приказ отправить в Суровый Дом одиннадцать кораблей и привезти оттуда как можно больше людей, женщин и детей в первую очередь. Давно пора это сделать. Плыть туда самому или поручить это Коттеру? Старый Медведь самолично возглавил разведку – и не вернулся назад.

Джон закрыл глаза... и проснулся негнушимся, как доска. Малли тряс его, ворон бубнил «Сноу, Сноу».

– Виноват, милорд, вас там девушка спрашивает.

– Какая девушка? – Джон выпрямился, протирая глаза. – Вель?

– Никак нет, не Вель. С другой стороны пришла.

«Арья! Точно она!»

– Девушка! – орал ворон. – Девушка!

– Тай с Даннелом нашли ее в двух лигах южнее Кротового городка. Гнались за двумя одичалыми, что улепетнули по Королевскому тракту, а нашли, значит, ее. Девица знатного рода, милорд. Вас спрашивает.

– Сколько при ней человек? – Джон умылся из таза. Боги, как он устал.

– Одна она. Лошадь под ней еле живая, кожа да кости, хромая, вся в мыле. Кобылку пустили на волю, а девушку сюда привезли.

Девочка в сером на умирающей лошади. Огонь, похоже, не лгал, но куда же делся Манс с копыеносицами?

– Где она сейчас?

– У мейстера Эймона, милорд. – Эти комнаты так и звались до сих пор, хотя мейстеру полагалось уже блаженствовать в Староместе. – Девчушка-то замерзла, синяя вся, ну Тай и отвел ее к Клидасу, чтобы тот поглядел.

– Правильно сделал. – «Сестричка...» Джон, снова чувствуя себя пятнадцатилетним, накинул плащ.

Снег шел, не переставая. Восток уже золотился, но в окне леди Мелисандры еще мерцал красный свет. Она что, вовсе не спит? «Какую игру ты ведешь, жрица – уж не послала ли ты Манса куда-то еще?»

Ему хотелось верить, что найденная девушка вправду Арья. Хотелось увидеть ее снова, взъерошить ей волосы, сказать, что теперь она в безопасности. Только неправда это. Винтерфелл сожжен, и безопасных мест на земле больше нет.

Здесь ее при всем желании оставить нельзя. Стена не место для женщин, тем более для благородных девиц. Станнису и Мелисандре он ее тоже не отдаст. Король захочет выдать ее за Хорпа, Масси или Годри Победителя Великанов, а что взбредет в голову красной женщине, одним богам ведомо.

Лучше всего отослать ее в Восточный Дозор и попросить Коттера Пайка переправить девочку куда-нибудь за море, подальше от передравшихся королей. Когда корабли вернутся из Сурового Дома, она может, например, уехать в Браавос с Тихо Несторисом, и Железный банк подыщет ей высокородных приемных родителей. Браавос – самый ближний из Вольных

Городов, хотя неизвестно, хорошо это или плохо. Лорат или Порт-Иббен, возможно, были бы лучше. И всюду, куда бы она ни отправилась, Арье понадобятся звонкая монета, крыша над головой и защитники. Она всего лишь ребенок.

Малли открыл дверь, и пар, хлынувший из жарко натопленных комнат мастера, ослепил их обоих. В очаге трещал огонь.

– Сноу, Сноу, Сноу, – заладили вороны наверху, когда Джон переступил через кучку мокрой одежды. Девушка, закутанная в широченный черный плащ, спала, свернувшись в клубок у огня.

Она в самом деле походила на Арию. Высокая, угловатая как жеребенок, одни коленки и локти. Толстая каштановая коса, завязанная кожаной тесемкой, продолговатое лицо, острый подбородок, маленькие уши – но взрослая, слишком взрослая. Ровесница скорее Джону, чем Арье.

– Она ела что-нибудь? – спросил Джон.

– Только хлеб с бульоном, милорд, – ответил, поднявшись со стула, Клидас. – В таких случаях, как говорил мастер Эймон, торопиться не надо. Сытный обед она пока не сможет переварить.

– Даннел ей предлагал колбасу, она не захотела, – подтвердил Малли.

Неудивительно. Изготавливаемые Хоббом колбасы состоят из жира, соли и такого, о чем лучше не думать.

– Дадим ей отдохнуть, – сказал Джон, но тут девушка проснулась и села, придерживая плащ на груди.

– Где я?

– В Черном Замке, миледи.

– Стена. – Ее глаза налились слезами. – Добралась все-таки.

– Бедное дитя, – подошел к ней Клидас. – Сколько вам лет?

– Скоро шестнадцать. И я не дитя, потому что уже расцвела. – Девушка зевнула, прикрывая рот краем плаща. Голая коленка высунулась из складок. – На вас нет цепи – вы мастер?

– Нет. Служил мастеру.

Очень все-таки похожа на Арию – глаза и волосы такого же цвета.

– Мне сказали, что вы спрашивали меня. Я...

– Джон Сноу. – Она откинула косу за спину. – Наши дома связаны узами крови и чести, и я взываю к вам о помощи, родич. За мной гонится дядя Криган – не позволяйте ему вернуть меня в Кархолд.

Что-то в ее манерах и разговоре помогло Джону вспомнить.

– Элис Карстарк.

– Вот не думала, что меня можно узнать, – с тенью улыбки сказала девушка. – В последний раз мы виделись, когда мне было шесть лет.

– Вы приезжали к нам в Винтерфелл с отцом. – Тем самым, которого Робб потом обезглавил. – Не помню уже для чего.

– Познакомить меня с вашим братом, – вспыхнула Элис. – Предлог был какой-то другой, но истинная причина именно эта. Мы были почти ровесники, и мой отец хотел поженить нас. В нашу честь устроили пир, где я танцевала и с вашим братом, и с вами. Он был очень учтив и сказал, что я танцую прелестно, а вы все дулись. «Чего же и ждать от бастарда», – сказал мой отец.

– Помню, да, – кивнул Джон, солгав только наполовину.

– У вас и теперь вид надутый, но я прошу вас, если спасете меня от дяди.

– Ваш дядя как будто лорд Арнольф?

– Какой там лорд! Настоящий лорд – мой брат Харри, и по закону ему наследую я.

Арнольф – только кастелян, потому что дочь идет прежде дяди. Его племянником, собственно, был отец, я ему прихожусь внучатой племянницей. Криган – его сын. Не знаю, какое между нами родство, но мы его всегда звали дядей, а теперь мне предлагается назвать его своим мужем. – Элис сжала кулачок. – До войны я была помолвлена с Дарином Хорнвудом. Мы только и ждали, когда я расцвету, но Дарин пал в Шепчущем лесу от руки Цареубийцы. Отец писал, что найдет мне какого-нибудь южного лорда, и не успел: ваш брат Робб отрубил ему голову за каких-то двух Ланнистеров. Я думала, они для того и пошли на юг, чтобы убивать Ланнистеров...

– Все не так просто. Лорд Карстарк убил пленных, миледи. Двух мальчиков-оруженосцев, безоружных, заключенных в тюрьму.

Девушку это как будто не удивило.

– Отец, не столь громогласный, как Большой Джон, в гневе был не менее страшен. Теперь и он, и ваш брат мертвы, но мы с вами пока еще живы. Скажите, лорд Сноу: есть между нами кровная вражда или нет?

– Человек, надевая черное, забывает о кровной мести, а Ночной Дозор не враждует ни с вами, ни с Кархолдом.

– Хорошо, а то я боялась. Я умоляла отца поставить кастеляном кого-то из моих братьев, но они все ушли с ним на юг, чтобы завоевать славу. Теперь Торр и Эдд убиты, а Харри держат пленником в Девичьем Пруду, насколько мы слышали чуть ли не год назад. Может быть, и его уже нет в живых. Мне больше не к кому обратиться, кроме последнего из сыновей Эддарда Старка.

– Почему бы не к королю? Кархолд присягнул Станнису.

– Дядя это сделал для того, чтобы Ланнистеры отрубили бедному Харри голову. В случае смерти брата Кархолд переходит ко мне, но дяди не дадут мне воспользоваться моими правами. Как только я рожу Кригану ребенка, нужда во мне отпадет – двух жен он уже схоронил. – Элис сердито, совсем как Арья, смахнула слезу. – Вы согласны помочь мне?

– В брачных и наследственных делах все решает король, миледи. Я напишу о вас Станнису, но...

– Ответа вы не дождетесь, – невесело рассмеялась Элис. – Станнис умрет еще до того, как получит ваше письмо – дядя за этим присмотрит.

– То есть как?

– Арнольф придет к Винтерфеллу, верно, но лишь для того, чтобы вонзить кинжал в спину вашему королю. Он давно уже выбрал Русе Болтона своим сюзереном – за золото, за обещанное помилование, за голову Харри. Лорд Станнис идет в западню. Он мне ничем не поможет, да и не стал бы. Вы моя единственная надежда, лорд Сноу. – Девушка опустилась на колени. – Именем вашего отца заклинаю: спасите меня.

Слепая Бет

Ночью ей светили звезды, и снег искрился под луной, но просыпалась она всегда в темноте. Она открывала глаза и облизывалась, припоминая прекрасный, быстро меркнувший сон. Блеяние овец, ужас в глазах пастуха, визг собак, которых она убивала одну за другой, рычание стаи. Дичи поубавилось, когда выпал снег, но прошлой ночью они славно попиروвали. Ягнятина, собачатина, баранина, человечина. Кое-кто из ее мелких серых родичей боится человека, даже мертвого, а она нет. Мясо есть мясо, и люди – такая же добыча, как и все прочие. Во сне она становится ночным волком.

Слепая девочка повернулась на бок, села, поднялась, потянулась. Постелью ей служили холодная каменная лежанка и набитый тряпьем тюфяк – просыпалась она застывшая, как деревяшка. Тихая, словно тень, она прошлепала огрубевшими подошвами к тазу, умылась холодной водой, вытерлась. Сир Григор, Дансен, Рафф-Красавчик, сир Илин, сир Меррин, королева Серсея. Ее утренняя молитва. Ее ли? Нет, она ведь никто. Это молитва ночного волка. Когда-нибудь она выследит их, затравит, ощутит запах их страха, вкусит их крови. Когда-нибудь.

Она отыскала свои штанишки, понюхала, признала годными, натянула. Сдернула с колышка длинную кусачую рубаху из некрашеной шерсти. Теперь чулки – один черный, другой белый. Черный наверху подшит, белый нет, чтобы надевать каждый на нужную ногу. Ноги у нее хоть и тощие, но сильные и с каждым днем становятся все длиннее.

Это хорошо: водяному плясуну нужны крепкие ноги. Не век же ей быть Слепой Бет.

Нос привел бы ее на кухню, даже если бы она не знала дороги. Горячий перец, жареная рыба, хлеб прямо из печки. Ночная волчица наелась вдоволь, но слепая девочка давно поняла, что съеденным во сне мясом нельзя насытиться.

Сардины, только со сковородки, обжигали пальцы. Она подобрала остатки масла кусочком свежеспеченного хлеба и запила завтрак разбавленным вином, смакуя каждое ощущение. Хрустящая корочка, вкус поджарки, жжение от перечного масла, попавшего в ссадину на руке. Слушать, обонять, вкушать, осязать – так познают мир незрячие.

Вошел кто-то в мягких тряпичных туфлях. Добрый человек, определила она, раздув ноздри. Мужчины пахнут иначе, чем женщины, а жрец к тому же жует апельсиновые корки, освежая дыхание.

– Кто ты этим утром? – спросил он, садясь во главе стола. Тук-тук-тук – первое яичко облупливает.

– Никто.

– Лжешь. Я знаю тебя – ты маленькая слепая нищенка.

– Бет. – Она знала одну Бет в Винтерфелле, когда была Арьей Старк – может, потому и выбрала это имя.

– Бедное дитя. Хочешь получить обратно свои глаза? Попроси – и прозреешь.

Он спрашивал ее об этом каждое утро.

– Может быть, завтра. Сегодня нет. – Ее лицо, как тихая вода, скрывало все, что лежит внизу.

– Как хочешь. – Звякнуло серебро: он взял ложечку из солонки. – Где попрошайничала моя бедная девочка прошлой ночью?

– В таверне «Зеленый угорь».

– Какие три новые вещи ты узнала с тех пор, как выходила в последний раз?

– Морской Начальник все еще болен.

– Это не новость. Он болел вчера и завтра будет болеть.

– Или умрет.

– Когда умрет, тогда это и будет считаться новостью.

Когда он умрет, будут выборы и засверкают ножи – так заведено в Браавосе. В Вестеросе умершего короля сменяет его старший сын, но в Браавосе королей нет.

– Новым Морским Начальником будет Тормо Фрегар.

– Так говорят в «Зеленом угре»?

– Ага.

Добрый человек, который никогда не говорил с набитым ртом, прожевал яйцо и сказал:

– Люди, говорящие, что мудрость заключена в вине, просто глупцы. В других тавернах называют другие имена, будь уверена. – Он откусил еще кусочек, прожевал, проглотил. – Так какие же три вещи ты узнала из тех, что не знала раньше?

– Я знаю, что некоторые говорят, будто Тормо Фрегар будет новым Морским Начальником. Пьяные.

– Это уже лучше. Еще что?

«В Вестеросе, в речных землях, выпал снег», – чуть не сказала она. Но он спросит, откуда она это знает, и ответ ему вряд ли понравится. Она прикусила губу, припоминая, что было ночью.

– Сфрона, шлюха, беременна. От кого, не знает – думает, что от тирошийского наемника, убитого ею.

– Это полезно знать. Еще что?

– В «Подводном царстве» нашли новую Русалку на место старой, которая утонула. Она дочка служанки Престайнов, ей тринадцать. Бедная, но очень красивая.

– Все они красивы, когда начинают, но ты не можешь судить, насколько она хороша, потому что не видишь. Кто ты, дитя?

– Никто.

– Я вижу перед собой Слепую Бет, неумело лгущую. Займись-ка делом. Валар моргулис.

– Валар дохаэрис. – Собрав миску, чашку, ложку и нож, она взяла палочку длиной пять футов, толщиной с ее большой палец, обмотанную вверху кожаными ремешком. Лучше всяких глаз, если пользоваться умеючи, говорит женщина-призрак.

Вранье, конечно. Ей часто врут, чтобы испытать. Никакая палка глаз не заменит, но польза от нее вправду большая, и Бет всегда держит ее при себе. Умма ее саму прозвала Палочкой, но имена ничего не значат. Она – это она. Никто. Просто слепая девочка, слуга Многоликого.

Каждый вечер за ужином призрак приносит ей чашку молока и велит выпить. У питья странный горький вкус, которого Бет не выносит, – от одного запаха ее начинает тошнить, – но она каждый раз выпивает все до капли и спрашивает: «Долго мне еще быть слепой?»

«Пока тьма не станет для тебя столь же милой, как свет, или пока сама не попросишь. Попроси – и прозреешь».

Она попросит, а они прогонят ее. Нет уж, лучше слепой побыть.

Когда она впервые проснулась незрячей, женщина-призрак взяла ее за руку и повела сквозь толщу скалы, на которой стоит Черно-Белый Дом, наверх, в храм.

«Считай ступени и придерживайся за стену, – говорила она, пока они шли. – Там есть

зарубки – глазу они незаметны, но пальцы их чувствуют».

Это был самый первый урок, за которым последовали другие.

Днем – зелья и яды. Различать их можно с помощью обоняния, вкуса и осязания, но трогать, а тем более пробовать яды очень опасно. Некоторые даже и нюхать не стоит. Бет все время обжигала себе губы и кончик мизинца, а однажды ее так вывернуло, что она долго не могла есть.

За ужином – языки. Браавосский девочка уже хорошо понимала, бегло говорила на нем и почти избавилась от своего варварского акцента, но добрый человек был по-прежнему недоволен. Он требовал, чтобы она работала над классическим валирийским и учила диалекты Лисса и Пентоса.

Вечером – игра с призраком в «верю – не верю». Слепому играть куда труднее, чем зрячему: полагаться приходится на интонацию, выбор слов, да иногда призрак позволяет ощупать ее лицо. Поначалу Бет чуть не визжала с досады, но потом все пошло легче. Она научилась слышать ложь и чувствовать ее по напряжению мышц вокруг губ и глаз.

Почти все ее прежние обязанности тоже остались при ней. Она натыкалась на мебель и стены, роняла подносы, блуждала по храму, как по лесу. Однажды чуть не слетела с лестницы, но в прошлой жизни, когда ее звали Арьей, Сирио Форель учил ее сохранять равновесие, и она удержалась.

Она бы плакала перед сном, будь она Арри, Лаской, Кет и даже Арьей из дома Старков – но она никто, и слезам взяться неоткуда. Для незрячего любая работа опасна: она обжигалась раз десять, помогая Умме на кухне. Крошила лук и до кости порезала палец. Дважды не могла найти свою каморку в подвале и ложилась прямо у нижней ступеньки. Храм, даже когда она научилась пользоваться ушами, оставался все таким же коварным: ее шаги порождали эхо вокруг каменных богов тридцатифутовой вышины, и ей казалось, будто стены движутся. Тихий черный пруд тоже вытворял со звуком разные странности.

«Зрение – лишь одно чувство из пяти, – говорил добрый человек. – Научишься пользоваться четырьмя остальными, меньше шишек будешь себе набивать».

Теперь она ощущала кожей потоки воздуха, находила кухню по запаху, различала мужчин и женщин. Узнавала по шагам Умму, слуг и послушников, но не призрак и не доброго человека, которые ходили совершенно бесшумно. Горящие в храме свечи тоже пахли по-разному, и даже те, что не были ароматическими, пускали своеобразный дымок – прямо-таки кричали для того, кто умеет нюхать.

Свой особый запах был и у мертвецов. В ее обязанности входило отыскивать в храме по утрам тех, кто испил из пруда. Этим утром она нашла двух.

Мужчина умер у ног Неведомого, где мерцала единственная свеча. Бет чувствовала ее жар, обоняла ее. Знала, что огонек у свечи багровый, и труп, как сказали бы зрячие, омыт красным заревом. Прежде чем позвать слуг, она ощупала лицо мертвого, потрогала густые курчавые волосы. Красивый и без морщин, молодой. Зачем он пришел сюда искать смерти? Умиравшие бравы часто добираются до Черно-Белого Дома, но на этом как будто ран нет.

Другая, старуха, почил в потайной нише, где особые свечи вызывают тени любимых, которых ты потерял. Ласковая смерть, как добрый человек говорит: старуха умерла, улыбаясь. Недавно совсем, еще теплая. И мягкая, как старая выделанная кожа, которую складывали и комкали тысячу раз.

Девочка считала, идя за уносящими тело слугами. Она наизусть знала, куда сколько нужно сделать шагов. В подземном лабиринте храма и зрячему заблудиться легко, но она

теперь изучила там каждый дюйм – а если память изменит, поможет тросточка.

С трупов, сложенных в склепе, она снимала одежду и сапоги, вытряхивала кошельки, пересчитывала монеты. Различать монеты на ощупь призрак научила ее первым делом. Браавосские она узнавала сразу, с чужими, особенно из дальних краев, приходилось труднее. Чаще других встречались волантинские онеры, маленькие, с короной на одной стороне и черепом на другой. На овальных лиссенийских отчеканена голая женщина, на других корабли, слоны или козы. У вестеросских орел – голова короля, а решка – дракон.

У старухи кошелек не было, только кольцо на пальце. На молодом нашлись четыре золотых вестеросских дракона. Пока она пыталась отгадать, что на них за король, позади тихо открылась дверь.

– Кто здесь? – спросила она.

– Никто, – ответил резкий холодный голос.

Она схватила палку, выставила перед собой. Удар другой деревяшки едва не вышиб ее из рук. Бет замахнулась... и рассекла воздух.

– Не туда, – сказал голос. – Ты что, слепая?

Она не ответила. Болтовня только мешала слышать, куда он движется – вправо, влево? Она прыгнула влево, ударила вправо, не попала опять, зато противник сзади ожег ее по ногам.

– И глухая к тому же?

Она завертелась, нанося удары по воздуху, услышала слева смех, рубанула вправо и на этот раз угадала: он отразил ее удар своей палкой, аж рука заболела.

– Хорошо, – сказал голос.

Она не знала, с кем сражается – скорее всего с кем-нибудь из послушников. Голос она не узнала, но слуги Многоликого Бога, как известно, меняют голоса с той же легкостью, что и лица. В Черно-Белом Доме, кроме нее, жили двое слуг, трое послушников, повариха Умма и два жреца – добрый человек с призраком. Другие приходили и уходили, иногда потайными ходами, но эти пребывали здесь неизменно – значит, на нее напал кто-то из них.

Девочка метнулась вбок, услышала позади шум, повернулась туда, ударила, не попала. Палка противника ткнулась ей между ног, оцарапав голень. Девочка стукнулась коленкой об пол так сильно, что прикусила язык – и замерла неподвижно, как камень. Где же он?

Сзади, смеется. Он ловко съездил ей по уху, зацепил костяшки пальцев. Бет выронила палку и зашипела.

– Ладно, подними, – сказал голос. – На сегодня с битьем покончено.

– Так я тебе и далась меня бить! – Девочка, встав на четвереньки, нашарила палку и вскочила – грязная, в синяках. Все тихо – ушел или стоит у нее за спиной? Дыхания вроде не слышно. Выждав еще немного, она отложила палку и снова взялась за работу. Она бы его до крови измолотила, будь у нее глаза. Когда добрый человек их вернет, она всем покажет.

Старуха уже остыла, брави стал коченеть. Девочка привыкла: теперь она больше времени проводила с мертвыми, чем с живыми. Ей не доставало друзей, которых она завела, будучи Кошкой-Кет: старого Бруско с больной спиной, его дочек Талеи и Бреи, скоморохов с «Корабля», Мерри с ее девушками из «Счастливого порта» и прочего портового отребья. Но больше всего, сильнее даже, чем по глазам, она скучала по Кошке. Быть Кошкой ей нравилось больше, чем Солиной, Голубенком, Лаской и Арри. Кошка погибла вместе с певцом... Добрый человек говорил, правда, что ее все равно лишили бы глаз, чтобы научить пользоваться остальными четырьмя чувствами – слепые послушники в Черно-Белом Доме не

новость, – но ведь не на полгода же и не в таком юном возрасте. О содеянном девочка не жалела: Дареон как дезертир из Ночного Дозора заслуживал смерти. Так она и сказала доброму человеку.

«Разве ты бог, что решаешь, кому жить, а кому умереть? – спросил он. – Мы даруем смерть лишь тем, кого отметил сам Многоликий, после молитв и жертвоприношений. Так было всегда. Я рассказывал тебе историю нашего ордена, говорил, как первый из нас откликнулся на молитвы жаждавших смерти рабов. Один раб просил смерти не себе, а хозяину; он молился горячо, предлагая взамен все, что у него есть. Наш первый брат подумал, что Многоликому будет угодна такая жертва, и в ту же ночь исполнил желание раба, а ему самому сказал: «Ты обещал за эту смерть все, что имеешь, но у раба нет ничего, кроме жизни – ее ты и отдашь богу. Отныне и до конца своих дней ты будешь служить ему». С тех пор нас стало двое. – Пальцы жреца ласково, но крепко охватили руку девочки. – Люди – лишь орудия смерти, а не сама смерть. Убив певца, ты присвоила себе права бога. Мы убиваем людей, но не беремся их судить, понимаешь?»

Она не понимала, но ответила «да».

«Ты лжешь и поэтому будешь ходить во мраке, пока не увидишь пути. Может быть, уйти хочешь? Попроси только – и получишь глаза обратно».

«Нет», – сказала она.

В тот вечер после ужина и короткой игры в «верю – не верю» слепая девочка завязала ничемушные глаза тряпкой, взяла чашку для подаяния и попросила женщину-призрак помочь ей сделаться Бет. Голову ей жрица побрила сразу после потери глаз; это называлось скоморошьей прической, потому что скоморохи делают то же самое, чтобы парики хорошо сидели – а нищим это нужно, чтобы уберечься от вшей. «Я могу покрыть тебя язвами, – сказала призрак, – но тогда все трактирщики будут гнать тебя прочь». Поэтому она сделала лицо Бет рябым и прилепила на щеку бородавку с темными волосками. «Я теперь уродка?» – спросила девочка. – «Не красавица, да». – «Ну и хорошо».

О своей внешности она не заботилась, даже когда была глупенькой Арьей Старк. Красавицей ее звал только отец, да иногда Джон Сноу. Мать говорила, что она может быть очень хорошенькой, если будет умываться, причесываться и следить за своими платьями. Сестра Санса, примеру которой ей предлагалось следовать, сестрины подружки и все остальные кликали ее Арьей-лошадкой. Теперь они все умерли, даже Арья – все, кроме брата по отцу, Джона. Черный Бастард со Стены – так называют его в тавернах и борделях Мусорной Заводы. Даже Джон не узнал бы Слепую Бет... грустно это.

Под нищенской одежкой – рваной, но теплой и чистой – она прятала три ножа. Один в сапог, другой в рукав, третий – в ножнах – на поясице. Браавосцы большей частью хорошие люди и скорее помогут бедной слепой девочке, чем обидят ее, но среди хороших всегда найдется пара плохих, которым захочется ограбить слепую или надругаться над ней. Ножи предназначались для них, хотя девочке пока еще ни разу не довелось пустить свое оружие в ход. Деревянная чашка и веревка вместо пояса довершали ее наряд.

Когда рев Титана возвестил о закате солнца, она спустилась, считая ступени, на улицу и перебралась, стуча палочкой, по мосту на Остров Богов. Мокрые руки и липнувшая к телу одежда оповестили ее о тумане. Туман тоже проделывал со звуками странные вещи – сегодня половина Браавоса станет почти слепой.

Послушники Звездной Мудрости пели на башне, обращаясь к вечерним звездам. Благовонный дым привел девочку к большим железным жаровням у дома Владыки Света;

она ощутила жар и услышала молитву последователей Рглора. «Ибо ночь темна и полна ужасов».

Только не для нее. Ее ночи озарены луной и наполнены пением стаи, вкусом сырого мяса, знакомыми запахами серых родичей. Одинока и слепа она только днем.

Кошка-Кет, продавая своих моллюсков, облазила все закоулки Мусорной Заводи. Лохмотья, бритая голова и бородавка служили надежной защитой, но девочка на всякий случай держалась подальше от Корабля, «Счастливого порта» и других мест, где Кет хорошо знали.

Гостиницы и таверны она узнавала по запаху. В «Черном лодочнике» пахло морем, у Пинто воняло кислым вином, сыром и самим Пинто, который никогда не моется и не меняет одежду, в «Парусном мастере» всегда что-нибудь жарилось. «Семь лампад» услаждали нос благовониями, «Атласный дворец» благоухал духами девушек, мечтающих стать куртизанками.

Звуки тоже везде были свои, особые. У Морогто и в «Зеленом угре» по ночам выступали певцы, в «Изгоях» посетители пели сами, пьяными голосами и на ста языках. В «Доме тумана» гребцы змей-лодок спорили о богах, куртизанках и степени глупости Морского Начальника. В «Атласном дворце» шепотом произносились слова любви, шуршали шелка и хихикали девушки.

Бет каждый раз просила подавание в другом месте, быстро усвоив, что хозяева заведений терпят ее тем охотнее, чем реже она к ним захаживает. Прошлой ночью она стояла у «Зеленого угря», сегодня же повернула не налево, а направо за Кровавым мостом и пошла к Пинто на другой конец Мусорной Заводи, у самого Затопленного Города. Под шумливыми речами и невымытой кожей Пинто скрывалось доброе сердце. Часто, когда народу было не слишком много, он пускал Бет погреться, а порой давал ей кружку эля, корочку хлеба и рассказывал о себе. Судя по этим историям, в молодости он был самым знаменитым на Ступенях пиратом и каких только подвигов не совершал.

Нынче ей повезло: народу было немного, и она устроилась в тихом уголке недалеко от огня. Не успела она сесть, что-то потерлось о ее ногу.

– Опять ты? – Кот, которого Бет почесала за ухом, вскочил ей на колени и замурлыкал. В Браавосе кошек много, а у Пинто и вовсе полным-полно. Старый пират верит, что они приносят удачу, и крысы при них тоже не заведутся. – Ты меня знаешь, правда? – Кошек бородавкой не надуешь: они помнят Кошку-Кет.

Пинто, будучи в веселом расположении духа, дал ей разбавленного вина, кусок вонючего сыра и полпирога с угрями.

– Пинто – добрая душа, – объявил он и в двадцатый раз стал рассказывать, как захватил корабль с пряностями.

Таверна понемногу наполнялась. Пинто отстал и занялся делом, а завсегдатаи бросали в чашку Слепой Бет монетки. Были и незнакомцы: иббенийские китобои, пропахшие кровью и ворванью, пара бравы, мажущих волосы душистым маслом, толстяк-лоратиец – этот все жаловался, что сиденья Пинто для него маловаты. Позже явились три лиссенийца с «Доброго сердца», потрепанной штормом галеи. Она притащилась в Браавос прошлой ночью, а утром ее арестовала стража Морского Начальника.

Они заняли стол у огня, заказали черного рому и начали говорить тихо, чтобы никто не слышал – «никто» как раз и слышала почти каждое слово. На миг ей даже показалось, что она видит их глазами кота, мурлычущего у нее на коленях. Один стар, другой молод, у

третьего уха недостает, но у всех троих кожа светлая, а волосы белые: в лиссенийцах течет кровь древней Республики.

На следующее утро, когда добрый человек спросил, какие три новые вещи она узнала, она не стала медлить с ответом.

– Я знаю, почему Морской Начальник арестовал галею «Доброе сердце». В ее трюме нашли женщин и детей, несколько сотен: их везли в рабство.

В Браавосе, основанном беглыми невольниками, работоторговля была под запретом.

– Я знаю, откуда они взялись. Это одичалые из Вестероса, из одного разрушенного селения. Оно называется Суровый Дом и считается проклятым. – В Винтерфелле, когда Бет еще была Арьей Старк, старая Нэн рассказывала им о Суровом Доме. – После битвы, в которой был убит Король за Стеной, одичалые разбежались, и одна лесная ведьма сказала, что в Суровый Дом придут корабли и увезут их в теплые страны. Но пришли туда только «Доброе сердце» и «Слон» – пираты из Лисса, которых шторм занес далеко на север. Всех одичалых они взять не могли, а в Суровом Доме был голод, поэтому мужчины согласились отправить женщин и детей первыми. Выйдя в море, пираты сразу загнали их в трюм и связали, чтобы продать в Лиссе, но шторм налетел снова и разметал корабли в разные стороны. «Доброе сердце» так пострадало, что капитану поневоле пришлось зайти в Браавос, но «Слон», может, и пришел в Лисс. Лиссенийцы, которые сидели у Пинто, думают, что он вернется на север с целой флотилией: цены на рабов растут, а в Суровом Доме остаются еще тысячи одичалых.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Лесник, лес, ветка, ствол (*англ.*). – *Примеч. пер.*